

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Исторический факультет

Развитие белорусской государственности:
истоки, становление, перспективы

Материалы Республиканской научной конференции молодых ученых 18
марта 2021 г., и 78-й научной конференции студентов и аспирантов БГУ,
13 мая 2021 г.

Сборник научных работ студентов и аспирантов
исторического факультета БГУ

Минск
2022

Решение о депонировании вынес:
Совет исторического факультета
25 октября 2022 г., протокол № 2

Редакционная коллегия:

А. Г. Кохановский (отв. ред.), А. Е. Веремейчик, А. А. Кондраль,
В. С. Кошелев, Н. В. Кошелева, П. С. Курлович, В. С. Макаревич,
А. И. Маскевич, Т. А. Новгородский, В. А. Подолинский,
А. А. Прохоров, А. П. Сальков, С. Н. Ходин, О. А. Яновский

Рецензенты:

Мартынюк А. В., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы,

Ландина Л. В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры историко-культурного наследия Белорусского государственного университета культуры и искусств.

Развитие белорусской государственности: истоки, становление, перспективы : материалы Республиканской научной конференции молодых ученых, 18 марта 2021 г., и 78-й научной конференции студентов и аспирантов БГУ, 13 мая 2021 г. : сборник научных работ студентов и аспирантов исторического факультета БГУ / БГУ, Исторический фак. ; [редкол.: А. Г. Кохановский (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – 248 с. – Библиогр. в тексте.

В настоящем сборнике представлены результаты научно-исследовательской деятельности студентов, магистрантов и аспирантов исторического факультета БГУ за 2021 г., в частности, материалы Республиканской научной конференции молодых ученых «Развитие белорусской государственности: истоки, становление, перспективы», 18 марта 2021 г., а также «78-й научной конференции студентов и аспирантов БГУ», 13 мая 2021 г. Тематически сборник включает в себя статьи, посвящённые как проблемам отечественной, так и всемирной истории.

Редколлегия не несет ответственность за соблюдение орфографических и пунктуационных норм в публикуемых материалах.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящем сборнике представлены результаты научно-исследовательской деятельности студентов, магистрантов и аспирантов исторического факультета БГУ за 2021 г., в частности, материалы Республиканской научной конференции молодых ученых «Развитие белорусской государственности: истоки, становление, перспективы» (18 марта 2021 г.), а также «78-й научной конференции студентов и аспирантов БГУ» (13 мая 2021 г.).

Тематически сборник включает в себя статьи, посвящённые как проблемам Отечественной, так и Всемирной истории.

Широкий спектр научно-исследовательских вопросов представлен в рамках Отечественной истории. Затронуты проблемы формирования белорусской государственности, а также отдельные аспекты геополитики и внутренней политики белорусского государства на различных исторических этапах его формирования. В ряде публикаций анализируются вопросы становления и эволюции политических и социальных институтов на белорусских землях, прослеживается динамика их экономического развития, освещаются духовные и эстетические запросы белорусского общества разных исторических периодов. В отдельных статьях поднимается такая актуальная для современного мира проблема, как сохранение исторической памяти, в частности, отражение страниц белорусской истории в музейных экспозициях, важное место среди которых занимает тематика Великой Отечественной войны. Особый пласт исследований затрагивает исторические сюжеты времен существования СССР. Внимание молодых исследователей привлекла также искусствоведческая тематика: в сборнике представлены работы по архитектуре и градостроительству Беларуси XIX – XX вв. Отдельный корпус статей посвящен вопросам документоведения и архивоведения. Кроме того, в сборнике представлены материалы, в которых анализируются вопросы образования, а также этнологические и этнографические исследования, проведенные в том числе в формате «case studies».

Работы по всемирной истории охватывают период с древности до Новейшего времени включительно. В ряде статей исследуется история христианской церкви в разных регионах мира. Отдельные сюжеты истории Древнего Востока, Европы и Азии периода Средневековья и Нового Времени, а также современной мировой цивилизации можно найти на страницах предлагаемого сборника.

Макоўская Я. У., аспірантка

УНІКАЛЬНАЕ ПРАДПРЫЕМСТВА: З ГІСТОРЫІ УРЭЦКАЙ МАНУФАКТУРЫ

Навуковы кіраўнік:

*П. І. Брыгадзін, доктар
гістарычных навук, прафесар*

Анотацыя. Артыкул звяртае ўвагу чытача на першую мануфактуру па вытворчасці лютэркаў, заснаваную на беларускіх землях прадстаўніцай рода Радзівілаў Ганнай Катажынай. Аўтар спрабуе разгледзець гісторыю дзейнасці прадпрыемства, узнавіць яе месца ў гісторыі нашай краіны. Значная ўвага ў артыкуле надаецца працаўнікам прадпрыемства, асартыменту мануфактуры, а асабліва спосабам рэалізацыі вырабаў.

Ключавыя словы: Урэцкая мануфактура; шкляное прадпрыемства; Ганна Катажына Радзівіл; гута; першыя мануфактуры на беларускіх землях; урэцкія лютэркі.

На тэрыторыі Беларусі ў XVIII – XIX стст. актыўна пашыраецца вытворчасць шкла. Мясцовыя традыцыі вырабу гутнага шкла, якія склаліся ў Полацку, Навагрудку, Гродна, знайшлі працяг у мастацкіх вырабах шкляных мануфактур. Адным з буйнейшых і інавацыйным прадпрыемствам для тых часоў з’яўлялася мануфактура мястэчка Урэчча, заснаваная магнацкім родам Радзівілаў. Урэцкая шкляная мануфактура была адным з першых прадпрыемстваў такога тыпу на тэрыторыі Беларусі. Фактычна, яе дзейнасць распачала пераход ад рамесніцкай формы вытворчасці да больш складанай – мануфактурнай. Яна патрабавала большай колькасці працоўных, наяўнасці спецыялістаў, укладання буйнога капіталу, але прыносила значна большы прыбытак. Арганізацыя і дзейнасць вотчынных мануфактур з’явілася першым крокам да пераходу эканамічнага жыцця на капіталістычныя рэйкі.

Заснавальніцай Урэцкай мануфактуры выступае Ганна Катажына Радзівіл (з роду Сангушак), жонка Караля Станіслава Радзівіла. Яна нарадзілася ў мястэчку Ракаў у багатай сям’і шляхецкага роду Сангушак, атрымала добрую адукацыю і выхаванне. Ганна Катажына была жанчынай разумнай, здольнай да прадпрымальніцкай справы, дбала аб інтарэсах сям’і. Пасля смерці мужа (1719 г.) яна актыўна занялася гаспадаркай, імкнулася павялічыць прыбыткі [7, с. 45]. Менавіта ў 20-ыя гг. XVIII ст. пачынаюцца важныя эканамічныя пераўтварэнні, ініцыяваныя Ганнай Радзівіл. Яна

адчыняе шэраг прадпрыемстваў на сваіх землях, якія з поспехам абслугоўваюць не толькі патрэбы яе сям’і і двара, але і прыносяць прыбытак гаспадарке. Адным з такіх прадпрыемстваў была Урэцкая мануфактура.

Дакладная дата заснавання Урэцкай шкляной мануфактуры яшчэ не вызначана. На сённяшні дзень існуе некалькі падыходаў да вырашэння гэтага пытання. Агульнапрынятымі і найбольш аўтарытэтнымі з’яўляюцца высновы айчыннага навукоўца М. Т. Раманоўскага [5] і польскай даследчыцы Б. Смаленскай [10], якія датуюць узнікненне Урэцкай мануфактуры 30-ымі гадамі XVIII ст. Але некаторыя вучоныя “астаражытняюць” шкляную мануфактуру ва Урэччы. Так, М. Ф. Болбас прытрымліваецца 1635 г. у якасці даты заснавання мануфактуры [1, с. 89].

Узорам для заснавання Урэцкай шкляной мануфактуры была Саксонская каралеўская мануфактура (Сэнтэнбергская фабрыка). Таму не дзіўна, што першапачаткова на мануфактуры пераважалі замежныя майстры. Яны вучылі мясцовых рамеснікаў усім складанасцям майстэрства. Але з самага пачатку існавання мануфактуры мастацкае аздабленне вырабаў знаходзілася пад уплывам мясцовай культуры, пра што гавораць беларускія матывы ў кампазіцыях і арнаментых [9, с. 31]. Поспех вытворчасці забяспечваў і рэцэпт якаснай шкламасы, які Урэцкая мануфактура атрымала ад заснаванага раней мануфактурнага прадпрыемства ў Налібаках. Варта заўважыць, што ўзровень і якасць мастацкага і тэхнічнага выканання посуду былі вельмі высокімі, вырабы ўрэцкай мануфактуры стаялі ў адзін рад з ангельскімі і французскімі.

Пра гісторыю мануфактуры вядома не так шмат. З 1741 – 1765 гг. на чале прадпрыемства быў майстар Шэрбер. Менавіта ён укараніў у вытворчасць Урэцкай мануфактуры ўзоры папулярных у той час французскіх, багемскіх і англійскіх люстэркаў. У 1774 – 1794 гг. мануфактурай кіраваў Павел Малевіч, а з 1804 па 1809 гг. – Ілля Малевіч. Пазней гуту ўзначальвалі прадстаўнікі мясцовых дынастый шкларобаў Кахановічаў, Дубіцкіх, Балькевічаў, Галубовічаў [4, с. 159]. Увесь гэты доўгі час мануфактура належыла выключна Радзівілам. Так, пасля смерці Ганны Радзівіл уладальнікам мануфактуры стаў яе сын князь Геранім Фларыян Радзівіл, які хутка памёр і пакінуў гуту свайму брату – Міхалу Казіміру Радзівілу. Далей “шкляны завод” належыў нашчадкам Міхала Казіміра – Каралю і Гераніму Радзівілам. Геранім пакінуў прадпрыемства свайму сыну – адзінаму нашчадку па мужчынскай лініі – Дамініку Гераніму Радзівілу. Апошні ў сваю чаргу перадаў Урэчча сваёй адзінай дачцэ – Стэфаніі.

Стэфанія з'яўляецца апошняй з Радзівілаў, хто валодаў Урэцкай шкляной мануфактурай у 1820-ыя гг. [6, арк. 42].

Вядома, што з 1829 г. мануфактурамі валодаў граф Л. Вітгенштэйн – ад'ютант расійскага цара Аляксандра I, які атрымаў іх праз шлюб з Стэфаніяй Радзівіл. А ў 60-ыя гг. XIX ст. уладальнікам мануфактур быў баварскі князь Гогэнлоэ, які атрымаў мануфактуры як пасаг за Марыю Вітгенштэйн. Час яго ўладальніцтва характарызуецца павелічэннем нямецкага і чэскага ўплыву на вытворчасць, узмацненне сувязяў з Заходняй Еўропай [6, арк. 42].

У гісторыі Урэцкай мануфактуры былі як перыяды крызісу, калі прадпрыемства нават спыняла дзейнасць, так і перыяды эканамічнага ўздыму. Пасля непрацяглага заняпаду ў час падзелу Рэчы Паспалітай справы шкляной мануфактуры зноў пайшлі ўгару. Далучэнне сучаснай тэрыторыі Беларусі да Расійскай імперыі прывяло да пашырэння рынкаў збыту і павелічэння попыту на шкляныя вырабы, што спрыяла ўзбуйненню вытворчасці. На Урэцкай мануфактуры было ўсталявана дзевяць новых печаў, за кошт чаго колькасць вырабленай прадукцыі значна пашырылася [21, с. 35]. Вялікія разбурэнні гаспадарке прынесла вайна 1812 г., якая не пашкадавала ні памяшканні мануфактуры, ні абсталяванне. У XIX ст. з-за складанага эканамічнага становішча мануфактуру пачалі аддаваць у арэнду. Як часта змяняліся арэндатары, кім яны былі і да чаго прывялі прадпрыемства сказаць цяжка з-за недахопу крыніц. Не дзіўна, што ў гэты перыяд мануфактура паступова пачала губляць свае пазіцыі на рынку. Дадатковую канкурэнцыю ў рэалізацыі шкляной прадукцыі шырокага попыту пачынаюць складаць фабрыкі і заводы, якія з'яўляюцца ў гэты перыяд [8]. Пратрымаўшыся да сярэдзіны XIX стагоддзя, мануфактура зачынілася.

Шкляная мануфактура ва Урэччы мела перадавое абсталяванне, усе неабходныя інструменты і прылады. Яна была арганізавана на высокім тэхналагічным узроўні, які адпавядаў патрэбам часу. Мануфактура мела дзве гуты. У, так званай, “старой” гуче выраблялі люстраныя лісты “халяўным” спосабам і аконнае шкло “лунным” спосабам, які лічыўся састарэўшым. У “новай гуче” была наладжана вытворчасць посуду. Адрозніннем Урэцкай гуты ад еўрапейскіх было размяшчэнне ўсіх тэхналагічных працэсаў (варэнне шкламасы, выдзіманне, гартаванне) у адным памяшканні. Такая ідэя арганізацыі вытворчасці належыць Дзёрдзіёўскаму. Таксама Урэцкая мануфактура вылучалася канструкцыяй сваіх печаў. Яны былі двухбаковымі, што дазваляла варыць у адной і той жа

печи і шкло для посуду і шкло для люстэрак. Тут дзейнічалі 14 печаў, у кожную з якой загрузалі па восем тыгляў адразу [9, с. 32-33].

Акрамя будынкаў гут на тэрыторыі мануфактуры была паташарня – памяшканне, дзе рыхтавалі паташ, які быў асноўным кампанентам шкламасы. Паташ рыхтавалі з попелу, які здабывалі выпальваннем драўніны. Гэтым займаўся спецыяльны чалавек – паташнік. Таксама на тэрыторыі мануфактуры былі: шліфэрня, паліроўня, фацэтарня, аўфмундэрня, падлеварня, цырат шліфэрня, рысоўня, сталярны цэх, тыглярня, кафельня, кузня і склады [9, с. 32-33].

Асноўнымі працаўнікамі на мануфактурах былі прыгонныя сяляне з суседніх вёсак. Для больш складаных задач – такіх як аздабленне вырабаў, распрацоўка новых форм посуду, прадметаў інтэр’еру – выкарыстоўвалася праца наёмных майстроў. Яны ў большасці сваёй прадстаўлены людзьмі адукаванымі, свабоднымі, а час ад часу нават высокароднымі (як правіла, збяднелыя шляхціцы). Па этнічным прызнаку, першапачаткова, пераважалі замежныя спецыялісты (немцы, саксонцы), але вельмі хутка яны былі заменены мясцовымі майстрамі, што было абумоўлена эканамічнымі фактарамі. Усё ж такі трымаць замежных майстроў было справай далёка не таннай. За час працы мануфактуры тут нават сфармаваліся цэлыя мясцовыя дынастыі майстроў, прадстаўнікі якіх былі патомнымі граверамі, мастакамі. Такімі былі сем’і Дубіцкіх, Санцэвічаў, Залескіх, Александровічаў, Адамовічаў, Галубовічаў [9, с. 75].

Але для работнікаў, большасць якіх складалі прыгонныя, умовы працы на мануфактуры былі цяжкімі. Працоўны дзень доўжыўся з 4 раніцы да 7 увечары з перапынкам на абед з 11 да 13. Працаўнікі не мелі адпачынка, не вызваліліся ад работы падчас хваробы, большая частка не атрымоўвала заробку (ці атрымоўвала яго шкляным посудам). Нярэдкасцю былі ўцёкі. Асаблівых ахвотнікаў да працы не наглядалася, таму часта працаўнікоў прыходзілася шукаць у гарадах і мястэчках. Толькі становішча таленавітых майстроў было трохі лепшым, але і яно было давалі адносным і залежыла ад “карыснасці майстра” для мануфактуры [2, с. 63].

Урэцкая шкляная мануфактура з’яўлялася адным з самых буйных шкляных прадпрыемстваў на тэрыторыі Беларусі. Урэцкая мануфактура была скіравана на вытворчасць дарагога крыштальнага посуду, люстэрак, дэкаратыўных прадметаў для інтэр’еру. Асартымент шкляных вырабаў мануфактуры быў вялікі і разнастайны. Тут выраблялі розны посуд: флеты, кілішкі, бутэлькі, “карафкі”, шклянкі, кружачкі для гарбаты, талеркі, сервізы, сталовыя камплекты. Што цікава, асартымент залежыў не толькі ад

попыту, але і ад моды. Майстры даволі хутка рэагавалі на модныя павевы і змены мастацкіх стыляў [9, с. 48].

Галоўная асаблівасць Урэцкай мануфактуры – вытворчасць не толькі шклянога посуду, але і іншых прадметаў, якія ўтрымоўваюць шкло (люстэркі, жырандолі, бра, мэбля і інш.). Менавіта тут была засвоена тэхналогія вырабу люстэркавага шкла. Яна была наступнай: першапачаткова, тэхналогія вытворчасці люстэркаў была такая ж як і іншага шкла, шляхам выдзімання цыліндрычных балонаў, якія разразаліся і фармаваліся ў плоскасць. Пазней працэс вырабу люстэркаў быў мадэрнізаваны. Расплаўленая шкляная маса коўшыкамі пераносілася і разлівалася у спецыяльныя каркасы-формы, тут яна прасавалася. Пасля зацвярдзення люстэркі гартаваліся, шліфаваліся, края абпільваліся [3, с. 34].

Люстэркі выкарыстоўваліся пры вытворчасці аплікаў і люстраў. Гэта былі люстэркі з прымацаванымі да іх свечнікамі, агульна прынятай назвай для такіх люстэрак былі “сафіты” ці “рэфлектары”. “Аплікі” і “люстры” – гэта ўжо мясцовы эквівалент, “аплік” – сафіт, з аздобамі паверх асноўнага люстранага фону, “люстры” – сафіты, дзе фон толькі гравіраваўся і граніўся. Як правіла, аплікі і люстры былі насценнымі асвятляльнікамі (накштат сучасных бра, але з люстэркам). Акрамя гэтага на Урэцкай мануфактуры выраблялі люстэркі з гранёнымі і вісячымі аздобамі, тут іх называлі “люстэркі з каронамі і цыратамі”. Як правіла, “карона” вельмі багата арнаментавалася і аздаблялася гравіроўкай ці граннем, праз што кошт “кароны” часта перавышаў кошт люстэрка ў паўтара разы. Асаблівасцю Урэцкіх люстэрак было аздабленне рам афарбаваным крышталём. Асноўнымі колерамі былі чырвоны, сіні і жоўты, гэта надавала люстэркам прыгажосць і святочнасць з-за ўзмацнення праламлення святла гранёнымі паверхнямі і надання інтэнсіўнасці колерам. На Урэцкай мануфактуры можна было сустрэць і люстэркі з крышталёвымі рамамі, дзе кошт рамы мог перавысіць кошт люстэрка ў тры разы. З 1746 г. пачалі выпускаць “французскія”, “ангельскія” люстэркі, “кінкеты” (насценныя бра), мэблю с люстэркамі: трумо, камоды, ліхтары, столікі, куфэркі, адзежныя шафы [9, с. 36-38].

Для свайго часу колькасць вырабленай прадукцыі на Урэцкай мануфактуры была даволі значнай. Архіўныя дадзеныя сведчаць, што ў XVIII ст. на Урэцкай мануфактуры выраблялі шмат рэчаў у якасці падарункаў і па замове каранаваных асоб, большая частка прадукцыі адпраўлялася на захад (у асноўным у Польшчу, меней у Заходнюю Еўропу). У 50-я гг. XVIII ст. вытворчасць шкла на вотчынных мануфактурах

Радзівілаў пераходзіць на новы ўзровень. У гэты перыяд адбываецца павелічэнне колькасці рэалізаванай прадукцыі і пераарыентацыя на масавага спажыўца. Гэта адбылося з-за павелічэння попыту на вырабы са шклу (вядома, што ў пачатку XIX ст. на кірмах в. Пагосце і Парычы шкляны посуд карыстаўся высокім попытам) і насычэнне запатрабаванняў свайго двара. Для пашырэння сбыту шкла сярод простага насельніцтва дзейнічала сістэма продажу ў крэдыт і выдача на камісію, акрамя таго, былі гады, калі заробак часткова выдаваўся шкляным посудам [9, с. 30].

У XIX ст. адбылася пераарыентацыя вытворчасці на ўсход, асноўным стаў расійскі рынак. Мануфактура задавальняла патрэбы расійскай сталіцы, імператарскага двара, урэцкім посудам карысталіся саноўныя вельможы, графы, памешчыкі [2, с. 65].

Радзівілы старанна сачылі за сбытам прадукцыі сваіх шкляных мануфактур (Урэцкай і Налібоцкай). Па іх загаду будаваліся крамы і склады на ажыўленых трактах і гасцінцах, такіх як Мінск-Варшава (м. Белая), Мінск-Вільня, а таксама ў буйных гарадскіх цэнтрах: Вільні, Гродне, Беластоку, Слуцку, Нясвіжы. Развіваўся гандаль і за межамі Рэчы Паспалітай. Шкло экспартавалася ў Пецярбург, Чарнігаў, Кіеў, Гданьск, Кракаў. У спісах пакупнікоў, якія замаўлялі пэўныя тавары, сустракаюцца імёны знатных асоб (напрыклад, граф Шпорка, князь Курляндскі, кароль Фрыдрых Аўгуст III) [9, с. 28-29].

Шкляная мануфактура ў мястэчку Урэчча стала заўважнай з'явай у эканамічным развіцці не толькі беларускіх зямель, але і Рэчы Паспалітай, а пазней і Расійскай дзяржавы. Мануфактура мела ўсе рысы новага тыпу вытворчасці – падзел працы, арыентацыю на продаж, наёмных працаўнікоў. Пярыяд яе дзейнасці быў плённым часам развіцця беларускага шкларобства і мануфактурнай справы. Пра эфектыўную дзейнасць мануфактуры сведчыць даволі доўгі час яе існавання (больш за 100 год) і актыўная рэалізацыя прадукцыі не толькі на тэрыторыі Беларусі, але і за межамі. Прадпрыемства не проста функцыянавала, яно развівалася на працягу ўсяго свайго існавання, пашыраючы асартымент, вынаходзячы новыя формы і аздабленні вырабаў, павялічваючы магчымасці рэалізацыі прадукцыі.

Акрамя значнага ўклада ў эканоміку вытворчасць Урэцкай мануфактуры істотна ўзбагаціла дэкаратыўна-прыкладное мастацтва з'яўленнем неверагодных ўзораў беларускага шкла. Вырабы прадпрыемства характараваліся высокай якасцю шкла і каларытным беларускім аздабленнем і формамі. Таму не дзіўна, што ўжо ў часы дзейнасці

мануфактуры яе вырабы сталі прадметамі калекцыявання, а зараз экспануюцца ў вядомейшых музеях Усходней Еўропы.

Спіс літаратуры

1. Болбас, М. Ф. Развіццё прамысловасці ў Беларусі (1795-1861) / М. Ф. Болбас. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 268 с.
2. Галоўка, С. Шклянныя цуды з Налібакаў / С. Галоўка // Беларуская думка. – 2016. – № 10. – С. 60-67.
3. Жаўрыд, М. Ф. Беларускае шкло / М. Ф. Жаўрыд. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 164 с.
4. Каранеўская, І. М. Дубіцкія / І. М. Каранеўская // Памяць: Стаўбц. р-н: Гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / Уклад. М. В. Міхно. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 2004. – С. 159.
5. Романовский, Н. Т. Развитие мануфактурной промышленности в Белоруссии (вторая половина XVIII – первая половина XIX ст.) / Н. Т. Романовский. – Минск: Ротапринт НИ при Госплане БССР, 1966. – 431 с.
6. Списки промышленных предприятий Минской губернии с указанием размера выпускаемой продукции // НИАБ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 476.
7. Суднік, В. Вёска Налібакі / В. Суднік // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. – № 6. – С. 44-48.
8. Ціткоўскі, І. Узоры ўрэзкага шкла / І. Ціткоўскі // Kurjer.info [Электронный ресурс]. – 13.04.2007. – Рэжым доступу: <https://kurjer.info/2007/04/13/uzoryi-reckaga-shkla/>. – Дата доступу: 11.04.2019.
9. Яніцкая, М. М. Беларускае мастацкае шкло (XVI – XVII стст.) / М. М. Яніцкая. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – 87 с.
10. Smolenska, B. Materialy do dziejow huty szklanej w Nalibokach z XVIII wieku / B. Smolenska. – Warszawa, 1953. – s. 85-137.

Сямёнаў М. А., аспірант

ГЕНЕЗІС І РАЗВІЦЦЁ ОРДЭНА БАЗЫЛЬЯН НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў XVII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТСТ.

Навуковы кіраўнік:

Т. А. Навагродскі,

доктар гістарычных навук, прафесар

Анотацыя. Артыкул прысвечаны гісторыі ордэна базыльян на тэрыторыі Беларусі ў часы Рэчы Паспалітай і Расійскай імперыі. Аўтар разглядае асноўныя этапы ў гісторыі ордэна: яго заснаванне, крызісы, росквіт і ліквідацыю. Адзначаны найбольш

важныя падзеі – царкоўныя саборы і капітулы, якія паўплывалі на стан ордэна. Гісторыя ордэна базыльян разглядаецца ў агульным кантэксце палітычных падзей на беларускіх землях, адзначаецца ўзаемасувязь становішча ордэна базыльян і ўсёй уніяцкай царквы. Вылучаюцца юрыдычныя асновы ордэна, галоўныя вынікі дзейнасці базыльян на розных этапах існавання ордэна.

Ключавыя словы: ордэн базыльян, уніяцкая царква, манастыр, манаская капітула, манаская кангрэгацыя.

Ордэн базыльян – адзін з нешматлікіх прыкладаў, калі новае манаскае аб’яднанне не пранікла ў ВКЛ з Заходняй Еўропы, а было створана на мясцовым грунце, на тагачасных беларускіх землях і, што таксама важна, ураджэнцамі і патрыётамі ВКЛ. Ордэн базыльян з’яўляецца непаўторным аб’яднаннем народных славянскіх традыцый, сярэднявечнай візантыйскай культуры і заходняга каталіцкага ўплыву, якія змаглі арганічна злучыцца адзін з адным і стварыць для нашых продкаў і для нас вельмі каштоўную культурную спадчыну.

Напрыканцы XVI ст. Кіеўская праваслаўная мітраполія і яе манаства знаходзіліся ў вялікім заняпадзе. Таму ад 1590 г. іерархі пачалі збірацца на сіноды і абмяркоўваць тое, як адрадыць Усходнюю Царкву. Калі мітрапаліты і епіскапы зразумелі, што Канстантынопальская патрыярхія, якая апынулася пад асманскім гнётам, была яшчэ ў горшым становішчы і не магла ні ў чым ім дапамагчы, яны звярнулі сваю ўвагу на Рым, што прывяло да падпісання Берасцейскай царкоўнай уніі 1596 г. [4, с. 96-97].

У кастрычніку 1596 г. да Бярэсця (Брэста) з’ехаліся амаль усе архімандрыты, якія прымалі ўдзел у царкоўных саборах. Дакумент уніі з каталіцкай царквой падпісалі толькі тры архімандрыты Кіеўскай мітраполіі: Клімент – з Браслава, Гедэон Браўльніцкі – з Лаўрышава і Паісій – з Мінска; акрамя таго, епіскап Пінскі, Іван Гогаль, быў Кобрынскім архімандрытам [4, с. 100; 8, с. 135-146].

Пра нейкую рэформу манаства першы ўніяцкі мітрапаліт Міхаіл Рагоза (1540-1599 гг.) ці епіскапы спачатку нават не думалі, бо для гэтага не было адпаведных асоб і, перадусім, трэба было ўмацаваць слабую яшчэ аб’яднаную Царву і забяспечыць яе існаванне. Пасля Рагозы за гэту справу ўзяўся мітрапаліт Іпацій Пацей (1541-1613 гг.) – выдатны прапаведнік, знакаміты пісьменнік-палеміст [4, с. 101].

Ініцыятарам заснавання Ордэна базыльян быў Іван Вельямін Руцкі. Яго дзейнасць па падрыхтоўцы да стварэння ордэну можна падзяліць на тры этапы: 1) 1605 – 1607 гг.; 2) 1607 – 1612 гг.; 3) 1613 – 1617 гг. Тэарэтычнай

асновай для дзейнасці Руцкага на першым этапе стала яго праца “Разважанне аднаго Русіна аб выпраўленні ладу ў грэцкім абрадзе”. У гэтым праекце ён раіў звярнуцца да якога-небудзь каталіцкага ордэна, сваім жыццём падобнага да манахаў Ордэна св. Васіля Вялікага, каб ён дапамог уніяцкай царкве. Яны б прыйшлі да якога-небудзь манастыра і прывучалі б да святасці жыцця праваслаўных манахаў. Асноўныя вынікі гэтай рэформы павінны былі быць наступныя: 1) манахі будуць вызначацца вучонасцю і святасцю жыцця; 2) з’яўца добрыя прапаведнікі і спавядальнікі; 3) будзе заснавана шмат школ, з якіх выйдуць епархіяльныя святары і будучыя дзяржаўныя дзеячы; 4) на пасадзе епіскапаў апынуцца людзі, якія будуць добра ведаць свае абавязкі [5, с. 371-380].

Другі этап падрыхтоўкі быў звязаны з канфрантацыяй мясцовай уніяцкай абшчыны з віленскім праваслаўным брацтвам і апазіцыяй рэформам унутры ўніяцкай царквы. Галоўным праціўнікам дзейнасці Руцкага і Кунцэвіча стаў віленскі ўніяцкі архімандрыт Самуіл Сінчыла. У снежні 1608 г. Сінчыла прылюдна выступіў супраць мітрапаліта Пацей і перацягнуў да праваслаўя віленскіх уніяцкіх святароў. У адказ Пацей вызваліў Сінчылу з пасады архімандрыта. Кароль Рэчы Паспалітай Жыгімонт III Ваза (1587 – 1632 гг.) прызначыў новым віленскім архімандрытам Іосіфа Руцкага [4, с. 110-114]. Апошні этап падрыхтоўкі быў звязаны з ростам колькасці ўніяцкіх манахаў і выкліканымі гэтым наступствамі. У 1613 г. колькасць манахаў у Святатроіцкім манастыры дасягнула 60 чалавек. У 1613 г. адбыліся змены ў кіраўніцтве ўніяцкай царквы. У ліпені 1613 г. памёр мітрапаліт Пацей. Новым кіеўскім мітрапалітам Папа Рымскі Павел V прызначыў І. Руцкага. А новым архімандрытам віленскага манастыра стаў І. Кунцэвіч. Важнай справай Руцкага стала арганізацыя дзейнасці уніяцкага навіцыята ў Быцені, дзе павінны былі выхоўвацца новыя чальцы ордэна. У 1616 – 1618 гг. навучаннем базыльянскіх манахаў у Быцені займаліся езуіты. У той жа час Руцкі прыкладаў вялікія намаганні, каб сабраць у адно правілы святога Васіля Вялікага, раскіданыя па яго творах [4, с. 114-116; 7, с. 20-24].

У 1617 г. уніяцкая манаская супольнасць мела ўжо 5 манастыроў: Вільня, Быцень, Жыровічы, Навагрудак і Мінск, у якіх пражывала каля 100 манахаў. Маючы пэўную колькасць асоб і манастыроў, Руцкі вырашыў, што прыйшоў час арганізацыйна аформіць сваю манаскую супольнасць. З гэтым намерам ён у ліпені 1617 г. склікаў настояцеляў 5-ці вышэйназваных манастыроў на першую манаскую капітулу ў свой сямейны маёнтак Наўгародавічы (Лідскі павет). У сваёй уступнай гаворцы Руцкі растлумачыў

манахам, што запланаваная рэформа з'яўляецца сродкам для выпраўлення духоўнага стану у Царкве. Ён падкрэсліў, што праваслаўнае манаства ўтварае адзіны “Ордэн святога Васіля Вялікага” [1, с. 1-2; 4, с. 117]. На самой справе фактычна сам Руцкі у 1617 г. заснаваў Ордэн базыльян, які дагэтуль не існаваў у такой канкрэтнай форме. Галоўныя рысы новага ордэну можна выкласці ў некалькіх пунктах:

1. Адноўленыя манастыры будуць аб'яднаныя паміж сабой і павінны ўтвараць ордэн. Манахі гэтага ордэна павінны захоўваць Агульныя і Партыкулярныя Правілы, а таксама выконваць капітульныя канстытуцыі.

2. На чале ордэна павінен стаяць мітрапаліт, які мусіць клапаціцца пра яго рост.

3. Хаця мітрапаліт будзе найвышэйшым кіраўніком ордэна, але ўнутры ім будзе кіраваць протаархімандрыйт, якога капітула павінна выбіраць на пажыццёвы тэрмін.

4. Протаархімандрыйту павінны дапамагаць у кіраванні ордэнам 4 кансультары (дарадчыкі), абраныя генеральнай капітулай на пажыццёвы тэрмін.

5. Асобнымі манастырамі павінны кіраваць ігумены, якіх протаархімандрыйт павінен прызначаць на 4 гады.

6. Генеральную капітулу павінен склікаць сам протаархімандрыйт кожныя 4 гады.

7. Ордэн і ўніяцкая царкоўная іерархія павінны быць неразрыўна з'яднаны. Мітрапаліту Руцкаму даручалася атрымаць у караля прывілей, згодна з якім мітрапалітамі былі толькі манахі з Ордэна базыльян [4, с. 118-119; 5, с. 27-50].

З 1617 па 1743 гг. базыльянскае заканадаўства Віленскай Кангрэгацыі Найсвяцейшай Тройцы кіравалася Агульнымі Правіламі, Партыкулярнымі Правіламі і Капітульнымі Канстытуцыямі, якія склаў Руцкі. На першай капітуле 1617 г. мітрапаліт Руцкі абвясціў Агульныя Правілы, у якіх ён сцісла падаў нязменныя аскетычныя нормы для свайго ордэна. Асноўныя пункты Правілаў: 1) абет убоства; 2) абет чысціні; 3) абет паслушэнства; 4) сумеснае жыццё. У Партыкулярных Правілах мітрапаліт Руцкі дакладна вызначыў абавязкі для кожнай пасады ў ордэне. На першым месцы паданых правілы для протаархімандрыйта, у якіх мова ідзе пра яго асобу і абавязкі [4, с. 122-127].

Мітрапаліт Руцкі пакінуў пасля сябе арганізаваны Ордэн базыльян, які стаў асновай уніяцкай царквы. На працягу XVII – XVIII стст. усе епіскапы і мітрапаліты Кіеўскай мітраполіі былі базыльянамі. У 1636 г. (яшчэ пры

жыцці Руцкага) ордэн налічваў ужо каля 160 манахаў і 36 манастыроў. Большая іх частка знаходзілася на беларускіх землях (Брэст, Быцень, Браслаў, Вольна, Жыровічы, Кобрын, Лаўрышава, Мінск, Магілёў, Мсціслаў, Полацк, Пустынкi, Рута, Чарэя і інш.) [4, с. 138].

Са смерцю мітрапаліта Руцкага ў гісторыі базыльян пачынаецца адзін з найбольш няясных і складаных перыядаў, які працягваўся да 1686 г. У гэты час ордэн не выявіў нейкага надзвычайнага росквіту, не разгарнуў шырокай дзейнасці. Прычыны гэтага застою былі ўнутраныя і знешнія. Да ўнутраных належалі доўгія спрэчкі з мітрапалітамі, якія жадалі быць протаархімандрытамі і мець неабмежаваную ўладу над ордэнам. Базыльяне, спасылаючыся на свае Канстытуцыі, дамагаліся, каб протаархімандрытам быў манах, а ўлада мітрапаліта над ордэнам была дакладна вызначана. Гэтыя спрэчныя пытанні былі вырашаныя на Навагрудскай капітуле 1686 г. Акрамя ўнутраных непаразумеанняў, ордэн, як і ўсё насельніцтва ВКЛ, перажываў цяжкае ваеннае дваццацігоддзе, бо ад пачатку паўстання Хмяльніцкага ў 1648 г. да Андрусаўскага замірэння 1667 г. паміж Рускім царствам і Рэччу Паспалітай, базыльяне не раз стаялі перад пагрозай знікнення; прычым, гэтая пагроза датычылася і ўсёй уніяцкай царквы [4, с. 139].

Ад Навагрудскай капітулы (1686 г.) да Дубненскай капітулы 1743 г. адбылося некалькі важных падзей у гісторыі Ордэна базыльян. У гэты час 3 епархіі (Перамышльская, Львоўская і Луцкая) далучыліся да уніі з Рымам, а разам з імі – больш за 120 манастыроў, якія на Дубненскай капітуле аб'ядналіся з Віленскай Кангрэгацыяй Найсвяцейшай Тройцы ў адзіны Рускі ордэн св. Васіля Вялікага. Нягледзячы на тое, што гэты час (1686 – 1743 гг.) быў больш спакойным, базыльянам таксама прыйшлося сустрэцца з шэрагам знешніх пагроз [4, с. 139]. Так, у час Паўночнай вайны (1700 – 1721 гг.), расійскае кіраўніцтва разглядала ўніятаў як здраднікаў веры. Царскія войскі руйнавалі базыльянскія манастыры, манахаў гвалтоўна вывозілі ў Расію, разганялі свецкае ўніяцкае духавенства. 9 манахаў-базыльян у Полацку загінулі ў інцыдэнце, які адбыўся ў ліпені 1705 г. пры непасрэдным удзеле цара Пятра I [1, с. 15; 2, с. 110; 4, с. 161; 6, с. 25-41]. Полацкі базыльянскі манастыр быў зачынены, а Сафійскі сабор пераўтвораны ў парахавы склад. У 1710 г. у выніку выбуху пораху гэты сабор быў амаль цалкам знішчаны. Таксама ў 1710 г. адбыліся напады расійскіх вайскоўцаў на базыльянскія манастыры ў Полацку, Беразвеччы і Ушачах [2, с.110].

Разглядаючы перыяд стабілізацыі (1686 – 1743 гг.), трэба звярнуць увагу на 3 найбольш важныя падзеі: Навагрудскую капітулу, Замойскі царкоўны сабор і Дубненскую капітулу. Навагрудская капітула 1686 г. лічыцца другой па важнасці ў XVII ст. Галоўныя яе вынікі: 1) укладанне “Пагаднення” паміж Кіеўскім мітрапалітам К. Жахоўскім і Ордэнам базыльян; 2) мадэрнізацыя Правіл мітрапаліта І. Руцкага; 3) сабранне ў адзін корпус і дапаўненне Капітульных канстытуцый і “Заўваг пра выбар архімандрыта”. Навагрудская капітула прывяла да доўгачаканага ўмацавання базыльянскага манаства. Узаемаадносіны паміж ордэнам і кіеўскімі мітрапалітамі ўнармаваліся. Колькасць манахаў стала павялічвацца, і да ордэна пастаянна далучаліся новыя манастыры. На ўсіх капітулах кіраваў мітрапаліт, бо манахі вызнавалі яго “адзіным найвышэйшам іерархам ордэна” [4, с. 155-159]. Усё вышэй пералічанае дазваляе нам называць гэты храналагічны прамежак (1686-1743 гг.) у гісторыі ордэна “перыядам стабілізацыі”.

Наступнай важнай падзеяй гэтага этапу быў Замойскі царкоўны сабор 1720 г. Удзел у ім прынялі 140 прадстаўнікоў. Сабор быў скліканы па ініцыятыве кіеўскага мітрапаліта Льва II Кішкі (1714-1728 гг.). Акрамя іерархаў і архімандрытаў, на ім прысутнічалі 40 манахаў (20 з Базыльянскай Кангрэгацыі Найсвяцейшай Тройцы і 20 з розных епархій, якія да яе не належалі). У 18 раздзелах сабор ахапіў увесь лад уніяцкай царквы. 11-ты раздзел меў назву “Пра манастыры і манаскі стан”. Для базыльян Віленскай кангрэгацыі гэтыя саборныя пастановы не ўвялі значных змен. Але манастыры новадалучаных епархій (тыя, што прызналі Брэсцкую унію толькі ў пачатку XVIII ст.) атрымалі новыя правілы манаскага жыцця [14, с. 164-167].

Апошняй яскравай падзеяй “перыяду стабілізацыі” стала Дубненская капітула 1743 г. На ёй усе “рускія” (ўкраінскія) і “літоўскія” (беларускія) манастыры канчаткова аб’ядналіся ў адзін ордэн, абралі сабе адзінага протаархімандрыта, падпісалі “Пагадненне” з мітрапалітам і ўклалі канстытуцыі. Усю тэматыку Дубненскай капітулы можна раздзяліць на 4 пункты: 1) дамоўленасці паміж правінцыямі перад аб’яднаннем у адзін ордэн; 2) “Пагадненне” мітрапаліта з ордэнам; 3) уклад капітульных канстытуцый; 4) распараджэнні і рашэнні Папы Рымскага Бенедыкта XIV [1, с. 15-22; 4, с. 175-176].

1743 – 1772 гг. былі перыядам найбольшага росквіту базыльянскага ордэна, гэта значыць яго абодвух аб’яднаных кангрэгацый-правінцый: Рускай (ўкраінскія землі) і Літоўскай (беларускія землі). Таму гэтыя часы

прынята называць “Залатым векам” Ордэна базыльян, які дасягнуў найбольшай ступені ў сваім развіцці. На гэта ўказваюць сама колькасць базыльянскіх манастыроў і манахаў, якія ў іх жылі і працавалі. У 1772 – 1773 гг. аб’яднання правінцыі, Літоўская і Руская, налічвалі 155 манастыроў і 1235 манахаў. Час між 1743 і 1772 гадамі быў перыядам пастаяннага росту і буйнога развіцця. Рост быў не толькі колькасным, але і якасным. Абедзве правінцыі значна ўзраслі і ўмацаваліся высокім духоўным і інтэлектуальным узроўнем сваіх манахаў. Такім чынам, базыльяне сталі моцнымі і ўплывовымі ўжо не толькі сваёй колькасцю, але і манаскай фармацыяй і высокай асветай. Гэта давала ім магчымасць павялічыць сваю даўнюю дзейнасць і пашырыць яе на новыя сферы: адукацыйную і выдаўнічую. Рухаючай сілай у гэтым развіцці былі ў першую чаргу генеральныя капітулы [4, с. 214-216].

У канстытуцыях, укладзеных на Дубненскай капітуле, было пастаноўлена выбіраць протаархімандрыта і протаігуменаў на 4 гады, таму кожныя 4 гады павінны былі праходзіць генеральныя і правінцыйныя капітулы, галоўным заданнем якіх быў выбар генеральных і правінцыйных упраў. Галоўнымі падзеямі гэтага перыяду былі генеральныя капітулы ў Брэсце ў 1747, 1751, 1759 і 1772 гг., а таксама прыняцце так званых “Гашчанскіх Канстытуцый” у 1766 г. У 1743 – 1772 гг. Ордэн базыльян перажываў найлепшыя часы свайго існавання на землях Рэчы Паспалітай, і на тэрыторыі Беларусі, у прыватнасці. У гэты час было заснавана шмат новых манастыроў і базыльянскіх школ; вялася місійная, адукацыйная і кнігавыдавецкая дзейнасць; адбылася кадыфікацыя і сістэматызацыя базыльянскага заканадаўства [1, с. 38-49; 4, с. 184-213]. Базыльянскі ордэн зрабіў вялікі ўклад у духоўнае развіццё беларускіх зямель ў трэцяй чвэрці XVIII ст., распаўсюджваючы дасягненні заходнееўрапейскай навукі і культуры эпохі Асветніцтва, і, у той жа час, змог смякчыць наступствы актыўнай паланізацыі ў ВКЛ.

Падзелы Рэчы Паспалітай (1772, 1793, 1795 гг.) кардынальна змянілі становішча Ордэна базыльян. Дагэтуль базыльяне заўсёды існавалі ў межах адной дзяржавы, кіраўніцтва якой падтрымлівала іх дзейнасць і развіццё. Зразумела, што, калі беларускія і ўкраінскія землі апынуліся ў складзе Расіі і Аўстрыі, то гэтыя краіны імкнуліся як можна хутчэй уключыць іх у свае палітычныя сістэмы. Перад Расіяй і Аўстрыяй стаяла задача інтэграваць дадзеныя тэрыторыі ў склад сваіх краін, а гэта патрабавала правядзення шматлікіх пераўтварэнняў у розных сферах: ад простага адміністрацыйнага пераўладкавання да змены эканамічных адносін і культурнай адаптацыі.

Культурная адаптацыя павінна была абавязкова ўключаць моўную і рэлігійную складаючыя, што і абумовіла правядзенне новай канфесійнай палітыкі, накіраванай на змяншэнне ролі і ўплыву ўніяцкай царквы сярод мясцовых жыхароў і паступовае згортванне дзейнасці Ордэна базыльян як носьбіта і абаронцы яе ідэй і традыцый.

Гісторыю базыльян у 1772-1839 гг. можна падзяліць на два этапы: 1) 1772-1795 гг., калі ордэн існаваў на беларускіх землях у падзеленым стане; 2) 1796-1839 гг., калі ўсе беларускія землі апынуліся ў складзе Расійскай імперыі.

Ужо пасля другога падзела Рэчы Паспалітай Кацярына II распачала дзейнасць па паступовай ліквідацыі ўніяцкай царквы. Нягледзячы на Гродзенскі трактат 1793 г. аб захаванні ўсіх правоў “рымскіх каталікоў абодвух абрадаў”, Кацярына II у тым жа годзе склікала таемную нараду палітычных і царкоўных дзеячаў з мэтай абмеркавання, як лепшым чынам перавесці беларускіх і ўкраінскіх уніятаў да праваслаўнай царквы. У 1793 г. царскія ўлады забаранілі базыльянам праводзіць місіянерскую дзейнасць. У верасні 1795 г. Кацярына II скасавала Кіеўскую ўніяцкую мітраполію і ўсе 4 епархіі, акрамя Полацкай. Тры базыльянскія правінцыі былі ліквідаваныя. Усе манастыры і манахі перайшлі ў юрысдыкцыю полацкага архіепіскапа І. Лісоўскага, які быў абвешчаны протаархімандрэтам і адзіным протаігуменам для базыльян, бо дзейнасць астатніх была забаронена [1, с. 50-52; 4, с. 252-253].

Кацярына II не паспела пры жыцці канчаткова ліквідаваць уніяцкую царкву і базыльян. Канец яе кіравання (верасень 1796 г.) стаў канцом другога крызіса ў гісторыі ордэна, пасля чаго пачаўся перыяд “адлігі”, звязаны з царстваваннем Паўла I і Аляксандра I, якія змянілі палітыку ў адносінах да “іншаверцаў”. Трэба адзначыць, што ў вялікай ступені палітыка самога Аляксандра I адцягнула час ліквідацыі ордэна. “Белае” ўніяцкае духавенства, распачаўшы ў 1800-х гг. барацьбу з базыльянамі, фактычна займалася знішчэннем сваіх асноў і стварыла спрыяльныя ўмовы для дэструктыўнай дзейнасці Іосіфа Сямашкі [1, с. 53-63; 4, с. 255-265]. Царстваванне Мікалая I стала для Расійскай Імперыі перыядам палітычнай і культурнай рэакцыі, што не магло не адбіцца на канфесійнай гісторыі беларускіх зямель у гэты перыяд. Ён быў адзначаны ўзмацненнем ціску дзяржаўных улад на каталіцкі касцёл і ліквідацыяй уніяцкай царквы, якая была “ўз’яднана” з рускім праваслаўем. Зразумела, што перад тым, як ліквідаваць саму царкву, патрэбна было ліквідаваць яе духоўную і маральную аснову – Ордэн базыльян. Яго канец стаў непазбежным вынікам

палітыкі, якую праводзіў Мікалай I, а дапамагаў яму ў гэтым уніяцкі епіскап I. Сямашка. У 1827 г. Сямашка (які з'яўляўся асэсарам Другога дэпартаменту Рымска-каталіцкай калегіі) перадаў Мікалаю I праект скасавання уніяцкай царквы і аб'яднання яе з праваслаўнай, які змяшчаў таксама ідэі аслаблення базыльян і памяншэння іх уплыву ў царкве [3, с. 540].

Цар Мікалай I і яго ўрад у другой палове 1820-х гг. не вельмі спяшаліся ліквідаваць базыльянскі ордэн і ўніяцкую царкву. Зручнай нагодай для больш рашучых дзеянняў стала Паўстанне 1830 – 1831 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Правабярэжнай Украіне. У паўстанні актыўна прымала ўдзел уніяцкае духавенства і вернікі [4, с. 273-274]. Пасля смерці ў 1838 г. апошніх абаронцаў уніяцтва – кіеўскага мітрапаліта I. Булгака і епіскапа I. Жарскага, у Сямашкі больш не засталася перашкод для скасавання уніі. У лютым 1839 г. на Полацкім царкоўным саборы было абвешчана ўз'яднанне ўніяцкай з Рускай праваслаўнай царквой [3, с. 540]. Гэта дало магчымасць Сямашцы канчаткова ліквідаваць ордэн. У 1839 г. заставалася яшчэ каля 20 базыльянскіх манастыроў і 170 манахаў. Апошнія базыльянскія манастыры на беларускіх землях пасля 1839 г. былі пераўтвораны ў праваслаўныя або зачынены [1, с. 53-63; 4, с. 274].

Такім чынам, гісторыя Ордэна базыльян на беларускіх землях налічвае больш за 220 гадоў. Яна пачалася ў 1617 г. падзеямі першай генеральнай капітулы ў Наўгародавічах, а скончылася ў 1839 г. у сувязі з рашэннямі Полацкага царкоўнага сабору. Да гісторыі базыльян можна дадаць яшчэ перыяд падрыхтоўкі да стварэння ордэна, які пачынаецца ў 1605 г.

Спіс літаратуры

1. Ваврик, М. М. Нарис розвитку і стану Василіянскага чина XVII–XX ст.: топографічна-статистична розвідка. – Рим, 1979. – 219 с.

2. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 3. Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII – XVIII стст.) / Ю. Бохан, В. Голубеў, У. Емельянчык і інш.; Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – 344 с.

3. Кірзеў, В. Р. Полацкі царкоўны сабор 1839 // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 5: М — Пуд / Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі; Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э. Э. Жакевіч. — Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1999. — С. 540-541.

4. Нарис історыі Василіянскага Чину – св. Ёсафата. Рим: Выдавництво ОО. Василіян, 1992. – 640 с.

5. Підручний, П. ЧСВВ, Василянськи генеральні капітули від 1617 по 1636 рік. – Bazylikańskie kapituły generalne od 1617 do 1636 roku. / П. Підручний, Б. П’єтнчко. – Рим – Львів: Видавництво Отців Василян Місіонер, 2017. – с. 510.

6. Полацкія пакутнікі: Збор дакумантаў / Укладаньне й апрацоўка М. Баўтовіча. – Полацак: Сафія, 2000. – 92 с.

7. Саверчанка, І. В. Апостал яднання і веры: Язэп Ручкі. — Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – 67 с.

8. Унія в документах: Сборник / сост. В. А. Теплова, З. И. Зуева. – Минск: Лучи Софии, 1997. – 520 с.

Гугнюк А. А., аспірантка

УСПАМІНЫ ЗАХОДНЕПАЛЕСКІХ ЖАНЧЫН АБ ТРАДЫЦЫЙНАЙ НАРОДНАЙ КАСМЕТЫЦЫ

Навуковы кіраўнік:

Т. А. Наваградскі,

доктар гістарычных навук, прафесар

Анатацыя. Артыкул прысвечаны асэнсаванню матэрыялаў этнаграфічных экспедыцый апошніх гадоў на тэрыторыі Заходняга Палесся. На аснове апыту жыхароў азначаннага краю аўтар выявіў шэраг сродкаў народнай касметыцы, якія доўгі час выкарыстоўваліся мясцовымі жыхарамі ва ўмовах традыцыйнага грамадства. Аўтар прыходзе да высновы, што трансфармацыя эталону прыгажосці і самаідэнтычнасці адбылася ў працэсе саветызацыі Заходняй Беларусі.

Ключавыя словы: Заходняе Палессе, касметыка, парфум, гігіена.

Сёння касметыка як комплекс гігіенічных і дэкаратыўных сродкаў з’яўляецца неад’емнай часткай чалавечай штодзённасці. Цікава, як выглядала сітуацыя адносна касметычных сродкаў ва ўмовах традыцыйнага ладу жыцця. На працягу 2015 – 2020 гадоў былі наладжаны этнаграфічныя экспедыцыі ў вёскі Заходняга Палесся: Лелікава, Барысава, Дзівін, Гарадзец, Паляцічы (Кобрынскі раён), Нікольская, Олтуш, Звозы, Хаціслаў, Лешніца (Маларыцкі раён), а таксама ў асобныя вёскі Пінскага, Брэсцкага, Ганцавіцкага і Пружанскага раёнаў. У межах працы атрымалася правесці апытанні сярод жаночага насельніцтва і пагутарыць, у тым ліку, наконт значага пытання.

Зразумела, што касметыкі ў яе сучасным разуменні традыцыйная вёска не ведала. Але існавала і выкарыстоўвалася ў побыце так званая

народная касметыка, рэцэпты якой прыдумваліся жанчынамі і дзяўчатамі. «Упрыгожванне» твару было з’явай рэдкай. Падчас святаў, каб звярнуць на сябе ўвагу хлопцаў, дзяўчаты бялілі твар глынкай (крэйда), фарбавалі шчокі бураком, ягадамі, чарнілі бровы сажай. З успамінаў рэспандэнтак:

«Красіліся некалі бураком, каб чырвоныя былі шчокі» [1].

«Мая мама з 1923 года раскажывала, што красілі шчокі і губы свяклой. Мелом ліцо растіралі. А потым як раздражэнне пайдет...» [2].

Існавалі розныя спосабы прыгатавання памады, алоўка для броваў. Жанчына з в. Нікольская Маларыцкага раёну распавядала, што для вырабу масы для афарбоўкі броваўнеабходна было ўзяць крыху сланечнікавага алею, дадаць туды сажы і ўсё перамяшаць [3]:

«У бацькі моего был карандаш строительный. Я, бывало, себе его сточу на бумажку трошкі, добавлю туда коровьего масла, бо он был сухой, немного мукі. Оно всё растворицца і сделацца як помада. А на бальцэ глынка (мел) і напудруся вся».

Асаблівую ўвагу дзяўчаты надавалі прычоскам. Каб выглядаць прывабна, прыходзілася ахвяраваць і валасамі і здароў’ем. З успамінаў жанчын з Кобрынскага і Маларыцкага раёнаў:

«Голку, што в’яжэш носкэ на огні, на лямпэ нагріе, то всё кучэрі крутыть. Крутыть-крутыть...пасма отпадэ – пэрэгріла значыт. Знов крутыть» [3]. Крутілі валосы швайкаю – гвоздем раскалёным і пікай, што кабана білі. Мне як швайкою пріпеклі і вот такая (паказвае) вадянка на лбу выскачыла. Боль невыносімая. То я гэту вадянку прятала валасамі, шоб не відно було» [4].

Цікавай гісторыяй падзялілася рэспандэнтка, распавёўшы, што нават пры адсутнасці святла, у дзяўчат атрымоўвалася фарбавацца:

«Вжа колэ як празднік валэкі, тай в царкву підаш на ночну службу. Натраш тое ліцо прі лемпэ. Тож було повначэ, в зэму було...ні на красысся ж прі лемпэ нормально. Смішно. Сміелься з усіх одна з другоі ў цэркві. Гэть як куклэ булэ тыя дівчета. Бо ў цэрквэ вжэ побачіш, а як красэлыся то ні бачыш» [5].

Зразумела, акрамя народнай касметыкі, былі на вёсцы і тавары прамысловасці. У міжваенны перыяд у заходнебеларускую вёску праз сваякоў з цэнтральнай Польшчы, Усходняй Беларусі прасочвалася касметыка, парфума, упрыгожванні, адзенне. Нягледзячы на існаванне шматлікіх касметычных рэцэптаў, трэба сказаць, што ў традыцыйнай сялянскай супольнасці яны не былі надта папулярнымі. Вось што раскажвалі на гэты конт рэспандэнткі:

«Тоді було так: чоловік які зародзіны, такі і е. Умыўся і ўсё. І вот і ўся яго була красота! Хто буў харошы — харошы! Хто буў гідкі — гідкі! Да вот і ўсё!» [6].

«Дівчата в основном ходілі з той красою, з якою родэлыся. Я і так нагріюсь, почырвонію і з мэнэ хватыць. Не надо мэні шчочкі красыты. В тый кросоті бывало утопісся. Волос дліны — ум кароткі» [2].

«Ніякоі касметыкі ні было. Ні очув, ні губ, ні бров ні молявалі. Шо бацько і з мацэрою подарыв, то молодзёш носіла...і до самоі смерці носяць» [7].

Што датычна спосабаў падтрымання гігіены, летам дзяўчынкі мыліся раз на тыдзень, ў асноўным, у рэках. Жыхарка з Моталя распавядала:

«Стіралы все на рэчці, у нэдлію ходылы, сорочки клалы, да каждой нэдлі мэнялы, да складалы, да потом постіралы, да в бочку, жлукту» [8, с. 6].

У якасці сродкаў асабістай гігіены выкарыстоўвалі хлебны квас, газу, палявыя расліны, малочную сыроватку. Валасы мылі яечным жаўтком, настойвалі лісце лапуха, крапівы, выкарыстоўвалі попел.

«Колэсь мэлысь так. Квас з хлеба був. Запарувалэ квас в діжцэ, дэ хлеб росчынялэ. І мэлыся. Шчэ пшышныком (аір звычайны), пахучім такім. Корэнь той копалэ і кэдалэ у чыгун каб парывся і мэлы косы, шоб ны выпадалэ, рослэ» [9].

«Керосіном (газою) мэлыся. Воняло воно, алэ ж коса хороша була, м'екка. З молока соровотка було, квасом хлебным, закваской (разводілі с водой) також мэлэ. Шча й прыглядювалэ волоссе, шоб ны стоело, тый соровоткой, шоб кучор ні стоев. І тело то е самое водою мэлэ» [5].

У якасці сродкаў супраць поту, выкарыстоўвалі мяту і іншыя пахкія палявыя травы, якімі націралі цела:

«Мяту залівалы водкай і ставілы в тёмнае места...натыралыся» [10].

Натуральным фізіялагічным праявам ніхто значнай ўвагі не надаваў:

«У некоторых во время танцув пот сільно вуняв і в дівчат, і в хлопцов, алэ ніхто ны перабандював, ніхто ні до кого діла ні мав» [5].

Іншая сітуацыя была ў гарадах. У «Даведніку гарадскога ўпраўлення ў Брэсце-над-Бугам» за 1936 год, які змяшчаў звесткі пра гаспадарчае і грамадскае жыццё горада, арыентаваў ў пошуку інфармацыі аб паслугах, паведамляецца аб функцыянаванні касметычных кабінетаў (7 штук) [11]. У штогодніку за 1930 год апублікаваны аб'явы аб існуючых па пералічаных адрасах паслугах, сярод якіх: манікюр, афарбоўка валасоў, броваў. Гаражан

інфармавалі аб працы цырульняў, майстэрняў па пашыўцы гарсэтаў, бюстгальтараў [12]. Такім чынам, розніца паміж побытавымі ўмовамі ўтрымання гаражанак і сялянскіх была істотнай. Тоеснай была сітуацыя ва Усходняй Беларусі, дзе з 1924 года пачалося выданне часопіса «Беларуская работніца і сялянка» (пазней змяняў назву на «Работніца і калгасніца Беларусі», «Работніца і сялянка», «Алеся»). Часопіс прапаноўваў сваім чытачам выкрайкі ніжняй бялізны: кашуль, панталонаў, бюстгальтараў. Актыўна друкаваліся артыкулы з «парадамі прыгажосці».

Разам з саветызацыяй Заходняй Беларусі пачалася трансфармацыя вясковага ўкладу жыцця, матэрыяльнай і духоўнай культуры. Ужо ў 1940 годзе ў часопісе «Работніца і калгасніца Беларусі» заходнепалескія дзяўчаты маглі пазнаёміцца з рубрыкай «Карысныя парады», дзе паведамлялася пра догляд за скурай твара, валасамі, зубамі і поласцю рота. Датычна догляду за валасамі пісалі: «Не радзей чым адзін раз у 5 дзён валасы трэба мыць гарачай вадой з мылам. Тлустыя валасы трэба мыць часцей: не радзей чым адзін раз у 2–3 дні...Для мыцця галавы асабліва прыгодны, выпускаемыя нашай прамысловасцю, вадкія сарты мыла...Да такіх сартоў адносяцца піксафоны і шампунь у вадкім выглядзе» [13, с. 18].

Рост сацыяльнай мабільнасці, выкліканы міграцыяй, прыводзіў да пашырэння ў побыце прадметаў масавай матэрыяльнай культуры. Аб побытавых зменах сведчаць успаміны:

«После войны покупали краску. Этой краской и шчокі мазалі і губы» [14].

«Красна Масква» былі духі, у малых бутылочках. А брыліса то станкамі, лезвіем...мыла намыляць, дэй брыюць» [15].

Пад уздзеяннем кіно, росту папулярнасці кіназорак касметыку сталі ўспрымаць як складаную частку жаночага гардэроба. Перыёдыка, радыё, тэлебачанне транслявалі новыя вобразы жаночасці, эталоны прыгажосці. Усё гэта аказвала істотны ўплыў на дзявочую самаідэнтычнасць і на ўспрыманне яе іншымі членамі соц'юму.

Спіс літаратуры

1. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Чыркун Н. Н. – в. Кукава-Бор, Ганцавіцкі р-н, 2016.
2. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Жук А. Н. – в. Лелікава, Кобрынскі р-н, 2016.
3. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Лоневай А. П. – в. Нікольская, Маларыцкі р-н, 2015.
4. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Жук І. Г. – агр. Дзівін, Кобрынскі р-н, 2017.

5. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Балка П. С. – в. Лелікава, Кобрынскі р-н, 2018.
6. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Хлус М. М. – в. Сасновічы, Пінскі р-н, 2017.
7. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Кісялевіч Я. Ф. – в. Раджалавічы, Ганцавіцкі р-н, 2016.
8. Наваградскі, Т. А. Народная кухня маталян / Т. А. Наваградскі, І. У. Алёніна, С. А. Захаркевіч. – Мінск : [б. в.], 2009. – 99 с.
9. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Лукашук Л. С. – в. Паляцічы, Кобрынскі р-н, 2018.
10. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Куксай Т. Р. – г. Пружаны, 2016.
11. Informator Zarządu Miejskiego w Brześciu nad Bugiem, 1936, Brześć nad Bugiem.
12. Rocznik Miasta Brześcia na rok 1930, Mondalski W. (red.), 1929, Brześć nad Bugiem.
13. Карысныя парады // Работніца і калгасніца Беларусі. – 1940. – № 6. – С. 18.
14. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Шаўчук Г. Р. – в. Гарадзец, Кобрынскі р-н, 2015.
15. Асабісты архіў аўтара. Інтэрв'ю з Вабішчэвіч Н. А. – в. Семягосцічы, Столінскі р-н, 2016.

Лізуноў А. І., аспірант

УНУТРЫПАЛІТЫЧНЫЯ КАНФЛІКТЫ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 1917 – 1921 ГГ.

Навуковы кіраўнік:

А. В. Бурачонак,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Анотацыя: У артыкуле аналізуецца праявы ўнутрыпалітычных канфліктаў, як узброеных, так і няўзброеных. Разглядаюцца такія прыклады, як грамадзянская вайна, паўстанне, партызанскае змаганне, міжэтнічны канфлікт з палітычнай афарбоўкай. Зроблена выснова аб тым, сутыкненне разнастайных палітычных сілаў на тэрыторыі Беларусі ў 1917 – 1921 гг. вызначыла сацыяльную і палітычную мадэль развіцця. У палітычных узброеных і няўзброеных сутыкненнях знайшлі сваё вырашэнне сацыяльныя, палітычныя, міжэтнічныя канфлікты, якія назапашваліся на працягу папярэдніх дзесяцігоддзяў.

Ключавыя словы: унутрыпалітычны канфлікт, канфлікт з ненулявой сумай, грамадзянская вайна, міжэтнічны канфлікт, паўстанне, партызанскі рух.

У 20-я гг. XX ст. Беларусь апынулася ў віры крываваых падзеяў, якія мелі лёсавызначальны сэнс для будучыні нашай дзяржавы. На тэрыторыях былой Расійскай Імперыі, будучага Савецкага Саюза у той час, калі яшчэ не скончылася Грамадзянская вайна, адначасова ішла польска-савецкая. На Беларусі знешнепалітычны канфлікт ускладняўся працэсамі дзяржаўнага самавызначэння, усталяваннем савецкай улады.

Асноўныя крыніцы па гісторыі ўнутрыпалітычных кафліктаў прадстаўлены цэлым шэрагам дакументаў. Гэта арганізацыйна-распарадчыя дакументы органаў улады, якія існавалі ў гэты перыяд (загады, пратаколы, ліставанне і інш.). Асноўны масіў іх захоўваецца ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ).

Дакументы аб грамадзянскай вайне сканцэнтраваны ў фондзе Савета Абароны Літвы і Беларусі, Надзвычайнай Камісіі па змаганню з контррэвалюцыяй і спекуляцыяй. Надзвычайная Камісія разглядала карныя справы аб падаўленні выступу генерала С. Булак-Балаховіча. Працуючы з гэтымі крыніцамі, трэба мець на увазе, што яны прадстаўлены следчымі дакументамі палонных балахоўцаў. Таму неабходна праводзіць крытыку гэтай крыніцы, падобна дакументам, якія былі створаны падчас следства і допытаў.

Так, згодна з дакументамі, немагчыма высвятліць калі пачалося выступленне Булак-Балаховіча. Існуе сведчанне толькі аб адступленні войскаў генерала. 17 лістапада 1920 г. пачалося поўнае адступленне войскаў Балаховіча у бок Польшчы. Адступаючы балахоўцы прарываліся ў Жыткавічы. Як сведчылі палонныя балахоўцы, ў гэты час сярод жаўнераў была распаўсюджана інфармацыя аб масавых растрэлах мірных жыхароў з боку Рабоча-Сялянскай Чырвонай Арміі, растрэлы балахоўцаў, якія былі дэзіртырамі з РСЧА. Але і на этапе адступлення да балахоўцаў працягвалі ісці дабраахвотцы. Напрыклад, у вёсцы Белева да Балаховіча далучыліся некалькі мясцовых жыхароў. Сведкі апісвалі балахоўцаў як групы дэмаралізаваных жаўнераў і афіцэраў антыкамуністаў, якія панічна рухаліся на захад, з-за баязні не паспець патрапіць у Польшчу. Таксама, адступленне суправаджалася яўрэйскімі пагромамі. Такі пагром адбыўся ў Жыткавічах, дзе былі забіты некалькі чалавек і разрабаваны шэраг яўрэйскіх крам [2, с.2- 6].

Але згодна іншым крыніцам, падзеі распачаліся наступным чынам. Беларускія фармаванні генерала С. Булак-Балаховіча павінны былі маланкава правесці наступленне, правакаваць сялянскія паўстанні і заняць тэрыторыю Беларусі цалкам. Тэрыторыя Беларусі павінна была стаць

незалежнай саюзнай Беламу Руху дзяржавай і выкарыстоўвацца як база для разгортвання наступу белагвардзейскіх фармаванняў на усход [6, с.130-133].

Цяжкія баі разгарнуліся ў Петрыкаве. Потым да Мазыра войскі рухаліся маланкава, горад быў узяты налётам. Пасля заняцця Мазыра ўскрыліся новыя праблемы Балахоўцаў: адсутнасць сувязі, адсутнасць цягнікоў і вагоноў дзеля аператыўнага перакідвання вайскоўцаў, былі пашкодзаны рэйкі і знішчаны масты, некаторыя партызанскія атрады не падпарадкоўваліся. Шэраг прадстаўнікоў афіцэрскага корпусу ўвогуле лічылі, што трэба прабівацца да Урангеля ў Крым [6, с.189].

Балахоўцы змаглі дайсці толькі да наваколіцца Гомеля. Там сілы палкоўніка І. Паўлоўскага і Мазырскі полк былі адкінуты і ўзяты ў атачэнне, з якога потым змаглі выбіцца. РСЧА распачало наступ адразу на ўсіх напрамках дзейнасці балахоўцаў. 2-я дывізія і Мазырскі полк былі разбіты, 3-я дывізія некаторы час стрымлівала наступ, але была зламана і пачала адступаць. Пасля знішчэння другой дывізіі РСЧА пачало маланкава рухацца на Мазыр-Петрыкаў-Тураў. Войска спыніла існаванне, жаўнеры проста разыходзіліся, у Тураве збіраліся афіцэры. Б. Савінкаў падкрэсліваў, што першая паніка з'явілася толькі пры падыходзе адступаючых да Турава, з-за жаху, што бальшавікі паспеюць перакрыць мяжу. Там жа ў Тураве была раскрыта таёмная афіцэрская арганізацыя, якая планавала вывесці жаўнераў у Крым.

Савет Абароны Літвы і Беларусі адзначаў, што на тэрыторыі Беларусі была разгорнута варажая да бальшавікоў праца партый эсэраў і меньшавікоў. Падкрэслівалася, што асабліва гэтая з'ява праявіла сябе на чыгунцы. Найбольшая актыўнасць эсэраў і меньшавікоў адзначалася ў Слуцкім і Навагрудскім паветах. Асноўным аргументам прапаганды левых эсэраў была дзейнасць камітэтаў беднаты, антысеміцкая рыторыка супраць яўрэяў-камуністаў. Падзеі паўстанняў на тэрыторыі Беларусі разглядаліся праз прызму класавага змагання [4, с.23].

Так, 14 чэрвеня 1919 г. у вёсцы Германовічы пачалося паўстанне ў Дзісенскім і Браслаўскім паветах. Колькасць паўстанцаў была 3000 асоб. Сваёй дзейнасцю літаральна за тры дні паўстанне ахапіла цалкам два паветы. Першапачатковыя баі, якія разгарнуліся паміж РСЧА і паўстанцамі адзначаліся пасіўнасцю мясцовых бальшавікоў. Некалькі рот перайшло на бок паўстанцаў, яшчэ некалькі былі разбіты. Такое становішча захоўвалася да 1 ліпеня 1919 г., калі паўстанне было знішчана. Савецкая ўлада абвінавачвала ў паўстанні польскіх эмісараў, якія быццам бы падбухторылі сялянства да паўстання [2, с.77].

Савецкая ўлада традыцыйна разглядала ўсе падзеі супраць савецкай улады як праяву грамадзянскай вайны. Усе прадстаўнікі варажых фармаванняў запісваліся як белыя, зялёныя, ці нават бела-зялёныя. Напрыклад паўстанне ў Дзісенскім і Браслаўскім уездах было вызначана менавіта як бела-зялёнае.

На тэрыторыі Беларусі таксама адбываліся міжэтнічныя канфлікты з палітычнай афарбоўкай. Першым стаў беларуска-польскі канфлікт, які пачаўся ў 1918 г. Аб гэтым сведчыць супрацьстаянне паміж беларускімі і польскімі арганізацыямі ў Мінску з 19 па 25 лютага ў Мінску, у перыяд пасля эвакуацыі бальшавікоў і падыходу немцаў. У такіх умовах Народны Сакратарыят і Выканаўчы Камітэт Усебеларускага з'езду ў ноч з 19 на 20 лютага прыняў пастанову аб стварэнні і фармаванні беларускай міліцыі і ўзброеных сілаў. Прычыны, якія вымусілі пайсці на гэты крок, былі наступныя: захаванне парадку і супрацьстаянне дзеяннем польскай камандатуры. На пасаду кіраўніка міліцыі быў прызначаны Фларыян Ждановіч, камандзірам І Беларускага палка – І. Рачкевіч, вайсковым камандантам беларускай зоны Мінску - Кастусь Езавітаў. Мірнага суіснавання беларускіх і польскіх атрадаў не атрымалася. Горад быў падзелены на польскую і беларускую частку. Шэраг вуліц пераходзіў з рук у рукі. Такая сітуацыя працягвалася да прыходу немцаў. Для нівеліравання канфлікту немцы загадалі польскім і беларускім вайсковым фармаванням здаць зброю [3, с.1-5].

Канфлікт паміж беларускім і польскім насельніцтвам разгарнуўся не толькі ў Мінску, але і на абшарах Віленскай, Гродненскай, Мінскай і Віцебскай губерняў. На дадзеных тэрыторыях міжэтнічны канфлікт сыходзіў з супрацьстаяння польскай адміністрацыі і беларускіх арганізацый..[1, с.15-30].

Такім чынам, можна сцвярджаць, што ў гэты час разгарнуўся межэтнічны канфлікт паміж беларусамі і палякамі за ўладу на тэрыторыі Беларусі. Асноўнымі сіламі былі польская акупацыйная ўлада і ўрад Беларускай Народнай Рэспублікі. Варта адзначыць, што беларускі бок у дадзенай сітуацыі апынуўся ў проігрышнай пазіцыі, бо міжнародная, вайсковая і дыпламатычная падтрымка была на баку Польшчы. Дзейнасць прадстаўнікоў Беларускай Народнай Рэспублікі па прыцягненню ўвагі Антанты да канфлікту беларусаў і палякаў апынулася па-за ўвагай.

Варта таксама вызначыць супрацьстаянне, якое адбывалася ў выглядзе партызанскага змагання. Так, напрыклад, Беларуская Сялянская Партыя “Зялёны Дуб” мела на мэце менавіта такую форму змагання.

Зыходзячы з Статута названай партыі, які захоўваецца ў НАРБ, дэкларавалася вызваленне Беларусі ў этнаграфічных межах ад бальшавіцкай улады. Адначасова прызнавалася права Другой Рэчы Паспалітай на Заходнюю Беларусь, а беларусы і палякі абвешчаліся сяброўскімі народамі. Формай змагання за незалежнасць была прызнана непрырыўная партызанка. Таксама прадугледжвалася агітацыйна-прапагандысцкае змаганне супраць эсэраў, бальшавікоў і камсамолу. Асноўнай мэтай партыі з’яўлялася ўсталяванне сувязі з краінамі, якія прызнаваліся да Беларусі. У першаю чаргу ў якасці такой краіны была вызначана Польшча.

Такім чынам, “Зялёны дуб” прадстаўляецца антысавецкай, нацыяналістычнай партыяй з яскравай прапольскай арыентацыяй [5, с.1]. “Зялёны дуб” дэкларавала партызанскае змаганне з бальшавікамі. Нельга сцвярджаць з поўнай верагоднасцю, што гэтыя намеры былі рэалізаваны, бо ў дакументах дзяржаўных архіваў не былі выяўлены доказы дзейнасці сяброў партыі. Нельга таксама сцвярджаць, што на тэрыторыі Беларусі разгарнулася антысавецкая партызанка, бо акрамя Статуту “Зялёнага Дубу” аб гэтым сведчанняў няма. Адсюль вынікае, што грамадзянскай вайны на тэрыторыі Беларусі фактычна не было.

Спіс літаратуры

1. Езовитов, К.Б. Белорусы и поляки / К.Б. Езовитов – Ковно: Издательство имени Франциска Скорины, 1919. – 125 с.
2. НАРБ ф.13. – Оп.1. – Д.9
3. НАРБ ф.325. – Оп.1.- Д.2
4. НАРБ ф.456. – Оп.1. – Д.1.
5. НАРБ ф.664. – Оп.1. – Д.1.
6. Савинков, Б.В. Воспоминания террориста / Б.В. Савинков. – М.: ПрозайК, 2013. – 544 с.

Шапко (Туркевич) А. С., аспирантка

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ДОКУМЕНТОВЕДОВ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БГУ

Научный руководитель:

О. Л. Липницкая,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые образовательные технологии (игровые технологии, кейс-технологии, технологии проблемного обучения, технологии

группового обучения, технологии критического мышления), применяемые преподавателями кафедры источниковедения исторического факультета БГУ в обучении студентов специальности «Документоведение (по направлениям)». В работе приводятся примеры использования образовательных технологий в конкретных дисциплинах.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет, документовед, образовательные технологии, исторический факультет.

Процессу подготовки специалистов в сфере информационного/документационного обеспечения управления отводится 4 года на дневной и 5 лет на заочной формах получения образования. За период обучения преподаватели кафедры источниковедения и других кафедр факультета ведут разнообразные дисциплины, используя различные образовательные технологии.

В научной литературе термины «образовательные технологии» или «педагогические технологии» являются неустоявшимися (имеется ряд толкований со своей доказательной базой у таких исследователей, как Б.Т. Лихачев, С.А. Смирнов, Г.К. Селевко, Б. Скиннер, Д.Г. Левитес, С. Гибсон) [15, 16]. Тем не менее, понятие «Образовательные технологии» закреплены официально в Республике Беларусь в Образовательных стандартах высшего образования Республики Беларусь, чего нельзя сказать про термин «педагогические технологии». Так, например, под данным термином понимается система деятельности педагога и учащегося, основанная на определенной идее, принципах организации и взаимосвязи целей, содержания и методов образования либо последовательность учебно-познавательных действий учащегося и обеспечивающая их реализацию последовательность состояний образовательной среды и организационно-управленческих действий педагога, которая определяется целями конкретной педагогической системы и возможностями ее объектов и гарантирует достижение этих целей [9]. Целеполагание – один из главных факторов выбора образовательных технологий для преподавания, исходя из нужд изучаемых дисциплин. К постановке цели необходимо подходить объективно, чтобы точно ее сформулировать и адекватно определить возможность реализации, а затем определить дидактический процесс, гарантирующий ее достижение в определенный период времени [1, с. 30]. Образовательные технологии должны обладать гибкостью (корректируемостью), экономичностью, проектируемостью, целостностью и другими свойствами, которые в совокупности позволяют достичь наиболее эффективного результата.

При обучении студентов специальности «Документоведение (по направлениям)» важно понимать, что спектр изучаемых ими дисциплин охватывает различные сферы деятельности и, соответственно, при преподавании необходимо учитывать специфику курса для наибольшей продуктивности. Существует множество подходов и классификаций образовательных (педагогических) технологий, например, Г. К. Селевко, В.А. Сластенин, Н. В. Бордовская, С. Л. Еркина и др. [2, 5, 7, 13, 14,]. В работе с документоведцами исторического факультета БГУ применяются следующие технологии: технологии проблемного обучения, технологии группового обучения, технологии критического мышления, игровые технологии, кейс-технологии.

Как правило, на занятиях применяются как отдельные виды технологий, так и смешанные (совокупность элементов разных технологий). Выбор используемой технологии зависит от дисциплины, темы и вида занятия (лекционное, семинарское/практическое/лабораторное либо управляемая самостоятельная работа). Результаты работы студентов на протяжении семестра могут отражаться в итоговых заданиях на зачете либо экзамене, где тоже могут использоваться образовательные технологии.

Примеры использования образовательных технологий в обучении студентов специальности «Документоведение (по направлениям)»

В обучении документоведов можно выделить следующие блоки дисциплин:

- документоведческий (документоведение, технология и организация ДОУ, организация работы с обращениями граждан и юридических лиц, технотронное документирование и архивы, методика преподавания документоведческих дисциплин, кадровое делопроизводство и др.);

- архивоведческий (архивоведение, архивы организаций и др.);

- информационные технологии (информационные технологии, информационные системы, автоматизация делопроизводства, компьютерные информационные технологии в документационном обеспечении управления, технологии баз данных в управленческой деятельности и др.);

- правоведческий (основы права, конституционное право, гражданское право, административное право, трудовое право, источники по изучению развития правовых систем современности, охрана персональных данных, основные нормативные правовые акты, информационное право и др.);

- управленческий (менеджмент, автоматизация управления персоналом, основы управления интеллектуальной собственностью, информационное обеспечение управления и др.);
- экономический (экономическая теория, бухгалтерский учет и др.);
- исторический (история Беларуси, всемирная история, история государственных учреждений, СИД Палеография, СИД дипломатика и др.).

В каждом блоке используются разнообразные образовательные технологии. Анализ видов используемых технологий показал, что по большей части штатные преподаватели кафедры источниковедения используют технологию критического мышления. На второе место выходят игровые технологии, технологии проблемного и группового обучения. В обучении студентов специальности «Документоведение (по направлениям)» используют также кейс-технологии. Следует отметить, что из 14 опрошенных преподавателей, не было ни одного ответа с показателем «не использую образовательные технологии».

Технологии критического мышления

Научить критически мыслить студентов – одна из самых основных задач преподавателей в университете. Наука предполагает разносторонний подход к проблеме, обозначенной исследователем. Таким образом, при обучении документоведов, этой технологии отводится основная роль, что показывают данные опроса штатных преподавателей кафедры источниковедения, которые работают со студентами специальности «Документоведение (по направлениям)». Технологию используют в разных видах занятий. Например, при написании эссе по выбору внедрения автоматизированной системы в организацию, студенты рассматривают разные системы, выбирают критерии, оценивают характеристики и таким образом критически подходят к своему выбору. В дисциплинах исторического блока (источниковедение, дипломатика и др.) также используется технология критического мышления – студенты, например, должны определить, насколько можно считать источник достоверным, мнение автора объективным и иное.

Игровые технологии

В любом возрасте человеку присущ интерес к играм. Разница заключается только в форме его проявления и реализации: молодым – наиболее активные и подвижные игры, людям постарше и пожилого возраста – наиболее спокойные игры на местах. Положительный характер игр заключается в том, что такая форма деятельности всегда привлекает разные группы людей, она активизирует мышление и вызывает интерес.

Именно поэтому использование игровых технологий позволяет добиться эффективного результата учебной деятельности студентов [14, 15]. Возможность воображать, самим выбирать пути решения поставленных задач, креативно придавать форму результату своего труда – все это положительно сказывается на усвоении материала. Такие технологии широко используются в документоведении, архивоведении, например, в организации работы с обращениями граждан и юридических лиц, методике преподавания документоведческих дисциплин. Так, в учебной программе дисциплины «Организация работы с обращениями граждан и юридических лиц» обучающимся предлагается делиться на команды, представляя разные организации для написания обращений (заявление, жалоба, предложение), представители других команд должны отреагировать на запросы и определить факт принятия либо отклонения обращений. На семинарских занятиях по методике преподавания документоведческих дисциплин студенты практически отрабатывают изученные методики, технологии преподавания. Обучающиеся проводят занятия в течение 15 – 20 минут, заранее подготовив соответствующую документацию (план занятия, раздаточные материалы, презентацию и др.). Таким образом, студенты применяют теоретически полученные знания в искусственно созданной практической деятельности. Студенты специальности «Документоведение (по направлениям)» отрабатывают не только навыки документирования обращений, но и коммуникативные навыки, развивают логическое и критическое мышление, что позволяет им анализировать и оценивать сложившуюся ситуацию [6, 10].

В ходе изучения дисциплины «Информационные технологии в документоведении и архивоведении» на завершающем этапе проводилась деловая игра, в ходе которой проектировались реальные проблемные ситуации («Угрозы безопасности информационно-коммуникационной инфраструктуре государства: разработка мер противодействия»), выработывались коллективные и индивидуальные позиции, принимались решения [8].

Технологии проблемного обучения

Технологии проблемного обучения используются чаще на лекционных занятиях по таким дисциплинам как документоведение, архивоведение, технология и организация документационного обеспеченного управления, организационное проектирование, информационные технологии и другие. Особенностью этой технологии является постановка проблемы в начале занятия или вопроса темы, которые

необходимо решить/раскрыть. В этом случае студенты, используя ранее полученные знания, способности анализировать, критически и логически мыслить, на протяжении всего занятия шаг за шагом приходят к раскрытию поставленной темы [14, 15].

Технологии группового обучения

В приведенных выше примерах помимо игровых технологий были применены и технологии группового обучения, и критического мышления, и другие. Групповое обучение часто применяется в работе со студентами на семинарских занятиях либо в управляемой самостоятельной работе, где студенты распределяются по командам и решают поставленную задачу. В этом случае, обучающиеся самостоятельно распределяют роли и ответственность каждого участника, совместно определяют путь достижения результата, контролируют друг друга, помогают членам своей команды, так как от каждого зависит общий успех. Такая форма позволяет объединить обучающихся для самостоятельной работы (будь то подготовка совместного проекта, презентации либо представление собственной команды по определенному вопросу). Те студенты, кто в силу разных причин не умеет выступать на публике – это отличный способ раскрыться и участвовать со всеми коллегами в обсуждении. Групповые технологии помогают развивать социально-личностные компетенции специалиста: быть способным к социальному взаимодействию; обладать способностью межличностной коммуникации; быть готовым к критике и самокритике (критическое мышление); уметь работать в команде и др. Таким образом, технологии группового обучения широко применимы в обучении документоведов, в частности в дисциплинах документоведческого, управленческого, архивоведческого блоков и в дисциплинах, связанных с информационными технологиями [6, 11].

Кейс-технологии

В дисциплинах «Менеджмент», «Автоматизация управления персоналом» и др. преподаватели кафедры источниковедения используют кейс-технологии. В ходе решения кейса, обучающиеся анализируют ситуацию, принимают оптимальное решение. Например, в курсе «Бухгалтерский учет» преподаватель предлагает сквозную задачу «определить состояние активов и пассивов организации «Мастерская» в результате совершенных операций, то есть на [определенную дату]» как один из методов кейс-технологии. Для выполнения данной задачи студентам необходимо:

- подвести совокупный итог влияния произведенных операций на активы и пассивы организации;
- определить новые объемы тех активов и пассивов, которые подверглись изменению в результате операций [3].

Преимуществом кейс-технологии является ее практическая направленность, интерактивный формат и конкретные навыки, какими овладевает в результате студент.

Использование разных видов образовательных технологий можно встретить в дисциплине «Компьютерные информационные технологии в документационном обеспечении управления». На протяжении семестра студентам предстоит выполнить ряд заданий для создания общего проекта, заранее распределившись по группам. Имитируется деятельность организации по совершенствованию документационного обеспечения управления путем внедрения автоматизированной системы управления документами. Проект состоит из нескольких этапов: создание организации; обследование организации перед внедрением АСДОУ; выбор АСДОУ в организации; внедрение АСДОУ в организации; оценка эффективности внедрения. Результат работы представляется на экзамене в игровой форме. Методическое обеспечение включает: игровые (логотипы фирм, рекламные проспекты программных продуктов, игровые видеоролики, организационно-распорядительные документы организаций и т. п.) и учебно-методические документы (игровые задания, требования к оформлению отчетов, график прохождения игры и т.д.) [6, 12].

Образовательные технологии предполагают участие студентов в целенаправленном обмене мнениями, идеями для предъявления и/или согласования существующих позиций по определенной проблеме. Использование технологий обеспечивает появление нового уровня понимания изучаемой темы, применение знаний (теорий, концепций) при решении проблем, определение способов их решения.

Выводы

В статье раскрыты наиболее актуальные и перспективные используемые преподавателями технологии в обучении документоведов на историческом факультете БГУ. Можно констатировать, что обучение студентов развивается, совершенствуется с использованием и внедрением образовательных технологий, что обеспечивает качественную подготовку специалистов в соответствии со стандартом специальности. Успешным результатом применения технологий можно считать способность студентов специальности «Документоведение (по направлениям)» к

самостоятельному обучению, умению формулировать и высказывать собственное мнение, а также владение навыками публичных выступлений и презентаций.

Список литературы

1. Беспалько, В.П. Слагаемые педагогической технологии / В.П. Беспалько. – М.: Педагогика, 1989. – 192 с.
2. Бордовская, Н.В. Педагогика: учеб. для вузов / Н.В. Бордовская, А.А. Реан. – С.Пб.: Питер, 2001. – 304 с.
3. Бухгалтерский учет: электронный учебно-методический комплекс для специальности: 1-26 02 04 «Документоведение (по направлениям)» / Н. Р. Беляева ; БГУ, Исторический фак., Каф. источниковедения. – Минск : БГУ, 2018. – 58 с.
4. Гончарик, А. О., Кургун, Ю. В. Современные образовательные технологии // Мир языков: ракурс и перспективы: сборник материалов VIII Междунар. науч.-практ. конференции, Минск, 21 апреля 2017 г.: в 6 ч. Ч. 5 / БГУ, Филологический фак., Каф. английского языкознания ; редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2017. – С.84-89.
5. Кашлев, С.С. Современные технологии педагогического процесса: пособие для педагогов / С.С. Кашлев. – Минск: Вышэйшая школа, 2002. – 95 с.
6. Компьютерные информационные технологии в документационном обеспечении управления: ПОСБИЕ / е. э. Попова [и др.]. – Минск: БГУ, 2019. – 167 с.
7. Левитес, Д.Г. Аутодидактика. Теория и практика конструирования собственных технологий обучения / Д.Г. Левитес. – М.: Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2003. – 320 с
8. Липницкая, О.Л., Шмагун, А.А., Цифровая трансформация высшего образования: использование инновационных методик обучения в Белорусском государственном университете. // ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАУКИ О ДАННЫХ: Информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. Материалы международной конференции. – М, 2020.
9. Нормативные определения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://multilang.pravo.by/ru/Term/Index/29177?langName=ru&size=25&page=1&ch=%D0%92%D1%81%D0%B5&term=>. – Дата доступа: 11.04.2021.
10. Пищова, А.В. Современные образовательные технологии: основные характеристики, классификации, возможности применения в высшей школе // Ученые записки: сб. рец. науч. тр. / Бел. гос. ун-т физ культуры; редкол.: М.Е.Кобринский (гл. ред) [и др.]. – Минск: БГУФК, 2009. – С. 119128.
11. Попова, Е.Э. Подготовка студентов специальности документоведение (по направлениям) в области информационных технологий // Историческое наследие

Беларуси: выявление, сохранение и изучение – Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию Государственной архивной службы Республики Беларусь, 85-летию Национального архива Республики Беларусь и 20-летию кафедры источниковедения БГУ (г. Минск, 17-18 мая 2012) в 2 Ч. – Ч.2. – С. 305 – 312.

12. Попова, Е.Э. Система непрерывной подготовки специалистов по документоведению в области информационных технологий // Сборник докладов V Международного конгресса "Электронное содружество. Парк высоких технологий", Минск, 10-11 ноября 2005 г. – Мн.: БелИСА, 2005. – С. 136 – 139.

13. Селевко, Г.К. Современные педагогические технологии / Г.К. Селевко. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с

14. Современные образовательные технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://portal.tpu.ru/SHARED/k/KAV47/education/Tab2/pt_v_t.pdf. – Дата доступа: 18.05.2021.

15. Современные педагогические технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/1qhnCFNGcN3MjcovuIINx1JFyGxwdmuut/view>. – Дата доступа: 12.04.2021.

16. Хведченя, Л.В. Современные образовательные технологии и их связь с компетенциями // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалистов: Материалы Междунар. науч.-прак. конф., Брест, 19-20 марта 2009 г.

Сямёнаў М. А., аспірант

ВЫВУЧЭННЕ ОРДЭНА БАЗЫЛЬЯН У ЗАМЕЖНАЙ І БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Навуковы кіраўнік:

Т. А. Наваградскі,

доктар гістарычных навук, прафесар

Анотацыя. Артыкул прысвечаны вывучэнню ордэна базыльян замежнымі і беларускімі вучонымі. Аўтар называе асноўных даследчыкаў ордэна базыльян і іх работы, вылучае галоўныя вынікі іх даследаванняў, разгледжаныя пытанні па базыльянскай тэматыцы. Аўтар адзначае прадстаўнікоў расійскай, польскай, украінскай і беларускай гістарыяграфічных школ. Робаца высновы аб тым, якія тэмы з гісторыі і дзейнасці ордэна базыльян аказаліся найбольш асветленымі ў навуковай літаратуры, а якія яшчэ патрабуюць далейшага вывучэння.

Ключавыя словы: ордэн базыльян, гістарыяграфія, уніяцкая царква, канфесійная гісторыя, рэлігіязнаўчыя даследаванні.

На тэму гісторыі і дзейнасці Ордэна базыльян на тэрыторыі Беларусі існуе невялікая колькасць спецыяльных даследаванняў. Першымі зацікавіліся гісторыяй ордэна самі манахі-базыльяне. Адным з першых гістарыёграфам ордэна лічыцца Лука Сульжынскі, які напісаў кнігу аб гісторыі Ордэна базыльян з 1772 па 1811 г. Можна лічыць, што гэтая работа была напісана ў пачатку 1810-х гг. з мэтай апісаць для будучых чытачоў падзеі, у выніку якіх базыльяне страцілі сваю пануючую ролю ва ўніяцкай царкве і аказаліся пад уладаю расійскіх чыноўнікаў. Гэты час і яго падзеі з'яўляюцца асноўнымі ў разуменні таго крызісу, у якім апынуўся ордэн у першай трэці XIX ст. Гэтыя абставіны, відаць, добра разумеў Л. Сульжынскі і базыльянскае кіраўніцтва, якое падтрымала напісанне работы па гісторыі ордэна. На гэты ўказвае свабодны доступ аўтара да базыльянскіх архіваў, матэрыялы якіх ён часта цытуе. Сам Сульжынскі быў кансультарам Рускай ("Кароннай") правінцыі базыльян і з'яўляўся сведкам і ўдзельнікам тых падзей, якія апісаў. Асноўную ўвагу аўтар прысвяціў палітычным падзеям, якія прывялі да змен у ордэне, і асобам, з пункту гледжання Сульжынскага, адказным за гэта. Яго работа вылучаецца дакладнай канстатацыяй фактаў і цытаваннем шматлікіх крыніц [17].

Пераклад і публікацыя гэтай работы ў 1868 г. былі звязаны з падрыхтоўкай Мікалаем Пятровым (1840 – 1921 гг.) кнігі "Очерк истории базилианского ордена в бывшей Польше" (1870 – 1872 гг.). Даследаванне гісторыі ордэна было адной з першых навуковых работ Пятрова. У сваёй манаграфіі аб базыльянах Пятроў выкарыстоўваў матэрыялы былых базыльянскіх архіваў, дзякуючы чаму змог глыбока даследаваць гісторыю ордэна. Рукапісы, якімі карыстаўся Пятроў у 1860-я гг., у наступным стагоддзі былі згублены. Таму сама манаграфія Пятрова мае для нас вельмі вялікую пазнавальную каштоўнасць. Але трэба адзначыць, што ў гэтай рабоце няма нічога аб месцы і ролі ордэна ў жыцці грамадства. Такія падыход невыпадковы і выкліканы славянафільскімі поглядамі Пятрова. Для даследчыка базыльяне былі сілай, варажай для расійскай палітыкі, якая супрацьстаяла аб'яднанню славянскіх народаў былой Рэчы Паспалітай пад знамямі расійскага царызму і "адзінай праваслаўнай веры" [15].

Зусім па-іншаму гісторыю ордэна разглядалі польскія даследчыкі. Адным з тых, хто ў XIX ст. звярнуўся да гэтай тэмы, быў Эдвард Лікоўскі. Лікоўскі не стварыў асобных манаграфій аб базыльянах, але ён падрабязна апісаў становішча ордэна ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. Э. Лікоўскі (1836 – 1915 гг.) быў каталіцкім архіепіскапам і вядомым гісторыкам

царквы. У 1861 г. ён абараніў доктарскую дысертацыю, а ў 1914 г. стаў архіепіскапам Гнезненска-Познаньскай архіепіскапіі [20].

Найбольш грунтоўнае вывучэнне гісторыі ордэна пачалося ў XX ст. Тут неабходна спыніцца на работах М. Ваврыка, у якіх на падставе сучаснай інтэрпрэтацыі матэрыялаў з еўрапейскіх архіваў была сабрана аб’ёмная база статыстычных дадзеных аб базыльянах на землях Беларусі, Украіны, Літвы, Польшчы і Латвіі. Міхайла Міраслаў Ваврык (1908 – 1984 гг.) быў вядомым гісторыкам ордэна. У 1963 г. быў абраны генеральным кансультатарам ордэна базыльян. Ваврык быў рэдактарам пяці тамоў “Analecta OSBM” (“Запісы Ордэна святога Васіля Вялікага”), двух зборнікаў артыкулаў па гісторыі базыльян і аўтарам фундаментальнай манаграфіі “Нарыс развіцця і стану базыльянскага ордэна. XVII – XX стст.” [1].

Сярод саміх манахаў-базыльян, якія ў XX ст. займаліся гісторыяй ордэна, можна назваць А. Вялікага, А. Пекара, В. Бурко, І. Скруцены, М. Войнара, П. Пidrучнага, В. Каваліка, І. Гарасіма, І. Патрыла, М. Салаўя. Яны пісалі аб асобных праблемах гісторыі базыльян (пераважна на украінскіх землях) і склалі поўны бібліяграфічны каталог аб друкаваных выданнях па гісторыі уніяцкай царквы і базыльянскага ордэна. У 1992 г. частка артыкулаў, напісаных раней гісторыкамі ордэна, былі сабраны і выдадзены ў выглядзе асобнай кнігі “Нарыс історыі Васіліянскага Чыну святога Ёсафата”. У дадзеным выданні аўтары асвятлілі гісторыю ордэна, пачынаючы з часоў Кіеўскай Русі (бо лічылі базыльян нашчадкамі традыцый візантыйскага манаства) да пачатку 1990-х гг. Вялікая па аб’ёму работа, трэць якой прысвечана дзейнасці ордэна на беларускіх землях у XVII – XIX стст., мае шмат цікавых падрабязнасцяў аб структуры ордэна, яго кіраўніцтве ў розны час [14].

Гісторыя базыльян выклікала цікавасць у асяроддзі даследчыкаў канфесійнай гісторыі Усходняй Еўропы у 2000-я гг., што было звязана з 410-годдзем падпісання Брэсцкай уніі. Аднак, як бачна з матэрыялаў навуковых канферэнцый, праведзеных да юбілею, тэма гісторыі базыльян яшчэ не атрымала на дадзеным этапе дастатковай увагі ў больш шырокім кантэксце гісторыі ўніяцкай царквы.

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі тэма Ордэна базыльян у кантэксце гісторыі ўсёй уніяцкай царквы разглядалася С. В. Марозавай (Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы) у яе шматлікіх публікацыях. Сярод іх можна адзначыць манаграфію “Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гг.)”, якая была надрукавана ў 2001 г. Базыльянская тэматыка ў пэўнай ступені была закранута

даследчыцай у падглавах “Стварэнне царквой уласнай сістэмы адукацыі”, “Кніжная культура царквы”, “Сакральнае мастацтва”. У манаграфіі былі ўзнятыя пытанні базыльянскай адукацыйнай сістэмы, манастырскіх друкарняў і бібліятэк, помнікаў базыльянскай архітэктуры і іканапісу. С. В. Марозава ў гэтай манаграфіі імкнулася ўсебакова разгледзець важнасць дзейнасці ўніяцкай царквы па развіццю тагачаснай беларускай культуры [12].

Таксама трэба адзначыць даследчыка Д. В. Лісейчыкава. Гэты аўтар (Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі) даследуе такое цікавае пытанне, як тэма штодзённасці ў канфесійнай гісторыі [10, 11].

А. Ф Самусік (Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт) займаецца вывучэннем развіцця адукацыі на тэрыторыі Беларусі ў XVII – XIX стст. У кантэксце сваіх даследаванняў ён закранае адукацыйную дзейнасць дамініканцаў, піяраў і базыльян. Можна адзначыць артыкул “Базыльянскі ордэн у сістэме асветы Беларусі (XVII – першая трэць XIX стст.)” (2008 г.) У ім аўтар называе найбольш буйныя наuczальныя ўстановы базыльян на тэрыторыі былога ВКЛ (семінарыі, пачатковыя школы, вучылішчы, гімназіі), прыводзіць пэўныя дадзеныя па колькасці выкладчыкаў і навучэнцаў у іх [16].

Пытанні ўніяцкага кнігадрукавання яшчэ ў XX ст. разглядалі такія даследчыкі, як В. Ю. Ластоўскі, Ю. А. Лабынцаў, Г. Я. Галенчанка. Вядомы беларускі гісторык Вацлаў Юстынавіч Ластоўскі (1883 – 1938 гг.) напісаў фундаментальную працу “Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XIX стагодзьдзя”, якая была выдадзена ў Каўнасе ў 1926 г. У ёй выданні базыльянскіх друкарняў упершыню паказваюцца як помнікі беларускай літаратуры і друку [9].

Ю. А. Лабынцаў (Інстытут славяназнаўства Расійскай акадэміі навук) вывучаў дзейнасць базыльянскай друкарні ў Супраслі. У 1978 г. выйшла даследаванне Лабынцава “Кирилловские издания Супрасльской типографии”. Ён даказаў важнасць кірылічнага кнігадрукавання ў Супраслі для беларускай нацыянальнай культуры [8]. Г. Я. Галенчанка (Інстытут гісторыі НАН Беларусі) быў укладальнікам раздзела “Старадрукаваныя кірылічныя выданні XVI – XVIII стст.” у зводным каталогу “Кніга Беларусі. 1517 – 1917 гг.” (1986 г.) Ім была прызнана пэўная роля базыльянскіх друкарняў у культурным жыцці беларускіх зямель [6].

Архітэктурныя помнікі Ордэна базыльян на тэрыторыі Беларусі разглядалі ў сваіх даследаваннях А. М. Кулагін і Т. В. Габрусь. Аднак погляды на ўніяцкую архітэктурную ў гэтых даследчыкаў не супадаюць. Калі

Кулагін (Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі) ліча большасць базыльянскіх цэркваў XVIII ст. (у тым ліку Сафійскі сабор у Полацку, цэрквы ў Беразвеччы і Талачыне) помнікамі ракако, то Габрусь (Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі) адносіць іх да мастацкага напрамку віленскага барока. Прычым, розніца ў канцэпцыях названых даследчыкаў пачынаецца яшчэ з ацэнкі асобы Яна Крыштафа Глаўбіца, якога А. М. Кулагін лічыць найбольш яскравым прадстаўніком стылю ракако ў архітэктуры беларускіх зямель Рэчы Паспалітай, а Т. В. Габрусь – адным са стваральнікаў новага стылю віленскага барока [4, 7].

Уніяцкія абразы ў кантэксце ўсяго беларускага тэмпернага жывапісу вывучаюцца доктарам мастацтвазнаўства, прафесарам Н. Ф. Высоцкай (Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт). Можна ўзгадаць работы “Іканапіс Беларусі XV – XVIII стст.” (1992 г.), “Сакральная живопись Беларуси XV–XVIII веков” (2008 г.) [2, 3].

Канкрэтна ўніяцкі і ў тым ліку базыльянскі іканапіс вывучае Г. А. Флікоп-Світа (Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі). Даследчыца прысвяціла асобны артыкул абразу “Дзева Марыя над калыскай з дзіцём” з былога Тараканьскага базыльянскага манастыра з аграгарадка Імянін (2014 г.) [18, с. 302 – 309], а таксама царкве Пакрова Божай Маці былога базыльянскага манастыра ў Талачыне (2017 г.) [19, с. 483 – 489].

Важнай падзеяй у вывучэнні гісторыі і дзейнасці Ордэна базыльян на тэрыторыі Беларусі стала міжнародная канферэнцыя “Мітрапаліт Язэп Вельямін Руцкі і яго рэформа ўсходнеславянскага манаства. Служэнне Ордэна базыльянаў на Беларускіх землях: 1617 – 2017”, якая адбылася ў Баранавічах у лістападзе 2017 г. і была прысвечана 400-годдзю з утварэння Ордэна базыльян уніяцкім кіеўскім мітрапалітам Язэпам Руцкім. На ёй былі прадстаўлены даклады такіх беларускіх даследчыкаў як С. Верамееў (Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт; тэма даклада – “Язэп Велямін Руцкі і Ордэн базыльянаў у беларускай гістарыяграфіі”), Д. Лісейчыкаў (“Архіў маёнтка Рута XVII – XVIII стст. у фондах НГАБ”), Яўген Усошын (канцлер Грэка-каталіцкай курыі ў Мінску; тэма дакладу – “Роля Ордэна базыльянаў у гісторыі хрысціянства на Беларускіх Землях”), Вадзім Аніпяркоў (Інстытут гісторыі НАН Беларусі; “Базыльянскія школы ў рапартах генеральных інспектараў Камісіі нацыянальнай адукацыі Рэчы Паспалітай: 1782-1792 гг.”) [13].

Такім чынам, тэма Ордэна базыльян у беларускай гістарыяграфіі пачала асобна распрацоўвацца толькі ў другой палове XX ст. , а ў замежнай яшчэ з сярэдзіны XIX ст. Першай тэмай, якая зацікавіла беларускіх даследчыкаў, стала дзейнасць базыльянскіх друкарняў у кантэксце гісторыі беларускай літаратуры і кнігадрукавання. Пасля ў 1990-я гг. агульны інтарэс да гісторыі ўніяцкай царквы спрыяў даследаванням па дзейнасці базыльян у розных накірунках. Да канца 2010-х гг. ужо склалася пэўная гістарыяграфія па пытаннях базыльянскай адукацыі, кнігадрукавання, а таксама помнікаў базыльянскай архітэктуры. Застаецца пакуль не дастаткова асвечанай адукацыйная і місіянерская дзейнасць Ордэна базыльян у XVII – першай палове XVIII стст. на тэрыторыі Беларусі, дзейнасць Мінскай базыльянскай друкарні, тэмы базыльянскіх бібліятэк і скрыпторыяў, базыльянскага іканапісу і скульптуры.

Спіс літаратуры

1. Ваврик, М. М. Нарис розвитку і стану Василянскага чина XVII – XX ст.: топографічна-статистична розвідка. / М. М. Ваврик – Рим, 1979. – 219 с.
2. Высоцкая, Н. Ф. Іканапіс Беларусі XV – XVIII стст / Н.Ф. Высоцкая. – Мінск : Беларусь, 1992. – 234 с.
3. Высоцкая, Н. Ф. Сакральная живопись Беларуси XV – XVIII веков = Сакральны жывапіс Беларусі XV – XVIII стагоддзяў = The painting sacred of Belarus XV – XVIII centuries / [авт. текста и сост. Н. Ф. Высоцкая]. – Минск : Беларусь, 2007. – 219 с.
4. Габрусь Т. В. Мураваныя харалы: Сакральная архітэктура беларускага барока / Т. В. Габрусь. – Мінск : Ураджай, 2001. – 287 с.
5. Климов, С. М. Базилиане / С. М. Климов. – Могилёв : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2011. – 152 с.
6. Кніга Беларусі. 1517 – 1917: Зводны каталог / Склад. Г.Я.Галенчанка і інш. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1986. – 615 с.
7. Кулагин, А. Н. Архитектура и искусство рококо в Белоруссии: (В контексте общеевропейской культуры) / А. Н. Кулагин. Под редакцией Г. И. Барышева. – Минск: Наука и техника, 1989. – 240 с.
8. Лабынцев. Ю. А. Кирилловское книгопечатание в Супрасле и его роль в развитии восточнославянских культур конца XVII – XVIII веков: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 05. 25. 04 / Лабынцев Ю. А. – Москва, 1980. – 15 с.
9. Ластоўскі, В. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі: Спроба паясьніцельнай кнігопісі ад канца X да пачатку XIX стагоддзя. / В. Ю. Ластоўскі – Коўна : Друкарня Сакалоўскага і Лана, 1926. – 773 с.

10. Лісейчыкаў, Д. В. Святар у беларускім соцыуме: прасапаграфія ўніяцкага духавенства 1596 – 1839 гг. / Д. В. Лісейчыкаў. – Мінск: Беларусь, 2015. – 717 с.
11. Лісейчыкаў, Д. В. Штодзённае жыццё ўніяцкага парафіяльнага святара беларуска-літоўскіх зямель 1720 – 1839 гг. / Д. В. Лісейчыкаў. – Мінск : Медысонт, 2011. – 195 с.
12. Марозава, С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гады) / С. В. Марозава; Пад навук. рэд. У. М. Конана. – Гродна, ГрДУ, 2001. – 352 с.
13. Навуковая канферэнцыя з нагоды 400-годдзя служэння манахаў-базыльянаў на беларускіх землях / Царква : беларуская грэка-каталіцкая газета [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу: <https://carkva-gazeta.by/index.php?num=673&year=2017>. – Дата доступу: 19.10.2019.
14. Нарис історії Василянського Чину – св. Йосафата. Рим, Видавництво ОО. Василян, 1992. – 640 с.
15. Петров, Н. И. Очерк истории Базилианского ордена в бывшей Польше // Н. И. Петров. Труды Киевской Духовной Академии. 1870. № 5. С. 428 – 494; № 8. С. 373 – 436; № 11. С. 343 – 409.
16. Самусік, А. Ф. Базыльянскі ордэн у сістэме асветы Беларусі (XVII – першая трэць XIX стст.) / А. Ф. Самусік // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зборнік навуковых артыкулаў / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: С. В. Марозава [і інш.]. – Гродна: ГрДУ, 2008. – С. 204 – 208.
17. Сульжинский, Л. Краткие известия о положении базилианского ордена и разных переменах в его управлении от 1772 до 1811 г. // Л. Сульжинский. Перевод с польского Н. И. Петрова. Труды Киевской Духовной Академии. 1868. Т. 3. № 7. С. 147 – 168. № 10. С. 100 – 144; № 11. С. 245 – 302.
18. Флікоп-Світа, Г. А. Абраз “Дзева Марыя над калыскай з дзіцем” з вёскі Імянін: да пытання іканаграфічнай сувязі з цудадзеінымі іконамі Божай Маці “Берасцейская”, “Асечанская”, “Вышынская” / Г. А. Флікоп-Світа. // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі : [зборнік артыкулаў] / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Дзяржаўная навуковая ўстанова “Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы”. – Мінск. – 2014. – Выпуск 17. – С. 302 – 309.
19. Флікоп-Світа, Г. А. Іканастас і бакавыя прысценныя алтары канца XVIII ст. у царкве Пакрова Божай Маці былога базыльянскага кляштара ў Талачыне: да пытання выяўлення, вывучэння і захавання ўніяцкіх помнікаў / Г. А. Флікоп-Світа. // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі : [зборнік артыкулаў] / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Дзяржаўная навуковая ўстанова “Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы”. – 2017. – Выпуск 22. – С. 483 – 489.

20. Likowski, E. Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku: uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku / napisał Edward Likowski. – W Poznaniu : Nakładem i drukiem Jarosława Leitgebra, 1880. – XVI, 495 s.

Колосовская М. В., магистрантка

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСАДЕБНЫХ КОМПЛЕКСОВ НОВОГРУДСКОГО УЕЗДА XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ИМЕНИЯ ОСТАШИН)

Научный руководитель:

А. Е. Веремейчик,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье затрагивается актуальная тема историко-культурного наследия Беларуси. Автор провела анализ усадебных комплексов Новогрудского уезда XIX в. Выделила наиболее общие характерные для данного региона стилевые решения. Основное внимание сосредоточено на процессе становления усадьбы в д. Осташин, анализе комплекса строений и планировки. Определены стилистические особенности в архитектуре имения в д. Осташин и доказано их преобладание в других усадьбах Новогрудского уезда.

Ключевые слова: усадьба, архитектура, барокко, классицизм, Новогрудский уезд, Осташин.

В современной историографии большое значение имеет изучение историко-культурного развития усадеб Гродненской губернии в целом и Новогрудского уезда в частности. Данная научная проблема не стала предметом комплексного исследования в отечественной историографии. В основном внимание ученых сосредоточено на исследовании хорошо сохранившихся объектов. За рамками изучения остались региональные усадьбы. Несмотря на их плохую сохранность, они тоже являются неотъемлемой частью истории усадебной архитектуры территории Беларуси XIX в. и определяют необходимость их исследования.

Одним из крупнейших исследователей дворцово-паркового наследия Беларуси является А.Т. Федорук [16, 17]. В его книгах, посвященных истории старинных усадеб Берестейщины и Гродненщины, анализируется история формирования и особенности планировочного решения усадеб. Однако его работы не охватывают всей территории Беларуси. В работах В.Ф. Морозова [10, 11] прослеживается развитие крупнейших стилей и направлений в архитектуре Беларуси данного периода: барочного и строго

классицизма, ампира и рационального классицизма. В работах современных исследователей Е.И. Криченко [4], А.Н. Кулагина [6], А.И. Локотко [9], Ю.В. Чантурии [15] и Т.В. Габрус [15] и др. рассматриваются как общеевропейские, так и белорусские тенденции в развитии архитектуры.

Однако за пределами научных интересов в белорусской историографии остались факторы и причины, которые ускоряли или замедляли процесс развития усадеб как центров дворянского зодчества. Если особенности распространения стиля классицизм на белорусских землях были рассмотрены в отечественной историографии довольно подробно, то частные случаи не попали в поле зрения современных исследований.

Источниковую базу исследования составили архивные материалы. Информация по данной тематике находится в фонде 147 «Минская соединенная палата уголовного и гражданского суда Министерства юстиции, город Минск Минского уезда Минской губернии» НИАБ, а также в фонде 1595 «Минское губернское присутствие, город Минск Минского уезда Минской губернии» НИАБ. В фондах представлена информация о вводе во владение, разделе, купле-продаже, дарении, аренде имений, наложении на них запрещений, выдаче свидетельств об отсутствии казенных и частных долгов, об установлении права владения имуществом, засвидетельствовании завещаний. Ценные статистические данные подаются в «Списке землевладельцев Минской губернии за 1876 год» [14], в котором вместе со сведениями о частном землевладении в губернии вошли и материалы о землях казенных, монастырских, церковных, городских, крестьянских наделах и т.д.

Территория Гродненщины является одним из лучших регионов Беларуси по степени сохранности усадеб. При комплексном анализе архитектурной, стилевой и хозяйственной характеристике усадеб Гродненской губернии было вывлнено, что Новогрудский уезд в усадебном строительстве выделяется на фоне остальных. На протяжении столетий Новогрудчина была одним из богатейших регионов нашей страны. На период вхождения белорусских земель в состав Российской империи на данной территории усадебное зодчество и садово-парковое искусство достигло расцвета своего развития.

Осташин – одно из наиболее известных имений Беларуси, принадлежащее роду Булгаков. На территории Новогрудчины существовало два имения с похожими названиями. Одно из них, Осташино, расположенное на территории современного Новогрудского района

Гродненской области, известно с первой половины XV в. Оно являлось владением великого князя литовского Витовта, которое он передал своей жене Ульяне. В 1506 г. поселение упоминается в «Хронике Быховца» как один из населенных пунктов на пути войск ВКЛ, которые шли в Клецк, где проходила битва с татарами. С конца XV в. имение переходит в собственность Чарторьских, затем Соломорецких, Швыковских, Радзивиллов. Известно также, что в 1690 г. Осташин держал в заставе за 36 тыс. злотых Ежи Оттенхауз, подстолий пинский, подкоморий дерптский [20, с. 73]. Усадьба размещается на восток от Новогрудка, расстояние между поселениями составляет 24 км [18, с. 7].

Я. Булгак также проводит разницу между ними и в своей книге пишет, что Осташин – деревня и земли над рекой Сервечь в Новогрудском уезде. Когда-то принадлежала Бакам, затем Швыковским. Я. Швыковский построил там кальвинистский сбор, в котором собрали архив, библиотеку и памятные вещи. В XVI в. усадьба была перестроена Атинггаузами, а в первой половине XIX в. перешла к Грабовским по наследству. Сгорела в 1915 г. [1, с.21].

В данной работе рассматривается Осташин Мурованый. Впервые он упоминается в 1446 г. в составе Новогрудского княжества ВКЛ. В XV – XIX вв. принадлежал Ягеллонам, Острожским, Чарторьским, Грабовским [8, с. 42]. После 3-го раздела Речи Посполитой (1795) в Российской империи в середине XIX – начале XX вв. два одноименных поместья Осташино и Осташин вошли в состав Цириной волости Новогрудского повета Гродненской губернии. По переписи населения 1897 г. в Осташине Мурованом насчитывалось 11 дворов, 665 жителей, работали два хлебозапасные магазины, корчма [2, с. 599].

Осташин Мурованый в XIX в. принадлежал роду Громько. В 1840 г. это имение за долги было поделено между кредиторами [14, с. 16]. Судя по архивным источникам, возможно, что владельцем имущества, после смерти И. Булгака, был не только Валериан, но и его брат Антон. [12]. В результате наследство было разделено между братьями следующим образом: «На часть Валериана – имения Осташин с урочищами Осташин Криничное, им. Миранка, заключающей земли, пахотной, сенокосной и под лесом и неудобной всего в разных угодьях в размере 431 десятины с находящимися строениями и всеми прочими к тому имению принадлежащими. Имение же Броносово с фольварком Рукавчицы, в котором числится земли всего в разных угодьях 86 десятины, достались лично Антону Булгаку» [13].

Валериан Булгак 20–23 октября 1880 г. был введен во владение им. Осташин Новогрудского уезда при прошении, поданном в Палату 20-го октября 1880 г., предоставив отдельную запись [7]. В первом браке Валерий был женат на Юзефе Хатицкой из Миратич, а во втором – на Казимире Межеевской. В 1876 г. у Юзефы и Валериана родился сын Ян, который в будущем стал «отцом польской фотографии», автором книг по технике и искусству фотографии, а также труда «Край дзіцячых гадоў» [1, с. 34]. Я. Булгак родился именно в Осташине Циринской волости, а не в Осташино бывшей Любчанской волости. Это подтверждает «Список землевладельцев Минской губернии за 1876 г.» [5, с. 54].

Большинство усадеб этого времени на территории Новогрудского уезда имело выразительную ландшафтно-планировочную структуру: сад, к которому позже присоединился парк, аллеи, боскеты, курдонер. С противоположной стороны двorca обычно располагался хозяйственный двор. В общую композицию усадьбы включались различные ирригационные системы: каналы, пруды, протоки. Парадный въезд украшался воротами. Планировке усадеб были присущи чаще всего принципы центричности и симметрии: в центре – усадебный дом, перед парадным крыльцом – курдонер, далее – въездная аллея, с обеих сторон боскеты, сад и парк [9, с. 16]. Аналогичная планировка была характерна и для усадьбы в д. Осташин. Она занимает слегка пересеченную территорию с водной системой в пониженной части и находится среди поля недалеко от дороги Цирин – Кореличи. Для дома характерны пропорциональные и компактные формы.

Классицизм развивался на землях Беларуси со второй половины XVIII в. вплоть до середины XIX в. Одним из его основных направлений был барочный классицизм, что нашло свое отражение в архитектурной стилистике усадьбы в д. Осташин. Барочный классицизм распространяется с 1760-х гг. до начала XIX в. и получил развитие на белорусских землях благодаря популярности идей французского Просвещения и влиянию передовой в то время архитектуры Франции. Дом в Осташино был построен в переходных чертах от барокко к классицизму. Таким образом, здания совмещали в себе черты и того, и другого стиля.

Например, здание имело ломанную четырехскатную крышу, а это одна из отличительных черт барочных дворцов. Такая крыша делала композицию объемной и увеличивала полезную площадь здания. У главного входа на фото Я. Булгака мы видим портик, который завершался фронтоном с полукруглым окном, а колонны обвивал девичий виноград.

Это уже черта классицизма, для которого характерно подражание античной классике. Портик – главный декоративный «античный» элемент, служивший и символом приобщенности хозяина к своему сословию. В данной усадьбе наличие четырехколонного портика является подтверждением распространения стиля классицизм в архитектуре Гродненщины в то время.

Элементы стиля классицизм на землях Беларуси еще с 1760-х гг. стали включаться в оформление интерьеров, и только потом в общее построение зданий. Не исключением стала и Новогрудчина, во внутреннем убранстве помещений имения Остахин уже прослеживаются черты нового стиля, конкурировавшего также со стилем рококо, для которого характерны изящность, легкость, игривость.

Внутри дом имел салон, малый салон, комнаты, столовую, кухню, учительскую комнату, буфет, гардеробную. Столовая была оформлена особенно: на стенах висели шпалеры, стояла палисандровая мебель, большой стол, фарфоровые сервизы имели позолоченный ободок, из кафеля с декором в формах рококо были сделаны камин и печь. Салон также представляет интерес: венецианское окно, покрытый воском паркет. Там стоял шкаф с книгами, среди которых находились сочинения Вл. Сырокомли, Ю. Крашевского, восемь томов А. Мицкевича, альбом гравюр Я. Матейки, собрание молитв «Духовное благословение дому» – самая дорогая вещь в доме. Собрание молитв было иллюстрировано виньетками и изображениями святых.

На фоне данных комнат остальные были оформлены скромно. В них стояла мебель, которую собирали в разное время. В доме было два фортепиано. Мебель и все необходимое для двора изготавливали свои дворовые мастера под руководством Валерия (отца Яна). В сундуках на чердаке хранился архив Громыко и Булгаков. В доме работали лакей и няня. Прихожая была связана с комнатами двумя коридорами. Она выполняла важную роль: служила канцелярией, местом, где обсуждались важные вопросы. Там висели большие часы из красного дерева, имелось несколько гравюр [19, с. 308]. Подробные описания дома сохранились в книге воспоминаний Я. Булгака.

Усадьба имела хорошо выраженную ось, которую замыкал усадебный дом, – это яркий пример ранней классицистической усадьбы. Уже позже в белорусском усадебном зодчестве выраженность главной планировочной оси слабеет. Каменный амбар с галерей в форме аркады стоял при въезде в усадьбу. Двери амбара были сделаны из дуба и имели отверстия для котлов.

К усадебному дому вела мощеная булыжником дорога. Конюшня с воровней располагалась напротив амбара. Там стояли кареты, коляски, брички, фаэтон. По периметру гумница находились деревянные хозяйственные постройки, образуя обсаженный деревьями дворик. Немного дальше были расположены хозяйственные строения для крупного рогатого скота, гумно, к двери которого вел деревянный настил-мост. Рядом стоял колодец, пекарня с сыроварней и столярней [16, с. 121].

Особенностью данной усадьбы является то, что в ней не было выразительного парка. Но вся усадьба была интересно оформлена, имелось два сада. В 1876 г., в год рождения Я. Булгака (согласно семейной традиции) был заложен один из этих садов. В нем произрастало много видов яблонь и груш, малина, крыжовник, клубника и т.д. Отдельно от усадьбы, на её западной окраине, стояла стодола, или одрина. Это было большое здание, в котором хранили сено. От одрины дорога вела за канал, к большому лугу. Скорее всего, в прошлом канал являлся ручьем и впадал в р. Сервечь.

От въездной аллеи начинался второй луг (его называли Селище). Он переходил в луг, принадлежащий Раецким, которые владели Райцей. Луг и урочище именовалось «Раецкое», позже его выкупил В. Булгак под частную расписку в форме вечной аренды. Совершение этой сделки держалось в тайне, так как полякам не разрешалось приобретать землю. Луг притягивал своей красотой, огромным видовым разнообразием ботанических растений. Старый сад на двух террасах за домом перепланировала Ю. Громько. После нее работы продолжала жена Валерия Юзефа. Перед домом произрастали сирень и белая акация, которые закрывали вид на хозяйственный двор, а основные здания были обсажены деревьями. Общий усадебный силуэт и контур придавали тополя, высаженные по периметру. Получалось, что парадная часть сливалась с хозяйственной в единый архитектурный ансамбль [16, с. 122].

Кроме прочих зданий в усадьбе было одно особенное – «залка», служившая коптильней, а нижний ярус – кузницей. Она была построена из смоляного почерневшего дерева на каменном фундаменте и представляла собой четырехгранное в плане сооружение. Но также «залка» выполняла еще одну функцию: служила оригинальным парковым павильоном, выражением мотивов романтизма. К этому сооружению от дома через сад по нижней террасе вела изгибающаяся тропинка. В 1885 г. гумнице старого двора сгорело, что сильно сказалось на материальном состоянии В. Булгака. Он восстановил его через год и в честь окончания работ установил большой

деревянный крест с фигурой Христа при въезде в усадьбу. Он был оформлен декоративными кустами и цветами.

Первая мировая война принесла новые разрушения. Усадьба сгорела. На ее месте Живицкие построили новую. К сожалению, от липовой аллеи Булгаков остались только пни и одиночные экземпляры липы. Место, где размещается усадьба, живописное. В 1996 г. были расширены и очищены водоемы. Рядом с Осташином была построена новая усадьба Липники, заложен сад.

Таким образом, на примере усадьбы в д. Осташин были рассмотрены стилистические особенности усадебных комплексов Новогрудского уезда. Особое внимание уделено характерным чертам стиля классицизм, который начал распространяться на белорусских землях со второй половины XVIII в. Однако они проявились в сочетании с элементами предыдущего стиля барокко, что ярко прослеживается в рассмотренной усадьбе. Своеобразно соединившись в архитектуре жилых и хозяйственных зданий, они породили новое стилевое направление – барочный классицизм, который просуществовал в дворцово-парковом строительстве довольно продолжительное для белорусских земель время.

Список литературы

1. Булгак, Я. Край дзіцячых гадоў / Я. Булгак. – Мн.: Беларусь, 2004. – 412 с.
2. Гарады і вёскі Беларусі: энцыклапедыя. Т. 9. Гродзенская вобласць. Кн. 2 / рэдкал.: У.У. Андрыевіч (гал. рэд.) [і інш.]; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры; Выдавецтва “Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі”. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя Петруся Броўкі, 2016. – 848 с.
3. Зямля N / СП “Медысонт” ААТ. – Мінск : Медысонт ААТ, 2002. – С. 28–35.
4. Кириченко, Е.И. Архитектурные теории XIX века в России / Е.И. Кириченко. – М., 1986. – 344 с.
5. Кошур, С.А. Зямля Карэліцкая і яе славытыя людзі / С.А. Кошур. – Мінск: Кнігазбор, 2009. – 206 с.
6. Кулагин, А.Н. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии: вторая половина XVIII – начало XIX в. – Минск: Наука и техника, 1981. – 134 с.
8. Лемцюгова, В.П. Тапонімы распавядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В.П. Лемцюгова. – Мінск: Літаратура і Искусство, 2008 г. – 413 с.
9. Локотко, А.И. Архитектурное наследие Беларуси (развитие традиций, охрана и реставрация) / А.И. Локотко. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2004. – 304 с.

10. Морозов, В.Ф. История архитектуры Беларуси. Эпоха классицизма: учебное пособие / В.Ф. Морозов. – Минск: БНТУ, 2006. – 152 с.
11. Морозов, В.Ф. Стили и направления в архитектуре Беларуси второй половины XVIII – первой половины XIX века / В. Ф. Морозов. – Минск: БНТУ, 2016. – 239 с.
12. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 147. – Оп. 3. – Д. 26304. Дело об отказе помещиц Булгаковых от наследственных им. Броносово и Остахин Новогрудского уезда.
13. НИАБ. – Фонд 1595. – Оп. 2. – Д. 2058. Дело о представлении помещиками Валерианом и Антоном Булгаками раздельной записи на им. Броносово и Остахин Новогрудского уезда для засвидетельствования.
14. Список землевладельцев Минской губернии за 1876 г. – Минск : Мин. губерн. стат. комис., 1877. – 187 с.
15. Страчаная спадчына / Т.В. Габрусь, А.М. Кулагін, Ю.У. Чантурыя, М.А. Ткачоў; уклад. Т.В. Габрусь. – Мн.: Беларусь, 2003. – 350 с.
16. Федорук, А.Т. Старинные усадьбы Беларуси. Кореличский район / А.Т. Федорук. – Минск: Беларусь, 2013. – 174 с.
17. Федорук, А.Т. Старинные усадьбы Гродненщины: Берестовицкий – Ивьевский районы / А.Т. Федорук; науч. ред. О.Н. Попко. – Минск: Беларусь, 2014. – 543 с.
18. Ярашук, М.В. Асташына: гісторыя старэйшай вёскі Навагрудчыны / М.В. Ярашук. – Мінск: Медысонт, 2014. – 197 с.
19. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnich kresach Rzeczypospolitej / R. Aftanazy. – Т. 2: Województwa brzeskolitewskie, nowogrodzkie. – Wrocław [etc.], 1992. – 473.
20. Rachuba, A. Metryka Litewska: Rejestry podymnego Wielkiego księstwa Litewskiego. Województwo nowogrodzkie, 1690 r. / Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba. – Warszawa, 2002. – 290 s.

Колосовская М. В., магистрантка

**РАЗВИТИЕ НАЧАЛЬНОГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В МЕСТЕЧКЕ МИР ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ
В XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Научный руководитель:

О. И. Ершова,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления и развития системы народного образования на территории современного Кореличского района в XIX – начале XX в. В центре внимания оказалось существование правительственных учебных

заведений, открытых во второй половине XIX в. Новизна представленного материала обусловлена отсутствием научных исследований, предметом которых является формирование системы образования на территории современного Кореличского района в дореволюционный период.

Ключевые слова: начальное образование, приходское училище, народное училище, женская смена, уездное училище, городское училище, Виленский учебный округ.

Первые документально подтвержденные сведения о существовании школы на территории современного г.п. Мир относятся к середине XIX в. По другим сведениям, в XVII в. при местном костеле, открывшемся в 1588 г., работала школа. В 1705 г. в Мире был основан базилианский монастырь, при котором действовала Мирская прицерковная школа. В 1824 г., с закрытием монастыря, данная школа также прекратила свое существование. В 1840-х гг. упразднили и прикостельную школу [1, с. 56]. В результате к началу правления императора Александра II от предыдущей эпохи сохранилось только одно начальное учебное заведение – приходское училище по Уставу 1828 г., дата открытия которого, к сожалению, неизвестна.

Восстание 1863 г. обусловило активизацию действий царского правительства в отношении школы. Сократилась сеть средних и расширилась сеть начальных школ как главного средства обрусения населения. Деятельность учебных заведений на территории Виленского учебного округа регламентировалась «Временными правилами для народных школ в губерниях Виленской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской», утвержденными в марте 1863 г. Они дополнялись более поздними распоряжениями и постановлениями, которые определяли развитие народного образования на Беларуси вплоть до конца XIX в. [2, с. 41].

Еще в сентябре 1859 г. жители местечка Мир Минской губернии Новогрудского уезда на общем собрании решили открыть одноклассное приходское училище, подведомственное министерству народного просвещения. Их ходатайство удовлетворили, и учебное заведение заработало в январе 1860 г. В сентябре 1862 г. училище преобразовали из приходского в одноклассное народное. Число учащихся здесь стремительно росло, поэтому по результатам ревизии было принято решение основать в Мире еще одно одноклассное народное училище. Оно открылось в 1863 г. Уже через год, 1 ноября 1864 г., попечитель Виленского учебного округа

вместо двух одноклассных учреждает одно двухклассное народное училище [1, с. 60]. Вскоре появилась еще одна проблема – в училище быстро росло число девочек. В 1865 г. двухклассное училище преобразовали в одноклассное народное училище для мальчиков, при котором в 1866 г. открылась женская смена.

Женская смена представляла собой отделение народного училища – с общим помещением. Занятия для девочек шли во вторую смену. В одноклассных народных училищах преподавались четыре основных предмета: чтение, письмо, арифметика, Закон Божий. В женских сменах дополнительно вводилось рукоделие. Закон Божий вел законоучитель – тот же, что учил и мальчиков. Как правило, на должность законоучителя приглашали священника ближайшей церкви. Остальные предметы вела учительница. Длительность учебного дня в женских сменах напрямую зависела от наличия ламп и керосина, на приобретение которых часто не хватало средств [3, с. 76]. В 1869 г. в женской смене в м. Мир обучалось 44 девочки под руководством учительницы Ольги Пастернацкой. В 1870-х гг. ее сменила Анастасия Семеновна Нечаева. На содержание женской смены из сумм управления Виленского учебного округа выделялось ежегодно 125 р. [4, с. 478].

Начальное образование в Российской империи пореформенного периода было представлено разнообразными типами учебных заведений: народными училищами – одноклассными и двухклассными, церковно-приходскими школами и школами грамоты, приходскими училищами, образцовыми училищами министерства народного просвещения, частными училищами и т.д. [5, с. 231]. Высшими типами начальных учебных заведений считались уездное училище и городское училище. Уездные училища с 7-летним сроком обучения появились еще в период школьной реформы Александра I. Городские училища с 6-летним сроком обучения открывались по Положению 1872 г. и в перспективе должны были постепенно вытеснить уездные училища.

В м. Мир в 1865 г. (по другим данным – в 1863 г.) открылось Мирское уездное училище. На его содержание ежегодно отпускалось 2366 руб. из государственного казначейства и 300 руб. из сумм управления Виленского учебного округа. Училище разместилось в наемном доме. Обучение было платным и стоило 300 руб. в год. Управлял училищем штатный смотритель. Первым штатным смотрителем Мирского уездного училища стал Александр Николаевич Бальзаминов, одновременно преподававший русский язык и историю [4, с. 88].

В 1890 г. Мирское уездное училище наконец было преобразовано в городское. Положение 1872 г. о городских училищах на белорусских землях применялось с некоторыми изменениями. Например, в ст. 3177 о городских училищах Виленского учебного округа сказано: «Городские училища, содержимые на счет городских обществ, сословий и частных лиц, открываются с разрешения министерства народного просвещения, причем преподаватели назначаются попечителем учебного округа» [6, с. 1574]. Преподавали в городских училищах Северо-Западного края в основном выпускники Виленского учительского института. В отчете о состоянии учебных заведений и учреждений Виленского учебного округа за 1910 г. читаем: «Вследствие открытия в учебном округе значительного числа новых городских училищ, число кандидатов из оканчивающих курс в учительском институте оказывается недостаточным для замещения всех открывающихся учительских вакансий. Поэтому, в силу необходимости, места в младших классах и отделениях училищ временно замещаются лицами, окончившими курс в учительских семинариях, имеющими свидетельства на звание домашних учителей и учителей уездных училищ, а в некоторых случаях преподавательницами с званием домашних наставниц и учительниц...» [цит. по: 7, с. 9].

Мирским городским училищем заведовал Василий Михайлович Бирюк, окончивший Виленский учительский институт. Учителем работал еще один выпускник этого института – Андрей Васильевич Беляков. Закон Божий преподавал священник Феликс Иванович Сцепуро. На содержание училища ежегодно государство отпускало 1903 руб., из них 1000 руб. шли на выплату жалования: заведующий получал 500 руб., учитель – 350 руб., законоучитель – 150 руб. К учебе в городском училище приступило 55 мальчиков [8, с. 81]. В 1907 г. Мирское городское училище приобрело статус четырехклассного. На его содержание государство выделяло ежегодно уже 4403 руб. [9, с. 118].

Не осталось в стороне от дальнейших преобразований и одноклассное народное училище для мальчиков. Оно снова превратилось в двухклассное народное училище. Интересно, что в 1883 г. на территории Минской губернии работало только два двухклассных народных училища – в г. Игумен и в м. Мир. Относительно их состояния в обзоре Минской губернии сказано, что «особых перемен не произошло, в воспитательном отношении поддерживается тот же порядок, как и в предыдущие годы» [10, с. 26].

Таким образом, в начале XX в. в м. Мир работало два начальных учебных заведения – двухклассное народное училище и городское училище

по Положению 1872 г. Потребность получения образования в Мире оказалась высокой уже в середине XIX в. Стремясь перехватить инициативу у сторонников польской грамотности и польско-католической культуры, Министерство народного просвещения профинансировало открытие здесь правительственных учебных заведений с русским языком обучения. Последующие знаковые изменения системы начального образования на территории Новогрудского уезда произошли уже после окончания Первой мировой войны и Октябрьской революции 1917 г.

Список литературы

1. Описание церквей и приходов Минской епархии. – Минск: Типолитография Б.И. Соломонова, 1878-1879.
2. История просвещения в Белоруссии. – Витебск: Изд-во ВГУ, 1996. – 78 с.
3. Кириллов, М. К. Начальная школа в Беларуси во второй половине XIX и в начале XX в. / М. К. Кириллов // Из истории школы Белоруссии и Литвы. – Москва: Просвещение, 1964. – 322 с.
4. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1874 учебный год. – Вильно, 1874. – 681 с.
5. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі / М. М. Абраменка [і інш.]. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 462 с.
6. Настольная книга по народному образованию / сост. Г. Фальборк, В. Чарнолуцкий. – Т. 3: Низшие учебные заведения всех ведомств и разрядов. – Санкт-Петербург: Товарищество «Знание», 1904. – 2623 с.
7. Отчет о состоянии учебных заведений и учреждений Виленского учебного округа за 1910 г. – Вильно: типография А.Г. Сыркина, 1911.
8. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1891-1892 год. – Вильна, 1891. – 155 с.
9. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1913 год. – Вильна, 1874. – 406 с.

Пыж Д. С., магистрантка

ПОЛЬСКИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ В БССР В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Научный руководитель:

Л. А. Козик,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье приводится классификация польскоязычной периодической печати БССР в межвоенный период. Анализируется тематическая направленность публикуемых материалов и их целевое воздействие на читателя.

Ключевые слова: БССР, польскоязычная периодическая печать, межвоенный период, польское национальное меньшинство.

Возникновение и развитие печати явилось одним из величайших достижений человечества. Печать стала не только основой развития культуры, но и зеркалом, в котором отразились все социальные, политические, духовные страницы жизни общества. Межвоенный период в истории Беларуси обусловлен относительной стабилизацией общественно-политической жизни населения, что сказалось на развитии периодической печати в целом и польской периодики в частности. Материалы польских периодических изданий являются важным источником по истории польского национального меньшинства в БССР в межвоенный период.

Издательская деятельность была направлена на обслуживание всех национальностей, которые населяли Беларусь. Планы издания составлялись исходя из обязательного выделения для каждой национальности места в определенных отношениях. Для литературы на белорусском языке отводилось 70 %, на еврейском – 15 %, на русском – 8 %, на польском – 5 %, на латышском и других языках – 2 % от объема всей выпускаемой книжной продукции. Например, в 1925 – 1926 гг. из 138 изданных названий литературы тиражом в 1 млн. 150 тыс. экземпляров, на белорусском языке вышли 107 названий тиражом в 1 млн. 123 тыс. экземпляров, на еврейском – 14 наименований и 47 тыс., на польском – 10 и 48 тыс., на русском – 7 названий и 27 тыс. соответственно [3, с. 222-223].

Для анализа состояния и развития польской периодики в БССР в межвоенный период следует ввести классификацию. Исходя из содержания и общественной направленности периодической печати, а также в целях всестороннего изучения социального состава польского населения используется классификация по целевой аудитории. Так, для сельского населения издавалась “Orka”, для рабочих и горожан выходил “Młot”, изданием, которое ориентировалось на молодое поколение, было “Głos Młodzieży”, для интеллигенции выпускали “Do nowej szkoły”, “Świat”, “Trybuna Radziecka”, “Trybuna Komunistyczna”.

Расцвет польской периодики пришелся на вторую половину 1920-х – начало 1930-х гг. Первая половина 1920-х гг. характеризовалась выходом газет, которые в большинстве своем носили временный характер. Среди них

можно назвать “Wolny głos”, “Iskra komunizmu”, “Młody towarzysz”, “Głos słuchacza”. Данные издания служили инструментом пропаганды, использовались в большинстве своем для советизации поляков [6, с. 173].

Газета, которая имела наибольший тираж на территории БССР и выходила преимущественно для сельского населения, – газета “Orka”. Издавалась она с 28 марта 1926 г. по 22 июня 1937 г., с периодичностью 1-3 раза в неделю. В газете работала профессиональная команда журналистов: С. Гельтман, Я. Кирштейн, Ю. Мирецкий, Р. Бржозовский, Б. Вансовский, Г. Жарский, А. Кашевский и др. За 12 лет вышло 1340 номеров [4, с. 357]. В газете освещались различные стороны жизни польского нацменьшинства в БССР: правовые акты, касающиеся положения поляков в БССР; жалобы поляков; статьи, в которых раскрывалось положение поляков в экономике и образовании; содержались материалы об их взаимоотношении с иными национальными меньшинствами. С 1927 г. в газете появилась рубрика “Poradnik gospodarczy” с советами специалистов: ветеринаров, селекционеров, зоологов и др.

В первом номере газеты “Orka” содержится заметка от редакции газеты, которая гласит: “Мы начинаем выпуск журнала для крестьян. Наша задача – нести знания людям, работающим в селе, вести их в светлое будущее, которое нам указывает Коммунистическая партия. Мы выполним свою задачу только тогда, когда нам окажут помощь широкие массы. Мы призываем всех сельских корреспондентов, всех читателей к сотрудничеству с нами” [7, с. 1]. Эта публикация позволяет сделать вывод об идейно-политической направленности газеты и стремлении редакции нести коммунистические идеи в массы.

Большое количество статей, особенно в конце 1920-х – начале 1930-х гг., посвящено антирелигиозной пропаганде. Особое внимание уделялось дискредитации католического духовенства. Так в августе 1928 г. ксендз П. Кзюнас, служивший в парафии с центром в Чаусах, был арестован и обвинен в хулиганстве. За появление в нетрезвом виде, нарушение тишины и порядка ему было назначено наказание в виде 6 месяцев лишения свободы. Этот случай был использован редакцией «Orki» для дискредитации Католической церкви [2, с.10].

В мае 1928 г. на всесоюзном совещании работников польбюро, в связи с изменением политики, “Orka” была сориентирована на вопросы коллективизации. С этого времени в газете появляются статьи, где отмечались положительные стороны коллективизации и критиковались единоличные хозяйства [6, с. 174].

В газете “Orka” встречается большое количество карикатур. Они были призваны разоблачить, высмеять врага, поднять дух и уверенность читателя. В период проведения компаний (коллективизации, борьбы с безграмотностью, выборов в сельские советы) газета публиковала серию карикатур, развивая определенную идею [5, с. 50].

Газета была обвинена в попытках полонизации белорусского населения, редактора и сотрудников подозревали в шпионаже. В связи с этим в 1937 г. издание было закрыто [4, с. 357].

Газетой, ориентированной в основном на горожан и польских рабочих, была газета “Мюот”. Она являлась органом ЦК КПБ и издавалась с перерывом с 1918 по 1926 г. Всего вышло 1038 номеров. В газете публиковались политические и агитационные статьи, призывы и обращения [6, с. 173].

Следует отметить, что польский пролетариат не являлся самой большой социальной группой в БССР, а потому популярность газеты была невысокой. По данным всесоюзной переписи населения 1926 г. из общего числа поляков в БССР городское население составляло 20 % (19 665 чел.), а сельское – около 80 % (77 833 чел.) [1].

Для интеллигенции издавалась “Trybuna Komunistyczna”, тираж которой достигал 1000 экземпляров. Читатели жаловались на оторванность газеты от жизни, что в конечном итоге привело к ее закрытию в 1924 г. В сентябре 1928 г. с формулировкой: “Считать, что журнал не выполнил своей задачи по обслуживанию польского учительства” был закрыт и журнал “К новой школе”. Подобная судьба в скором времени постигла и газету “Trybuna Radziecka”. Ее редакцию обвинили в том, что она недостаточно широко освещает юбилей Сталина [6, с. 173].

Таким образом, польская периодическая печать в БССР в межвоенный период является важным источником по изучению польского национального меньшинства в БССР. Она отражает различные процессы, происходившие в белорусском обществе того времени.

Список литературы

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР. // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс] – 2005. – Режим доступа : http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=3. – Дата доступа: 10.11.2019.

2. Лебедев, А.Д. Газетная пропаганда как средство борьбы с влиянием католической церкви в БССР (1920-е гг.) / А.Д. Лебедев // Наша ваколіца – 2010. – №1. – С. 8–11.

3. Лыч, Л. Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч, У. Навіцкі. – 2-е выд., дап. – Мінск: Экаперспектыва, 1997. – 486 с.

4. Орка / А. Валахновіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 5: М — Пуд / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 1999. – 592 с.: іл. – С. 357.

5. Сидоренко, В.Н. Газетная политическая карикатура как источник по истории поляков БССР в 1920 – 1930 гг. / В.Н. Сидоренко // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны – 2013. – № 8. – С. 49–54.

6. Сидоренко, В.Н. Периодическая печать БССР 20 – 30-х гг. XXв. как источник по истории польского населения: общая характеристика / В.Н. Сидоренко // Научные труды РИВШ – 2010. – № 10(15). – С. 171–175.

7. Orka. – 1926. – 28 marca. – 10 S.

Пыж Д. С., магистрантка

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В БССР В 1920-Х ГГ.

Научный руководитель:

О. И. Ершова,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается решение проблемы получения образования представителями польского меньшинства в БССР на протяжении 1920-х гг. Представлены статистические данные о количестве польских школ разных типов в абсолютном и относительном выражении, о численности детей поляков в различных начальных учебных заведениях и пр. Показаны трудности, с которыми сталкивались польские школы в указанный период. Обращается внимание на становление образования взрослых на советской основе.

Ключевые слова: начальная школа с польским языком обучения; польская семилетняя школа; польский язык; польское национальное меньшинство; ликвидация неграмотности.

В молодых советских республиках большое внимание уделялось решению национального вопроса и, в его рамках, – развитию национального

образования. В феврале 1921 г. на сессии ЦИК ССРБ было подтверждено провозглашенное еще в 1919 г. правительством Литбела равноправие белорусского, русского, еврейского и польского языков, которые получили статус государственных. В русле принятого решения Народный комиссариат просвещения ССРБ взял курс на развитие образования на родном языке трудящихся. [1, с. 244]

В 1921 г. в ССРБ работало 79 польских школ, в которых преподавало 124 учителя и 3931 учащийся получал образование [2, с. 121]. В 1923/24 уч. г. в шести уездах БССР функционировало 98 польских школ. В них обучалось 25–30 % детей школьного возраста польской национальности. Остальные либо не ходили в школу, либо посещали смешанные школы, которых в БССР на то время насчитывалось 37 [2].

В 1920-е гг. на развитие сети польских школ в республике существенное влияние оказывал религиозно-политический фактор. В январе 1923 г., на Всесоюзном совещании секретарей польских бюро в Москве, рассматривался вопрос политпросвещения. В принятой резолюции отмечалось, что в тех случаях, когда группа католиков, не говорящих в повседневной жизни по-польски, но, под воздействием ксендзов, настойчиво потребует открытия польской школы, следует данную просьбу удовлетворить, в особенности в приграничной местности, где «закордонная контрреволюция» может значительно влиять на настроение населения [3, с. 35]. Часть жителей БССР католического вероисповедания считали себя поляками, хотя в действительности по национальности являлись белорусами и разговаривали на белорусском. Однако языком костела был польский, и католики-миряне к нему тяготели.

Попытки реорганизовать в начале 1920-х гг. польские школы в украинские и белорусские вызывали, как правило, всплески антисоветской агитации со стороны ксендзов. Под давлением верующих родителей дети бросали реорганизованные школы и, по возможности, переходили в нелегальные католические школы. О каждом случае закрытия польской школы в УССР и БССР становилось известно в Польше, в газетах которой подобные факты преподносились как очередной пример национального угнетения поляков в советских республиках [4, л. 10]. Это побудило руководство польских бюро в Москве запретить реорганизацию польских школ в УССР и БССР в украинские и белорусские. Данное решение поспособствовало сохранению сети польских школ в союзных республиках.

На протяжении второй половины 1920-х гг. в БССР сохранялась тенденция развития сети польских школ, пик которого пришелся на

1926/27 уч. г. Из-за рассредоточенности польского населения по мелким населенным пунктам среди школ преобладали четырехлетние однокомплектные, в которых с одним учителем занималось четыре класса, с 1-го по 4-й [2].

По количеству семилетних школ на 1000 человек польские семилетки лидировали. Так, на 1000 жителей польской национальности в БССР в 1927/28 уч. г. приходилось 1,4 польских школы, в 1928/29 уч. г. – 1,5; в то же время на 1000 белорусов в 1927/28 уч. г. приходилось 1,2 белорусские школы, в 1928/29 уч. г. – 1,25. Удельный вес польских семилеток в 1926 г. достигал 2,5%, а удельный вес самого польского населения от общего числа сельских жителей республики, по данным переписи населения 1926 г., составлял 1,86%, а городских жителей – 2,32% [4, л. 167; 5]. Больше всего польских школ, по данным 1929 г., работало в Минском округе – 50. Затем по убыванию следовали: Бобруйский – 23, Гомельский – 21, Мозырский – 15, Могилёвский и Витебский округа – по 14. Из 12 школ-семилеток 10 располагались в городах и местечках. 2/3 польских школ размещались в смешанных польско-белорусских деревнях. [4, л. 168] Помимо собственно польских школ, в республике действовала сеть белорусских школ с преподаванием польского языка как предмета. Для создания такой школы требовалось, чтобы в ней обучалось не менее 14 польских детей (с 1929 г. – не менее 15). В 1925/26 уч. г. таких школ насчитывалось 56, а в 1928/29 уч. г. – 73.

В силу некомпактного проживания детям поляков зачастую приходилось учиться в непольских школах. Так, по состоянию на октябрь 1928 г. в белорусско-русских начальных школах занималось 226 польских детей, а в русских школах – 176. Вместе с тем в самих польских школах обучалась едва ли половина польских детей. Например, в 1926/27 уч. г. во всех школах республики числилось 14 645 польских детей, из которых только 7040 – в польских [4, л. 168].

В первой половине 1920-х гг. польские школы испытывали нехватку учебников и пособий. Учебники, которые попали в школу во время польской оккупации, изъяла из обращения советская власть. Из-за небольших тиражей учебные книги на польском были в 2–3 раза дороже учебников, отпечатанных на русском и белорусском языках. Во второй половине 1920-х гг. данная проблема не потеряла своей актуальности, что было вызвано отсутствием некоторых учебников на польском, несвоевременным выходом книг из печати и задержкой отправки их на места Госиздатом [6, л. 184].

Развитие народного образования требовало не только расширения сети школ и укрепления их учебно-материальной базы, но и подготовки учительских кадров. В начале 1920-х гг. большинство учителей польских школ не имели специального образования. Свой профессиональный уровень им приходилось повышать, в основном, путём самообразования и на педагогических курсах [4, л. 170–171].

С началом в республике белорусизации пленум ЦК КП(б)Б 21 января 1925 г. рекомендовал преподавание белорусского языка во всех польских школах. В то же время в отдельных белорусских школах изучался польский язык. Так, в одноклассных белорусских начальных школах с преподаванием польского языка данный предмет вводился на 4-м году обучения – по 3 часа в неделю – для группы учащихся, родным языком которых являлся польский. В двухклассных школах польский вводился на 3-м году в количестве 2 часов в неделю, а в 4-м классе – по 4 часа. Если в двухклассной школе учеников-поляков было больше 15, то польский начинали преподавать со 2-го класса по 2 часа в неделю. [6, л. 185]

В БССР принимались меры по ликвидации неграмотности среди взрослых поляков. При польских школах открывались национальные пункты ликвидации неграмотности. В 1928/29 уч. г. на 42 пунктах обучалось около 2400 человек. [4, л. 175] Кроме того, в республике работали польские школы для малограмотных – 19 в 1929 г. Существовали и вечерние школы для поляков – 8 в 1928 г. [2, с. 130]

Таким образом, на протяжении 1920-х гг. польское национальное меньшинство имело возможность получить образование в БССР на польском языке. Несмотря на ряд трудностей и проблем, увеличивалось количество польских школ разных типов, ликвидировалась неграмотность среди взрослого населения польской национальности. Дети поляков имели возможность посещать школы с русским и с белорусским языком и, при определенных условиях, изучать там свой родной язык.

Список литературы

1. Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху / пад агул. рэд. А. Сташэўскага [і інш.]. – Менск: Выд. ЦВК БССР, 1924. – 325 с.
2. Костюшко, И. И. Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы) / И. И. Костюшко. – М., 2001. – 224 с.
3. Из истории польского национального меньшинства в БССР: (20-30-е годы XX столетия). – Минск: Ковчег, 2008. – 51 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4. – Оп. 11. – Д. 125.

5. Воробьёв, Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. / Н. Я. Воробьёв. – М.: Госстатиздат, 1957. – 107 с.

6. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4. – Оп. 11. – Д. 76.

Старжинская О. Н., магистрантка

**ПАРАГВАЙ ИЛИ ПАРАКВАРИЯ?
НАЗВАНИЕ И ДИСЛОКАЦИЯ
ИЕЗУИТСКОЙ ПРОВИНЦИИ В XVII–XVIII ВВ.**

Научный руководитель:

Д. Г. Ларионов,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема правильного употребления современными исследователями названия Парагвай и его латинского аналога *Paraguaria* применительно к испанским владениям и иезуитской провинции в период XVI–XVIII вв. Исследователи «страны миссий» зачастую не могут подобрать ёмкого и короткого научного определения тому, чем они в совокупности были, а также разобраться с дислокацией провинции, путая с иными одноименными светскими единицами. Проанализировав русскоязычные исследования, мы обнаружили проблемы с терминологией, рациональным использованием составных названий в данной теме; предлагаем исправить эту ситуацию, используя источники и опыт зарубежных коллег.

Ключевые слова: Параквария, государство иезуитов, гуарани, Лаплатский регион, иезуитские редукции.

В литературе сложилась путаница с названиями того, что создали иезуиты в XVII в. и территориального размежевания их «владений» относительно границ колониального и современного Парагвая. Об иезуитских миссиях Лаплатского региона русскоязычные исследователи пишут: «парагвайские провинции», «миссии Парагвая», «в районе Парагвая, который тогда не был точно определен, отцы решили собрать индейцев в редукции» [1]. Подобные определения размыты и требуют пояснений.

Начнём рассмотрение проблемы со светского Парагвая. В XVI в. под властью испанского вице-королевства Перу находились прибрежные территории реки Параны от устья до отделения от неё реки Парагвай и носили имя последней. Границы испанских владений постепенно расширялись, и вместе с ними к XVII в. название Парагвай распространилось в восприятии колонизаторов на всю Лаплатскую

низменность [2, с. 9-10], что можно заметить и по картам того времени [3], хотя официально эти территории назывались «губернаторство Новая Андалусия» (с 1534 г.), а затем губернаторство Рио-де-ла-Плата (с 1549 г.). В 1617 г. по всему течению реки Парагвай было создано одноименное губернаторство (см. рис. 1), остальные территории продолжали официально называться губернаторством Рио-де-ла-Плата. Используемые в испанском языке слова «*gobernación del Paraguaú*» переводят либо как «губернаторство Парагвай», либо «провинция Парагвай», что в языке оригинала одно и то же; однако, различие вариантов перевода вызывает путаницу.

Иезуиты для своих целей делили весь мир на собственные единицы, которые не всегда совпадали с государственными [4, р. 20]. Их провинция *Paraguaria* (лат. от Парагвай) была создана в 1604 г. [5]. Она включала все территории, где к тому времени было общепринято название Парагвай (а также до 1625 г. и территории Чили) [9, р.26].

Независимо от того, что официально называлось Парагваем, территорией иезуитской провинции Параквария до 1750 г. формально оставался весь Лаплатский регион. Это не означало, что иезуитам принадлежали те земли, а лишь обозначало географически границу ответственности за миссионерскую деятельность. Несмотря на это, границы всё же имели и политическое значение, обозначая земли, на которые претендовала в регионе испанская корона. Когда во время личной унии метрополий было предложено объединить в одну иезуитскую провинцию их земли, португальцы были решительно против.

Из-за путаницы с названием часто путают и даты учреждения Паракварии с датой создания епархии, губернаторства (1617 г.), а также с датой реального перемещения иезуитов на эти территории (1607 г.) [12, р. 77] или с датой основания первого поселения (1609 г.) [5]. В имеющихся исследованиях прослеживается тенденция к уточнению территориального расположения провинции и подборе названия, наиболее чётко отражающего её границы.

Авторы выбирали названия различных административных единиц (обозначая их границей вице-королевства либо последующими историческими единицами, вплоть до обозначения через территории современных государств), географические названия: Х. Строни писал «Провинция Парагвай (бассейн Рио-де-ла-Платы)» [6], Н.В. Ракуц говорил о «миссиях Южной Америки» [7], брали за основу популярные мнения о миссиях (как с формулировкой «государство» иезуитов). Вопросом

короткого, понятного и удобного имени для этой провинции задавались авторы многих монографий.

Вот, например, как пишет об этом Эгия Руис: *«Известно, что старинная Провинция иезуитов Парагвай охватывает намного большие территории, чем нынешняя территория названной республики. Большая Провинция включала в себя всё, что ныне является Республикой Аргентина, Республикой Уругвай, Республикой Парагвай, частью Боливии и Рио-Гранде-до-Сул в Бразилии. Поэтому в основном, чтобы сократить в восприятии читателя содержание книги, не будем в названии писать «Иезуитская провинция Парагвай». Лучше прибегнем к выражению, которое не будет вызывать путаницы с нынешним уменьшенным Парагваем, то есть к общей границе Рио-де-ла-Платы. ... Такова для нас великая Риоплатская Провинция, чья современная жизнь, под названием Аргентинская, сама по себе заслуживает истории, достойно соперничая со своим старинным предшественником, носившим название Провинция Парагвай».* [8, p. 8].

Многие авторы употребляли определение «иезуитская провинция Парагвай» [11], видимо, полагая, что читатель не спутает её со светской провинцией (т. е. губернаторством), особенно в контексте целой книги; другие, как доктор Руис, решили, что это громоздко, размыто и не ёмко. Слово «Параквария» выбирали как авторы источников [10], так и современные исследователи [5], [12], [13], [14] более чем в половине встречавшихся нам случаев. На картах, составленных светскими лицами (см. рис.1), словом «Парагвай» обозначали и губернаторство, и весь Лаплатский регион; иезуиты обозначали последний на своих картах как Paraguagia (рис.2), а губернаторство – Paraguay.

Итак, поскольку лишь вариант «Параквария» отвечает совокупности следующих параметров: 1) краткость; 2) специфичность (термин используется только для иезуитской провинции и всего, что она включает); 3) универсальность (используется авторами с появления до наших дней и не оспаривается) – полагаем, следует считать его оптимальным для этого объекта исследования.

Список литературы

1. Казбекова, А. Э. Возникновение иезуитских редукций в Южной Америке / А. Э. Казбекова // Проблемы исторической регионалистики в источниковедении, историографии, теоретической истории: сб. мат. Всероссийской научно-практич. конф. студ., маг., асп. и мол. ученых 12 апреля 2018 года // Стерлитамакский филиал Башкирско

гос. ун-та; отв. ред. Д.П.Самородов, редколл. Н.С. Мысляева [и др.]. – Стерлитамак, 2018. – С. 125-128.

2. Святловский, В. В. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст. / В. В. Святловский. – Петроград: Путь к знанию, 1924. – 54 с.

3. Amerique meridionale [Мапа] / Nicolas Sanson, 1679 // Biblioteca Nacional Digital Brasil [Recurso eletrônico]. – Modo de acceso: http://objdigital.bn.br/acervo_digital/div_cartografia/cart530882/cart530882.jpg – Fecha de acceso: 01.01.2021.

4. Historia y presencia de la Compañía de Jesús en el Río de la Plata // Signos Universitarios: Revista de la Universidad del Salvador, 2016. – № 52. – P. 19-26.

5. Paraquaria – La Provincia Jesuítica del Paraguay – Camino al Cielo [Recurso eletrônico]. – Modo de acceso: <https://misionesjesuitas.com/documental.php?id=33> – Fecha de acceso: 01.05.2021.

6. Stroni, Hugo. Catalogo de los Jesuitas de la Provincia del Paraguay (Cuenca del Rio de la Plata) 1585–1767. Subsidia ad Historiam S.I. 9. Rome: Institutum Historicum S.I., 1980.

7. Ракуц, Н. В. Иезуитские миссии (редукции) испанской Южной Америки в контексте проблемы симбиоза культур / Н. В. Ракуц // Этнографич. обозрение. – 2013. – № 3. – С. 102-116.

8. Eguía Ruiz, C. España y sus misioneros en los países del Plata. / C. Eguía Ruiz – Madrid, 1953. – 623 p.

9. Furlong, G. Cartografía Jesuitica del Rio de la Plata / G. Furlong. – Buenos-Aires, 1936. – 120 p.

10. Sepp, A. An account of a voyage from Spain to Paraquaria. Letters of Antony Sepp, translated from High Dutch / A. Sepp. – Nurenberg, 1697. – 808 p.

11. Historia de la Compania de Jesus en la Provincia del Paraguay (Argentina, Paraguay, Uruguay, Peru, Bolivia y Brasil) segun los documentos originales del Archivo General de Indias. – en 8 vol. : vol.1 / P. Pastells, S.J., F. Mateos S. J. – Madrid, 1912.

12. Bustamante, F. Guaranés y jesuitas en la pprovincia Paraquaria según las crónicas de Montoya, Cardiel y Peramás (siglos XVII y XVIII). Thesis doctoral. Universidad de Florida, 2001. – 308 p.

13. Buchholz, A. Subproject 2: The Jesuit Reductions in Paraquaria [Electronic resource] / A. Buchholz. // Freie Universität Berlin : Department of History and Cultural Studies: Transcultural negotiation in the ambits of art. Comparative perspectives on Historical contexts and current constellations: Reseach Units. – Mode of access: https://www.geschkult.fu-berlin.de/en/e/transkulturell/teilprojekte/a2/a2_unterprojekt_2/index.html. – Date of access: 12.03.2020.

14. Jackson, R. H. A Population History of the Missions of the Jesuit Province of Paraquaria / R. H. Jackson. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2019. – 343 p.

Andreev I. A., undergraduate

THE ROLE OF CARTOGRAPHY IN FORMATION OF THE EASTERN EUROPEAN NATIONS: BELARUS CASE STUDY

Навуковыя кіраўнікі:

У. А. Падалінскі,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт;

В. Б. Цясевіч,

старшы выкладчык

Annotation. The article is devoted to the role of ethnographic maps in state boundary determination. The article shows the transformation of ethnographic borders into the state ones as a process caused by social and political needs.

Key words: cartography, ethnographic maps, state border, Russian Empire.

The first Russian cartographic publications, which included the lands of the Polish–Lithuanian Commonwealth, reflected the administrative-territorial situation. The linguistic and ethnographic diversity studies of the Russian Empire began in the middle of the 19th century and were based on statistical data (mainly on the results of censuses).

These studies formed the basis for ethnographic maps of peoples or ethnic groups settlement. In essence, this work had scientific and economic goals, but naturally its results became the tool that led to the growth of self-identification of peoples.

As history has shown, tradition was of great importance for the self-proclamation and protection of statehood. For the nations that once made up the federal state of the Polish–Lithuanian Commonwealth, the memory of the former cultural and state separateness was preserved as evidenced by the extensive cartographic material of the late 16th – 18th centuries. It is difficult to say how the glorious cartographic tradition of the Grand Duchy of Lithuania was considered by the fathers of the Belarusian (or, for example, Lithuanian) statehood at the beginning of the 20th century when they created their own national maps. It is likely that local cartographic material, original or republished in European atlases, was not perceived as a political argument but was considered as a part of the

common cultural heritage, despite the fact that the basis for the study of the history of cartography has already been created in the region [1].

The main stage of the construction of the territories inhabited by the peoples of the European part of the Russian Empire fell on the 1840 – 1870s. Publications of this period had a significant impact on the subsequently declared state borders in general.

The first ethnographic map of the European part of Russia was prepared in 1846 by the Russian scientist of German origin **Piotr Köppen** (1793–1864). The map was published in 1851 on behalf of the Russian Geographical Society [2]. It was based on the data of the eighth revision of the population in 1833 – 1835. 38 non-Slavic nations («foreigners») were marked on the map. The Lithuanians, Latvians, Estonians, Poles were indicated on the territories of the former Polish-Lithuanian Commonwealth. Enclaves of the Jews, Tatars, Gypsies and other non-Slavic nations residence were also marked. The Belarusians, Ukrainians and Russians were not differentiated¹.

In his explanation of the map Köppen noted that «the most difficult thing was to have positive testimonies about the Lithuanians» [3, p.14]. The author requested additional data from the Catholic and former Uniate parishes of Koŭna, Viĺnia and Hrodna provinces «about the language they use with samples of their speech», which indicates the difficulties that have arisen in determining the border between the Lithuanians and Belarusians according to the confessional factor and the first attempts to use language differences.

Let us note the tense political situation in the region during this period and the increased number of publications on the ethnographic subject, not devoid of deliberate or caused by censorship ideological influence [4].

In 1863, the Ethnographic Atlas of Western Russian Provinces and Neighboring Regions was published by **Roderich von Erckert** (1821–1900), a German ethnographer and officer who served in Russia. The publication was intended to distinguish between the «Russians» (the Belarusians and Little Russians) and Poles in the former lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth [5]. In the same year the edition was published in French [6].

¹ On the European ethnographic maps of that time, the Belarusians, the Ukrainians, and the Russians, although they belonged to the same Slavic group, were, as a rule, divided. For example, in 1842 the book «Slowanský národopis» of P. J. Šafarik (1795–1861) was published. There were «Slovanský zeměvid» map with the borders of BELORUSI, MALORUSI, LITVANE, LOTYSI and other nations residence in the book. In the H. Berghaus's «Physikalischer Atlas oder Sammlung von Karten» (Gotha, T.1. 1845, T.2. 1848), which is considered the first comprehensive geographical atlas of the world, the Belarusians (weiss russen), Ukrainians (klien russen), Russians (gross russen) are listed separately on the maps «Ethnographische Karte von Europa weiss russen» (1847), «Übersicht von Europa; mit ethnograph...» (1847). On these maps, in comparison with the maps of P. J. Köppen, the area of predominant residence of Lithuanians is expanded eastward: along the line Suwalki – Hrodna – Lida – Smarhoń – Švenčionis (Sventyany) – Vidzy.

The first map from R. Erkert's atl's outlines the territories of the predominant residence of the Poles, Ukrainians, Belarusians, Lithuanians (the Litvins and Samogites are highlighted), Latvians and other nations. It was done mainly on a confessional basis, though the author recognizes the relatively scientific nature of this approach and the possibility of different results depending on the focus shift between linguistic, confessional, or sociopolitical approaches.

In his work «A Look at the History and Ethnography of the Western Provinces of Russia» R. von Erckert notices that the French edition should «resist the false and pretentious testimony of Polish writers» and actually gives an ethnographic picture of the former Polish-Lithuanian Commonwealth lands. Indicating the territory of the Belarusian population, the author does not extend his research beyond the borders of Vitebsk, Mogilev and Minsk provinces in the eastern direction. The demarcation line between the Belarusians and Litvins runs approximately along the Lida – Ašmiany – Smarhoń line. Pružany, Kobryn and Brest-Litoŭsk are classified as Ukrainian territories.

R. von Erckert, like P. Köppen, encounters difficulties with constructing the ethnographic border between the «Russian» and the Polish peoples. He draws attention to the native speakers of the Belarusian or «Little Russian» language of the Catholic faith and, with some reservations, classifies them as the Poles.

In 1875, at the initiative of the Imperial Russian Geographical Society, the Russian military ethnographer **Alexander Rittich** (1831–1915) developed the «Ethnographic Map of European Russia» [7]. For the first time in the Russian Empire, nations were divided into groups and mapped according to linguistic criteria.

When developing the map, materials from the tenth revision of 1858 were used. The map delineates areas of 46 «dialects» that are identified with their speakers, including the Belarusians, Russians (Great Russians) and Ukrainians (Little Russians). The Belarusian «dialect» on the ethnographic map of A. Rittich is widespread in the territories designated by Sebezh, Nevel, Smolensk, Dorogobuzh, Roslavl, Homieĺ, Mazyr, Bialystok, Hrodna, Lida, Ašmiany, Viĺna, and Drysa. Brest, Pružany, Pinsk, and the right bank of the Prypiać are referred to as the territories of the predominant Ukrainian «dialect».

Rittich's ethnographic map, and in some cases the maps mentioned above, formed the basis for subsequent reprints in atlases, books or separate sheets. A new map dedicated to this issue has not been created in the Russian Empire any more.

Ethnographic research in the Russian Empire was largely determined by the national policy aimed at creating a single Russian nation, hence the corresponding

terminology: «dialects», «tribes», etc. However, it became the starting point for subsequent ethnographic publications of the peoples that were part of the Russian empire and began to demonstrate their political will. The borders declared in those publications were more likely to take into account the current political situation than strictly leaned on an ethnographic picture.

In 1902, **Jaŭchim Karski** (1860–1931), an academician, an authoritative Slavic philologist, published a brochure «On the question of the ethnographic map of the Belarusian tribe» [8]. The announced map appeared the following year [9].

The characteristic features of the Belarusian language (hard or soft «r», strong or moderate akanje, polonisms, clatter, etc.) were taken as a basis for determining the boundaries of residence of the Belarusians. In comparison with the Ethnographic map of A. Rittich in 1875, the border of the Belarusian «tribe» of J. Karski moved in the eastern direction, the rest of the border segment coincides with minor deviations.

In 1917, a second edition of this map was published under the same name, but with corrections: the legend was shortened, the boundaries of linguistic areas disappeared, but the outer boundaries were clearly delineated [10]. The map, drawn up on the language basis, acquired political significance.

World War I brought about tremendous changes in the world. As a result, new state formations, including the territory of Europe, began to form. On March 9, 1918, the Belarusian People's Republic (BPR) was proclaimed in Minsk, and on March 25, its independence was declared.

The «Map of the Belarusian People's Republic / Carte de la République Democratique Blanche-Ruthénienne» [11] was prepared for the Paris Peace Conference of 1919. The BPR map was compiled on the basis of the Ethnographic map of J. Karski, but under the influence of Professor **Mitrafan Doŭnar-Zapołski** (1867–1934) the territories of the predominant residence of the Belarusians were expanded, Brest and Pinsk were attributed to Belarusian territories [12].

The BPR map was distributed as a separate publication, and also became a part of Mitrafan Doŭnar-Zapołski's brochure «Fundamentals of Belarus Statehood», published in Hrodna in several languages [13]. The delegation of the BPR government published a special petition for the participants of the Paris Peace Conference, to which the map was also attached [14]. In 1919, a book by the German officer Walter Jager «Weissruthenien. Land, Bewohner, Geschichte, Volkswirtschaft, Kultur, Dichtung ...» with the BPR map was published [15].

The map proclaimed the state borders of the BPR and was supposed to act as an additional foreign policy argument. Clarification of the border with neighboring states continued to be the subject of diplomatic discussions.

In the fall of 1919 the «Map of Belarus» [16] was published for «internal» use. The map is not signed, but its almost complete correspondence with the «Geography of Belarus» published in Vińnia in the spring of 1919 by the Belarusian scientist **Arkadž Smolič** (1891–1938) allows us to assign confidently the authorship of the map to him. The map fixed the borders of Belarus exactly like on the BPR map, and also presented a new concept of the administrative division of Belarus [17].

The following cartographic publications have already fixed the borders of the Belorussian Soviet Socialist Republic. Publications of the interwar period often showed the territory of the western part of Belarus, transferred to the Polish Republic under the Treaty of Riga (1921) [18].

In September 1939, after the partition of Poland between Germany and the USSR, ethnic Belarusian lands returned to the BSSR.

The modern state border of Belarus was finally formed in 1945. The eastern border with Russia was established by 1926 (at that time between the BSSR and the RSFSR) and was close to the administrative borders of the Mahilioŭ province (somewhat curtailed in the areas of Mscislaŭ and Liozna), established in the Russian Empire at the beginning of the 19th century.

In the northeast, a part of Viciebsk province was included in the BSSR with the towns Drysa, Asveja, Rasony, Eziaryšča, Suraž, as well as Polack and Viciebsk, without taking into account ethnographic reconstructions or a visible link to the borders of the uyezds of Vitebsk province.

The southern border quite accurately coincides with the administrative borders of Minsk and Hrodna provinces, established at the beginning of the 19th century². The western and northwestern borders were finally formed in 1944–1945 and were the result of political decisions without any connection with ethnographic publications.

² The origins of the formation of the border between Belarus and Ukraine can be traced back to the time of the Union of Lublin, when the Ukrainian lands were included in the Crown of the Kingdom of Poland. The southern border of the Brest Voivodeship of the 17th-18th centuries was closely followed by the maps of the Hrodna and Minsk provinces. If P. J. Shafarik apparently relied on administrative division («Slowanský národopis» map, 1842), then R. von Erckert and A. F. Rittich, with some differences, attributed western Palešsie to Ukrainian territories, what was later disputed by M. V. Doŭnar-Zapołski.

Ethnographic maps of the second half of the 19th century **constructed ethnographic boundaries** and were a manifestation of not only scientific, but also, to a large extent, economic and political necessity. Since the beginning of the 20th century during the period of struggle for independence, these maps took on an ethnic (national) character and were used to declare the territories of residence, and were also an important means of political struggle. Since the 1920s, with the gradual establishment of boundaries, the role of maps as a means of political argumentation or propaganda has declined.

The concept of the ethnic border itself in the 19th century, as a rule, was blurred, strictly speaking, we could only talk about a certain border corridor, the location and width of which could differ significantly depending on the selected indicators, so the final decision was up to the political will, supported by real power.

Bibliography

1. Lelewel, J. Géographie du moyen âge / J. Lelewel. – Bruxelles : Chez Vve et J. Pilliet, Libraires, Successeurs de P.-J. Voglet, 1850. – 36 с.

Кордт, В. Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. I. Карты всей Росіи и южныхъ ея областей до половины XVII вѣка / В. Кордт. - Киев : Изданіе Кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ, 1899. - 15 с.

Кордт, В. Матеріалы по исторіи русской картографіи. Вып. II. Карты всей Росіи и западныхъ ея областей до половины XVII вѣка / В. Кордт. - Киев : Изданіе Комиссіи для разбора древнихъ актовъ, состоящей при Киевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генерал-губернаторѣ, 1910. - 31 с.

2. Этнографическая карта Европейской России [Карты] / Скл. П. Кеппен. – 1:3 150 000, 31,5 км у 1 см. – Санкт-Петербург : Императорское Русское географическое общество, 1851. – 1 к.

3. Кеппен, П. Об этнографической карте Европейской России / П. Кеппен. - Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1852. – 40 с.

4. Петронис, В. Pinge, divide et impera: взаимовлияние этнической картографии и национальной политики в позднеимперской России (вторая половина XIX века) / В. Петронис // Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) : зб. арт. / рэд.: А. Мартин, Р. Вульпиус, А. Миллер. - Москва : Новое литературное обозрение, 2010. – С. 308-329.

5. Этнографическій атласъ западно русскихъ губерній и сосѣднихъ областей [Карты] / Скл. Р. Ф. Эркерт. – [Масштаб не указаны]. - Санкт-Петербург, 1863. – 6 к.

6. Atlas ethnographique des Provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais [Карты] / Скл. R.Erckert. – [Масштаб не указаны]. - Санкт-Петербург, 1863. – 6 к.

7. Этнографическая карта Европейской России [Карты] / Скл. А. Риттих. – 1 : 2 520 000, 25,2 км у 1 см. – Санкт-Петербург : Картографическое заведение А. А. Ильина, 1875. – 1 к.

8. Карский, Е. Ф. К вопросу об этнографической карте белорусского племени / Е. Ф. Карский. – Санкт-Петербург : Типография императорской академии наук, 1902. – 16 с.

9. Этнографическая карта бѣлорусскаго племени [Карты] : Бѣлорусскіе говоры / Скл. Е. Ф. Карский. – 1 : 1 680 000, 16,8 км у 1 см. // Карский, Е.Ф. Бѣлоруссы. Введение въ изучение языка и народной словесности. Том 1. / Е.Ф. Карский - Варшава : Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, 1903. - 466 с.

10. Этнографическая карта бѣлорусскаго племени [Карты] / Скл. Е. Ф. Карский. – 1 : 1 680 000, 16,8 км у 1 см. // Карский, Е.Ф. Этнографическая карта бѣлорусскаго племени / Е.Ф. Карский - Петроградъ : Типографія Россійской Академіи Наукъ, 1917. – 32 с.

11. Карта Беларускай Народнай Рэспублікі. Carte de la République Democratique Blanche-Ruthénienne [Карты] / 1 : 2 000 000, 20 км у 1 см. – Berlin, 1919 (?). - 1 к.

12. Лебедзева, В. М. Узел М. В. Доўнар-Запольскага ў беларуска-ўкраінскіх перамовах 1918 // Даследчык гісторыі трох народаў: М.В.Доўнар-Запольскі : зб. навук пр. / ГДУ імя Ф. Скарыны ; пад рэд. В. М. Лебедзевай. - Гомель-Рэчыца, 2000. – С. 96-106.

13. Доўнар-Запольскі, М. В. Асновы дзяржаўнасці Беларусі. / М. В. Доўнар-Запольскі. - Городно : выданьне Міністэрства Беларускіх Спраў, 1919. - 16 с.

14. Petition presented by the Delegation of the Government of the White Ruthenian Democratic Republic / Paris, 1919. – 6 с.

15. Weissruthenien. Land, Bewohner, Geschichte, Volkswirtschaft, Kultur, Dichtung Mit 93 Abbildungen und einer Karte / пад рэд. w. Jager. - Berlin : Verlag Karl Curtius, 1919. – 140 с.

16. Карта Беларусі [Карты] / 1 : 1 680 000, 16,8 км у 1 см. Wilno: Lit.P.F. «N.Mac i syn», 1919. - 1 к.

17. Адміністрацыйнае дзяленне на карце Беларусі Аркадзя Смоліча [Электронны рэсурс]. - Рэжым доступа: <http://imago.by/artycle/613-smolich-admin.html>. – Дата доступа: 05.05.2021.

18. Карта Беларусі [Карты] / 1 : 2 000 000, 2 км у 1 см. // Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху / Пад рэд. А. Сташэўскі, З. Жылуновіч, У. Ігнатоўскагі. Менск : Выданьне Цэнтральнага Выканаўчага Комітэту Беларускае Савецкае Соцыялістычнае Рэспублікі, 1924. – 323 с.

Школьная карта Беларусі [Карты] / Скл. М. Азбукін, А. Смоліч. – 1 : 500 000, 5 км у 1 см. Менск : Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1925(?). - 1 к.

Грицук С. А., студент IV курса

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ БОЕВОЙ СЛАВЫ ГУО «СРЕДНЯЯ ШКОЛА №30 Г. ГОМЕЛЯ»

Научный руководитель:

О. И. Ершова,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье, на примере Музея боевой славы ГУО «Средняя школа №30 г. Гомеля», рассматриваются возможности культурно-образовательной деятельности школьных музеев. Анализируются формы культурно-образовательной деятельности школьного музея, ее задачи и проблемы, препятствующие реализации данных задач. Сравнивается культурно-образовательный потенциал музейных мероприятий различного формата.

Ключевые слова: школьный музей, музейная педагогика, культурно-образовательная деятельность, музейная экспозиция, формат работы музея.

Музей занимает особое место в современной культуре. Он выступает тем общественным институтом, который не только сохраняет и популяризирует культуру и историю народа, но и является одним из образовательно-воспитательных центров молодежи. Исходя из этого, можно сформулировать две важные цели, стоящие перед данным учреждением культуры: педагогическую и воспитательную. Педагогическая цель любого музея – формирование эмоционально-личностного отношения школьников к ценностям культурного наследия, постижения мира культуры посредством знакомства с подлинниками всего того, что определяет понятие «культура» [1, с. 110]. При этом воспитательная миссия музеев заключается в том, чтобы быть активно действующим звеном в процессе становления личности школьников.

Отдельное место занимают музеи при учреждениях образования, самой распространенной группой среди которых являются школьные музеи [2, с. 196]. Феномен школьного музея состоит в том, что его образовательно-воспитательное влияние на детей наиболее эффективно проявляется в процессе их участия в осуществлении различных направлений музейной деятельности [3, с. 127].

Музей боевой славы ГУО «Средняя школа №30 г. Гомеля» раскрывает историю боевого пути двух авиаполков: 79 гвардейского штурмового авиационного полка (далее – 79 ГШАП) и 51 истребительного авиационного

полка (далее – 51 ИАП). Именно они принимали непосредственное участие в боях за освобождение Гомеля осенью 1943 г.

Коллекция музея относительно небольшая: 225 музейных предметов основного фонда и 430 предметов научно-вспомогательного. Несмотря на это, он ведет достаточно активную культурно-образовательную деятельность с учащимися и гостями школы. Актив музея разработал и реализует различные формы работы: экскурсии по экспозиции, встречи с ветеранами, выступления перед ветеранами Великой Отечественной войны. Также проводятся концерты и мероприятия, посвященные праздничным датам: Дню освобождения г. Гомеля от немецко-фашистских захватчиков, Дню Победы, Дню юного героя-антифашиста, Дню защитника Отечества.

Один из важнейших элементов культурно-образовательной работы музея – экспозиция. Именно благодаря ей музейные работники, а в реалиях школы и учащиеся-активисты, реализуют одну из традиционных форм образовательной деятельности в музеях – экскурсию. В экспозиции музея боевой славы оформлено 6 тематических разделов: «Боевой путь 591 ИАП», «В небе Гомельщины», «История 79 ГШАП», «Схема боевого пути 79 ГШАП», «Летно-технический состав полка», «Ветераны Великой Отечественной войны». На основе данной экспозиции руководителем музея и учащимися-активистами были разработаны различные варианты тематических экскурсий по музею: «Легендарные и неповторимые», «В небе Гомельщины», «Отважный 591 ИАП», «Герои Советского союза 79 ГШАП», «Обзорная экскурсия». В рамках экскурсии «Легендарные и неповторимые» учащимся и гостям школы предлагается познакомиться с историей боевого пути 79 ГШАП и личностями, которые служили в этом полку. Во время экскурсионной программы «В небе Гомельщины» посетители музея узнают об освобождении Гомеля в ходе Гомельско-Речицкой наступательной операции.

Самой популярной в музее является «Обзорная экскурсия», которая позволяет ознакомиться с историей боевого пути упомянутых выше авиаполков. За период 2018 – 2019 гг. большинство посетителей воспользовалось именно этой экскурсией, чуть меньшее количество прослушали экскурсию «В небе Гомельщины». Эти данные свидетельствуют о слабом продвижении иных экскурсионных программ активом музея, что требует определенной работы по улучшению экскурсионного разнообразия музея.

Наряду с внутришкольной экскурсионной деятельностью реализуется практика внешкольных экскурсий по инициативе руководителя школьного музея Натальи Константиновны Биран. Так, в период 2009 – 2019 гг. учащиеся ГУО «Средней школы №30 г. Гомеля» посетили ряд городов и музеев как внутри страны, так и за ее пределами: г. Добруш и его краеведческий музей, г. Жлобин и мемориальный комплекс «Красный берег», усадьбу Козел-Поклевских, г. Смоленск и его краеведческий музей, г. Москву и Музей Победы, Музей космонавтики. Активная внешкольная экскурсионная деятельность музея позволяет не только расширить кругозор учащихся, но и активно развивать их личностные качества путем ознакомления с культурным наследием различных регионов.

Не менее активно реализуется программа культурно-массовых мероприятий, приуроченных к памятным датам. Классические концерты-встречи проводятся активом музея в рамках ежегодных празднований Дня Победы. Организуются тематические экскурсии для учащихся школы, а также встречи в стенах музея с ветеранами Великой Отечественной войны. Данный формат работы позволяет развить у учащихся организаторские задатки, сформировать ценностные ориентиры. Кроме того, в музее проводятся встречи с ветеранами Афганской войны 1979 – 1989 гг.

Описанные формы культурно-образовательной деятельности позволяют реализовать несколько основных задач, которые стоят перед современным школьным музеем:

1. Формирование у учащихся первичной музейной культуры и воспитания традиции посещения музеев.
2. Гражданско-патриотическое воспитание учащихся в рамках возможностей школьного музея.
3. Развитие и поддержка личностных качеств учащихся-активистов музея.

Решению данных задач препятствует ряд проблем:

1. Отсутствие возможности коренной модернизации экспозиции, которая с момента открытия в 1986 г. не обновлялась. Использование современных информационных технологий и достижений музеологии помогут музею стать более привлекательным в глазах учащихся и гостей.
 2. Необходимость создания интересной экскурсионной программы при помощи достижений музейной педагогики и учета интересов учащихся.
- Недостаточная включенность музея в образовательную деятельность школы. Разработка лекционного курса и его реализация в рамках музея на

уроках истории позволили бы интегрировать музей в образовательную программу данного учебного заведения.

Решение данных проблем поможет сделать Музей боевой славы ГУО «Средней школы №30 г. Гомеля» более привлекательным для учащихся. Переосмысление задач, которые стоят перед музеем, позволит ему стать тем центром, который не только дает ответы современным школьникам, но и вызывает их на диалог.

Список литературы

1. Таушканова, А. О. Музей как средство ориентации личности на культурно-исторические ценности / А. О. Таушканова, Е. А. Шанц // Педагогика: традиции и инновации (II): материалы междунар. заоч. науч. конф. – Челябинск, 2012. – С. 109- 112.
2. Ушакова, В. И. Школьный музей как компонент образовательного пространства школы / В. И. Ушакова // Вестник МГУКИ. – 2010. – № 5. – С. 196-200.
3. Макеева, И. А. История и перспективы развития / И. А. Макеева // Педагогика: традиции и инновации (II): материалы междунар. заоч. науч. конф. – Челябинск, 2012. – С. 125-127.

Зайко П. В., студентка IV курса;

Кулагин С. В., студент IV курса

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННОМ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Научный руководитель:

О. И. Ершова,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье обращается внимание на проблемы реализации гендерного подхода в учебно-воспитательном процессе. Гендерная педагогика базируется на необходимости обучать учащихся согласно представлениям о гендерных ролях. Однако не всегда гендерные роли соотносятся с действительностью. Авторы показывают связь феминизации школы XX в. с устойчивостью гендерных стереотипов, описывают различные проявления гендерного неравенства.

Ключевые слова: гендерный подход, система образования, учебно-воспитательный процесс, гендерные стереотипы, феминизация школ.

Через несколько лет после своего создания СССР начал испытывать необходимость в массовой унифицированной школе для воспитания трудящихся. В советском обществе почти все стороны жизни были

идеологизированы. Такой участи не избежала и школа. Уровень регламентации учебно-воспитательного процесса оказался крайне высоким, что приводило к постепенному вымыванию педагогического творчества. В этих условиях удачно адаптировались именно женщины-педагоги – в силу особенностей биологического и психофизического развития. Численность мужчин-педагогов постепенно снижалась. К причинам это снижения добавился ещё фактор Второй мировой войны [1, с. 34]. Массовая мобилизация мужского населения закрепила за школьным образованием статус женской сферы. В послевоенные годы негативно сказались на половом балансе в школах относительно низкие зарплаты учителей. В связи с этим можно говорить о феминизации советской послевоенной школы.

В современной российской школе доля женщин составляет 82% [2, с. 89]. Наиболее сбалансированный состав в среднеспециальных образовательных учреждениях – доля женщин 60%. В высшей школе больше преподавателей-мужчин. Так как большинство учителей в школе – женщины, а большинство авторов учебников – мужчины, возникает вопрос: «Может ли женщина правильно преподать материал, написанный мужчиной?» [3, с. 56]

Исследования последних лет показывают сексистскую направленность школьных учебников. В качестве главных действующих лиц мы можем увидеть мальчиков и мужчин (более 60%). Также наблюдаются различия и в видах деятельности у разных полов. Мужчины и мальчики в основном представлены занятыми инструментальной деятельностью и, чаще чем женщины и девочки, изображены в ситуации отдыха, развлечений и занимающимся учебными делами. А. Мишель определила, что есть две основные формы сексизма в школе: открытый и закрытый [4, с. 124]. Открытый проявляется в разных программах для мальчиков и девочек по некоторым предметам, скрытый – в отношении учителей. Не менее интересными являются исследования Т. И. Барчуновой [1, с. 5]. Она провела контент-анализ в том числе российских учебников. Учебники все ещё наполнены целым букетом гендерных стереотипов. История преимущественно остается курсом, изучающим «мужские» экономические, дипломатические и военные вопросы. Женщины изображаются в учебниках как жены, общественные работники, няньки и т.д. При этом женщинам, как правило, приписывается второстепенная роль, тогда как мужчинам – роль первопроходцев. Женщин чаще изображают как страдающих, неуверенных, угнетенных.

В настоящий момент в восточноевропейских школах не существует специальных программ для раздельного обучения мальчиков и девочек, учитывающих специфику пола. Однако ряд ученых (В. Е. Каган, В.Д. Еремеева и др.) считают необходимым обратить внимание на половозрастные особенности учащихся при выборе форм и методов обучения, особенно на его начальном этапе [2, с. 90].

С одной стороны, в образовании используются одинаковые элементы обучения для всех детей – один возраст, класс, учителя. С другой стороны, способности и возможности девочек и мальчиков отличаются. В начальной школе успеваемость девочек приблизительно одинакова, тогда как у мальчиков четко прослеживается разница в оценках. Это можно объяснить особенностями мотивации, интересов и склонностей школьников.

Д. Хартли в своих исследованиях показал специфику отношения школьников обоего пола к поведению своих одноклассников [4, с. 251]. Девочки, в большинстве случаев, оценивают свое поведение как положительное, а поведение мальчиков – как отрицательное, мальчики же определяют свое поведение в положительных и отрицательных аспектах, а поведение девочек – только в положительном аспекте. По мнению исследователя, понятия «прилежная ученица» и «настоящая женщина» абсолютно не противоречат один другому, тогда как определения «прилежный ученик» и «настоящий мужчина» – совсем противоположные понятия. Следует заметить, что в данном случае показан пример стереотипного отношения к обоим полам. Прилежный ученик не может считаться настоящим мужчиной, поскольку под первым подразумевают мальчика-заучку хрупкого телосложения в очках, а понятие «настоящий мужчина» не вписывается в этот образ.

В. Е. Каган пишет о том, что большинство мальчиков дезадаптивны к школьной программе в силу того, что она больше ориентирована на девочек [2, с. 93]. К тому же процент женщин-учителей значительно выше мужского. Это, в свою очередь, определяет направленность обучения, когда успеваемость девочек выше в разы и является достаточно стабильной. Девочки лучше ориентируются в тех требованиях, которые предъявляет школа, они более послушны и прилежны. Когда программа обучения базируется на данных аспектах, даже одаренные мальчики могут значительно уступать старательным девочкам.

Мальчики, улавливая суть, не всегда могут объяснить то, что поняли другому человеку. Они могут все схватить сразу, но не объяснить свое решение. Девочки же, не понимая смысл, могут прекрасно рассказывать о

необходимом предмете, написать и выучить материал. Поэтому на контрольных такие девочки получают хорошие оценки, выучив, но не прочувствовав предмет. Мальчики, хотя и разбираются в предмете лучше, получают оценки гораздо ниже, в том числе и из-за неправильного оформления.

Таким образом, мальчики и девочки как субъекты образовательного процесса в школе отличаются друг от друга. Гендерные стереотипы могут осложнять положение как мальчиков, так и девочек. Следовательно, при разработке учебных программ, пособий, а также форм проведения занятий и отчетности учащихся необходимо опираться на достижения гендерной педагогики.

Список литературы

1. Барчунова, Т. И. Сексизм в букваре / Т. И. Барчунова. – Новосибирск: ЭКО, 2005.
 2. Каган, Е. В. Психогенные формы школьной дезадаптации / Е. В. Каган // Вопросы психологии. – 1994. – № 4. – С. 89-95.
 3. Ерофеева, Н. Ю. Основные категории гендерной педагогики. Россия / Н. Ю. Ерофеева // Вестник Удмуртского университета. – 2009. – Вып. 18.
- Мишель, А. Долой стереотипы! Преодолеть сексизм в школьных учебниках / А. Мишель. – Париж: ЮНЕСКО, 1991.

Захарыч В. І., студэнт ІV курса

ЭПІДЭМІЯ ЧУМЫ НА ПРЫКЛАДЗЕ ГОРАДА СЛОНІМА ў 1630 Г.

Навуковы кіраўнік:

У. А. Падалінскі,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Анатацыя. Артыкул прысвечаны даследаванню праблемы эпідэміі ў межах Рэчы Паспалітай, у тым ліку на прыкладзе аднаго горада на падставе тагачасных дакументаў. У навуковы зварот уведзяцца новыя звесткі аб розных баках жыцця насельніцтва ВКЛ і Рэчы Паспалітай ва ўмовах пашырэння інфекцыйных хвароб. Аўтар прыводзіць звесткі аб галоўным кампаненце эпідэміялагічнага перыяду – барацьбе з распаўсюджаннем хваробы і мерах, накіраваных на хутчэйшае аздараўленне асяроддзя. Праз асобны выпадак аналізуюцца наступствы хваробы для г. Слоніма ў 1630 г., сярод якіх дэмаграфічныя і эканамічныя страты. Робіцца вывад аб перыядычнасці эпідэміі,

выпрацаванасці схем пазбаўлення ад хваробаў, прыстасавання насельніцтва да жыцця ў неспрыяльныя гады.

Ключавыя словы: эпідэмія, Рэч Паспалітая, Слонім, мяшчане, ахова здароўя, нормы паводзінаў.

Эпідэміі не былі нечым незвычайным для жыхароў Рэчы Паспалітай перыяду Сярэднявечча і ранняга Новага часу. Па падліках Валянціна Грыцкевіча, эпідэміялагічныя гады адзначаліся і ў XI–XV стст. (не менш 29 разоў), і ў XVI–XVIII стст. (не менш 80 разоў) [2, с. 35].

У дакументах, апісваючых гэтую з’яву, сустракаюцца такія паняцці, як “мор”, “маравое паветра”. Аднак вызначыць, якая менавіта хвароба прыводзіла да эпідэміі ў розныя гады, складана. Часцей гэта была чума, але цалкам верагодна, што ў некаторых выпадках эпідэмію мог выклікаць і грып.

У асноўным, метады барацьбы з хваробамі былі накіраваныя на наступнае:

1. Спыненне развіцця хваробы. Улады імкнуліся атрымліваць інфармацыю аб заражаных мясцінах, каб ведаць, жыхароў з якіх населеных пунктаў не варта пускаць у “здоровыя” гарады. Дзеля гэтага прадстаўнікі ўлады збіралі звесткі аб месцах распаўсюджвання хваробы [4, р. 298].

2. Ізаляцыя хворых і абмежаванне кантактаў. Так, у 1624 г. у Варшаве пад час чумы ўлады адвялі некалькі адасобленых дамоў пад каранцін [7].

3. Прафілактыка. Доктар медыцыны Пётр Умястоўскі ў сваёй працы “Навука аб маравым паветры” рэкамендаваў абмежаванне руху людзей, а таксама ўвядзенне каранціну для толькі прыбыўшых у горад людзей з заражаных мясцінаў [9]. У Варшаве працавалі асобы, якія былі адказныя за выгнанне з горада беднаты, якая лічылася разносчыкам хваробы [7]. Падобнае стаўленне было і да яўрэяў. Ёсць цікавы прыклад, калі ў 1604 г. яны сыйшлі з “хворага” Слоніма на ўскраінія вёскі, на шляху скупаючы скот, у выніку чаго заразілі многіх вясцоўцаў [3, с. 26].

4. Нагляд за хворымі і лячэнне, які часткова выконвалі ордэнскія шпіталі, хоць на той момант гэта не было іх функцыяй.

5. Дэзінфекцыя. Лічылася, што хваробу можна выгнаць выкурваннем, моцным парам, праветрываннем, апрацоўкай шчолаччу ці агнём. Выкурванне адбывалася на аснове зёлак, апрацоўцы падлягалі як памяшканні ў доме, так і асабістыя рэчы [2, с. 42]. Існавалі інструкцыі, напрыклад за 1630 г., што пасцельныя рэчы хворых неабходна выветрываць ці апрацоўваць шчолаччу. Сустракаліся і радыкальныя сродкі барацьбы.

Напрыклад, у пачатку XVII ст. у Вільні дамы хворых спальваліся з іх рэчамі [2, с. 41].

6. Ачышчэнне. Пахаванне памерлых звычайна павінна было праходзіць на працягу некалькіх гадзінаў пасля смерці, каб не распаўсюдзілася зараза і на памінкі не сабраўся люд. Трупы закопвалі за горадам у полі, каб не раскапалі злодзеі ці родзічы для пахавання цела на царкоўных могілках. Таму запатрабаваныя былі магільшчыкі [7].

Эпідэміі безумоўна мелі ўплыў на эканоміку (сельскагаспадарчыя і рамесныя работы праводзіліся не ў поўным памеры, і скарб атрымліваў менш падаткаў), палітыку (перарывалася работа магістратаў, соймаў і соймаў, судоў, пераносіліся прыезды паслоў іншых дзяржаў), сацыяльную сферу (людзі не маглі рабіць свае паўсядзённыя справы ў поўным памеры) [2, с. 39; 4, р. 298].

Цікавым з’яўляецца сацыяльны аспект вывучэння праблемы, які можа адлюстраваць узаемаадносіны між людзьмі і іх спосабам выжывання ў неспрыяльных умовах. Акрамя станоўчых крокаў, скіраваных на падаўленне эпідэміі і хуткае вяртанне да нармальнага жыцця, сустракаліся прыклады дэвіянтных паводзінаў. Часцей за ўсё, гэта былі асобныя людзі ці групы асобаў, якія займаліся грабежніцтвам.

Улады вялі рэестры стратаў, і адным з такіх прыкладаў з’яўляюцца дакументы па гораду Слоніму за 1630 г. з аддзелу рукапісаў бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта. Дакумент складаецца з трох частак: “Рэестр спісанна апусцеўшых дамоў...”, “Рэестр памерлых...”, і “Скаргі і розныя павесткі”. Сабраныя дадзеныя былі накіраваныя слонімскаму старосце Яну Станіславу Сапегу, сыну Льва Сапегі. Ян Станіслаў як раз у 1630 г. вярнуўся з замежжа ў свае ўладанні [6, с. 377], і па ўсёй бачнасці, спісы складаліся ў тым ліку для таго, каб даць уяўленне старосце пра стан горада. Прыкладна з 1627 па 1632 гг. лакальныя эпідэміялагічныя ачагі ўзнікалі на розных абшарах Кароны і Княства. І эпідэмія ў Слоніме ўпісваецца ў гэты кантэкст. Хутчэй за ўсё, гэта была хваля эпідэміі, якая прыйшла з Нямеччыны і Аўстрыі [8, с. 84]. Нягледзячы на эпідэмію 1630 г., у 1631 г. у Слоніме адбыўся Галоўны соймак ВКЛ. Таму мяркуем, што да гэтага часу ў горадзе хвароба ўжо суцішылася.

Дакумент паказвае, якія аспекты эпідэміі былі найбольш важнымі для дзяржаўнай адміністрацыі. І, безумоўна, рашаючым быў матэрыяльны аспект.

Рэестры дапаўняюць адзін аднаго. Калі першы спіс апісваў апусцелыя дамы, то другі ўжо рабіў акцэнт на загінуўшых жыхарах і іх родзічах –

магчымых спадкаемцах маёмасці. Звярталася ўвага на тое, каму застаўся дом пасля смерці ўладальніка. Калі ўзнікала пытанне, ці мае права чалавек валодаць домам, то пытанне пакідалася на разгляд старосты. Напрыклад, у час эпідэміі памерла ўся сям'я Дзіковічаў, і маці жонкі забрала сабе хату. У гэтым выпадку складальнікі рээстра адзначылі, што ёй патрэбна прадставіць старосце свае правы на валоданне маёмасцю [5, арк. 5]. Пытанне ўзнікала і да Яна Крывопіса, краўца, які пасля смерці бацькоў і цёткі забіраў сабе маёмасць родных [5, арк. 1 адв., 3].

Важнай часткай рээстраў быў вопіс маёмасці. На яго падставе можна прасачыць сацыяльна-маёмаснае расслаенне гараджан, а таксама зразумець, што хвароба закранала не толькі бедны пласт насельніцтва. Перапісчыкаў цікавілі такія рэчы, як памер зямлі, колькасць быдла, аб'ём збожжа, апісанне адзення і сукна, пералік рознага кшталту посуду і прыладаў працы, а таксама грашовы капітал гаспадара. Цалкам верагодна, што ў дакументах так падрабязна апісвалася маёмасць, бо суседзі рабавалі гаспадаркі памерлых сем'яў. Аб чым, дарэчы, сведчаць запісы ў рээстрах. Напрыклад, жыхар горада Галас у памерлага Несцера Бубешкі скраў 14 гарнцаў (каля 42 л) збожжа, з'еў 4 авечкі, местачковец Шаер забраў бочку аўса, а Кісяленя ўвогуле засеяў яго зямлю жытам [5, арк. 5 адв.–6].

Дамашнюю жывёлу памерлых гаспадароў вывозілі ў вёску Грыбава, што ў пяці кіламетрах ад горада. Аднак да пункта прызначэння яна даходзіла не ўся. Зафіксаваны выпадак, калі на вуліцы Замкавай пасля смерці гаспадара Ігната Клімовіча засталіся два валы. Адзін з якіх трапіў да астатняй скаціны за горад, а лёс другога аказаўся больш трагічным: яго з'елі замкавыя ахоўнікі [5, арк. 2].

Яшчэ адзін прыклад паказвае, што на чужым горы можна было зарабіць. Пасля смерці Паўла Муляра дзяўчына Марушка, па ўсёй бачнасці, ягоная работніца, узяла ключы ў хату і ноччу скрала пярсцёнкі і посуд. Яе муж падрабіў тастамент, забраў частку рэчаў з сундукоў нябожчыка, завалодаў ягонымі грашыма, на якія пад час эпідэміі жыў у карчме [5, арк. 3 адв., 7]. Акрамя раскрадання маёмасці, дамы памерлых таксама руйнаваліся і ішлі на дровы [5, арк. 5–11].

На жаль, немагчыма сказаць дакладна, наколькі моцна горад пацярпеў ад эпідэміі ў дэмаграфічным плане. Скласці статыстыку даволі складана, паколькі не захаваліся дакументы, якія б сведчылі пра колькасць людзей да эпідэміі.

Па падліках атрымліваецца, што загінула як мінімум 88 дарослых асоб і мінімум 6 дзяцей. Сустрэкаліся выпадкі, калі хвароба забірала жыцці цэлай

сям'і. Тады ў рэестры пісалася, што памерлі муж з жонкай і іх дзеці, а колькасць памерлых не ўказвалася. Былі запісы аб тым, што “чалавек памёр з усім”. Гэта пакідае пытанне, што ўкладвалася ў значэнне слова “ўсё” (магчыма, мелася на ўвазе ягонае сям'я). Таксама як мінімум 10 чалавек памерла, не пакінуўшы пасля сябе нашчадкаў. Каля 50 дамоў засталіся пустымі без спадкаемцаў.

Відавочна, што выратаванне мясцовыя жыхары бачылі ў рэлігіі. Так, у 1630 ці ў 1631 г. у Слоніме, у спадзяванні на пазбаўленне ад хваробы, правялі ўрачыстую працэсію з абразом Святога Бенно і машчамі Святога Казіміра [8, s. 85]. Гэта была распаўсюджаная практыка. Вядома, што людзі часта маліліся пад час эпідэміі заступніку Польскага Каралеўства і Вялікага Княства Літоўскага Св. Казіміру, бо ён славіўся цудатворнымі вылекаваннямі [4, p. 296]. Таксама ў 1630 г. у Слонім была запрошана місія бернардынцаў [1, с. 103; 2, s. 31], а ў хуткім часе – адкрыўся іх шпіталь. Ёсць інфармацыя аб адкрыцці ў 1630 г. аптэкі ў горадзе.

З дакумента нельга дакладна даведацца, якім чынам улады дапамагалі мяшчанам пераадолець наступствы эпідэміі. Аднак можна выявіць некалькі момантаў. Так, ставілася пытанне аб наданні дзецям-сіротам, якія страцілі бацькоў ад хваробы, апекуноў. Таксама мясцовая адміністрацыя дапамагала праводзіць раследванне злачынстваў.

Такім чынам, эпідэміялагічныя гады не былі рэдкасцю для тагачаснага насельніцтва Рэчы Паспалітай. За многія гады былі выпрацаваны метады барацьбы з хваробай, улічваліся рэкамендацыі лекараў і вопыт уласных назіранняў за хворымі. Эпідэмія 1630 г. у Слоніме выразна ўпісваецца ў агульнагістарычны кантэкст. Дакументы, якія датычаць гэтай падзеі, дазваляюць вызначыць наступствы хваробы для горада і прааналізаваць сацыяльныя механізмы выжывання людзей у надзвычайных абставінах.

Спіс літаратуры

1. Габрусь, Т.В. Мураваныя харалы: Сакральная архітэктура беларускага барока / Т.В. Габрусь. – Мінск: Ураджай, 2001. – 287 с.
2. Грицкевич, В.П. С факелом Гипократа: Из истории белорусской медицины / В.П. Грицкевич. – Минск: Наука и техника, 1987. – 271 с.
3. Aleksandrowicz, B. Z przeszłości Słonima i ziemi słonimskiej / B. Aleksandrowicz. – Słonim: Druk. chrześcijańska w Słonimie, 1935. – 38 s.
4. Baronas, D. Ligos ir epidemijos / D. Baronas // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos kultūra: tyrinėjimai ir vaizdai / sudarė V. Ališauskas, L. Jovaiša, M. Paknys, R. Petrauskas, E. Raila. – Vilnius: Aidai, 2001. – P. 293–302.

5. Epidemijos nuostolių sąrašai // Vilniaus universiteto biblioteka. – F59-3.
6. Gryko-Andrejuk, B. Choroba psychiczna? Relacje Jana Stanisława Sapięhy z rodziną i otoczeniem / B. Gryko-Andrejuk // *Honestas et turpitude. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku*; Red. Ewa Dubas-Urwanowicz, Marta Kupczewska, Karol Łopatecki, Jerzy Urwanowicz. – Białystok: Polskie Towarzystwo Historyczne, 2019. – S. 371 – 382.
7. Fijałkowski, P. „Największe od Żydów powietrza zarazy bywają”. Epidemie a stosunek warszawskiego mieszczaństwa do Żydów w XVII–XVIII wieku / P. Fijałkowski // [Электронны рэсурс]. – 21.04.2020. – Рэжым доступу: <https://www.jhi.pl/artykuly/najwieksze-od-zydow-powietrza-zarazy-bywaja-epidemie-a-stosunek-warszawskiego-mieszczanstwa-do-zydow-w-xvii-xviii-wieku,604>. – Дата доступу: 05. 05. 2021.
8. Liedke, M. Materiały do historii morowego powietrza w Słonimiu w latach 1630 i 1631 / M. Liedke // *Przeszłość Demograficzna Polski / Polska Akademia Nauk*; Red. M. Górny. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2012. – T. 31. – S. 83–94.
9. Umiastowski, P. Nauka O Morowym Powietrzu Na Czwoy Xięgi Rozlozona / P. Umiastowski. – Kraków: Drukarnia Andrzeia Piotrkowczyka, 1591.

Мальцев М. А., студент IV курса

СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ В ВЫСШИХ ПАРТИЙНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СССР (1956 – 1982 ГГ.)

Научный руководитель:

О. И. Ершова,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается система подготовки руководящих кадров в СССР в периоды «оттепели» и «застоя». Показаны особенности учебно-воспитательной работы в высших партийных школах. Рассматривается деятельность кафедр данных вузов, научный и учебный функционал преподавателей.

Ключевые слова: высшие партийные учебные заведения, КПСС, подготовка руководителей, государственное управление, партийная работа.

На протяжении всей истории СССР вопросы кадровой политики играли ведущую роль в формировании системы управления государством и обеспечении функционирования государственного аппарата. В послевоенные годы все большее значение приобретало научное руководство всеми сторонами жизни общества, возрастала роль

руководящих кадров в осуществлении программных целей КПСС. Большое значение в подготовке партийных руководящих кадров принадлежало партийным учебным заведениям, к началу 1980-х гг. представлявшим собой широкую сеть партийных институтов, школ и курсов, разных по своему профилю. Функционирование системы партийных учебных заведений рассматривалось преимущественно в контексте истории КПСС и вопросов партийного строительства [1-3].

Система высших партийных учебных заведений действовала на основе принципов интернационализма, но учитывались и национальные особенности при подготовке специалистов для каждого региона. Важную роль в работе высших партийных школ играла деятельность партийных комитетов и организаций. Идеино-воспитательная и организаторская работа партийных организаций среди слушателей выступала частью профессиональной подготовки кадров и способствовала укреплению идейного и организационного единства слушателей, а также была направлена на улучшение качества образовательного процесса.

В 1956 – 1982 гг. в высших партийных школах укрепляется кафедра диалектического и исторического материализма осуществлялось преподавание философии и естествознания. В некоторых учебных заведениях отдельно выделялись кафедры политической экономии. На кафедрах советской экономики проводились практические занятия по статистике, математике и экономике промышленности. При них обычно работали и кабинеты экономики [4, л. 23]. На работе кафедр экономического профиля сказывалось то обстоятельство, что они обеспечивали преподавание большого количества дисциплин, проведение сельскохозяйственной практики [4, л. 26]. В советских высших партийных учебных заведениях особое внимание уделялось подготовке руководителей для аграрной сферы. При кафедрах сельскохозяйственного профиля оборудовались агрохимические лаборатории, в них проходили занятия [5, л. 28].

Со второй половины 1960-х гг. начинает действовать практика договоров между высшими партийными учебными заведениями и различными организациями с чётким перечнем взаимных обязательств. Проводилась постоянная целевая практика слушателей на крупных предприятиях СССР, например, на ведущих машиностроительных предприятиях – ЗИЛ, ВАЗ, ЛОМО.

Преподаватели высших партийных заведений вели активную научную работу: готовили к защите диссертации, писали рецензии, монографии, статьи и пр., проводили научные конференции и семинары. Кроме этого, на кафедрах издавались учебные и учебно-методические пособия по читаемым дисциплинам.

Таким образом, с 1956 по 1982 г. в СССР была сформирована стабильно функционировавшая система высших партийных учебных заведений, где велась подготовка партийных руководителей для работы в политической, хозяйственной и иных сферах жизни страны. Высшие партийные учебные заведения СССР являлись важным социальным институтом, неразрывно связанным с деятельностью КПСС. Изучение опыта подготовки партийных кадров в высших учебных партийных заведениях Советского Союза важно и с точки зрения истории советского государственного управления, и с позиций истории последипломного образования.

Список литературы

1. Барткевич, Л.Л. Подготовка партийных кадров / Л.Л. Барткевич. – Рига: Авотс, 1980. – 147 с.
2. Леонова, Л.С. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях, 1917 – 1975 / Л.С. Леонова. – Москва: МГУ, 1979. – 205 с.
3. Яцков, В.А. Кадровая политика КПСС: опыт и проблемы / В.А. Яцков. – Москва: Мысль, 1986. – 317 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 580. – Оп. 1. – Д. 10.
Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 580. – Оп. 1. – Д. 31.

Платонов К. А., студент IV курса

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В БЕЛОРУССКОМ ГОРОДЕ (1941-1944 ГГ.)

Научный руководитель:

А. Г. Кохановский,

доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Оккупационный режим в Беларуси в последние годы стал объектом научного внимания. При этом экономическая политика нацистов, состояние белорусской промышленности, а также методы ограбления, применявшиеся фашистами, в нашей

науке исследованы недостаточно. Это и обусловило актуальность выбранной проблематики.

Ключевые слова: немецкая оккупация, ремесленное производство, промышленное производство, торговля, хозяйственная инспекция «Центр».

Промышленный потенциал на оккупированной территории Беларуси становится объектом постоянного внимания со стороны военной и гражданской администрации лишь после «блицкрига» осенью 1941 г., и особенно после поворота под Москвой, когда был окончательно разрушен план захвата СССР.

В соответствии с «принципами экономической политики для новозанятых восточных территорий», введенными 8 ноября 1941 г., «высшим законом военной экономики» становится максимальное использование как производственного потенциала, так и людских ресурсов с занятых советских территорий. Вместе с тем оккупационные власти начали проведение политики по налаживанию работы промышленности Беларуси [1, с. 128].

Политика немецких оккупационных властей в этой области сводилась к восстановлению главным образом не крупной, а мелкой и ремесленной промышленности. Промышленные предприятия, оставшиеся на оккупированной территории Беларуси, фашисты объявили собственностью германского государства и лучшее оборудование многих из них вывезли в Германию. Часть предприятий они приспособили к ремонту военной техники, производству снаряжения, продовольствия, одежды и обуви для армии. Оккупанты начали выпуск таких простейших изделий, как ложки, ведра, и скобяные товары. Обувная фабрика и кожевенный завод в Минске стали мелкими мастерскими по производству деревянной обуви. Восемь других предприятий легкой промышленности, пущенных к середине сентября 1941 г., также переключились на производство кустарных изделий. Трикотажная фабрика «Красный текстильщик», швейные «Октябрь», им. Крупской и другие крупные предприятия Минска не работали. Предприятия пищевой промышленности в период оккупации работали преимущественно для гитлеровской армии.

Примерно такое же положение было и в других округах. Так, в Борисове бездействовали бумажная фабрика «Профинтерн», фанерные заводы, макаронная фабрика, леспромхоз, химлесхоз, и другие крупные предприятия.

Еще меньше довоенных предприятий работало при оккупантах в области армейского тыла. В г. Могилеве крупные предприятия не восстанавливались. В 1942 – 1943 гг. в большинстве районов Могилевской области промышленность бездействовала, за исключением нескольких мелких предприятий (стекольного завода в Елизове, бондарно-корзиночной артели в Свисло-чи, мастерской ободьев и колес в Осиповичах, мелких деревообделочного, кирпичного и хлебного заводов в Пропойске, небольшой мельницы в Шклове).

В Витебске, насчитывавшем в 1940 г. более 170 тыс. жителей, 44 предприятия с 20,3 тыс. рабочих, при оккупантах (в декабре 1941 г.) проживало только 54,5 тыс. человек и работали лишь лесопилка, паровая мельница и при ней небольшая электростанция.

В Гомеле осенью 1942 г. функционировало несколько мелких предприятий, но бездействовали десятки крупных довоенных фабрик и заводов. Если в 1940 г. население Гомеля составляло 144,6 тыс. человек, то к концу гитлеровской оккупации – лишь 54,2 тыс. человек.

В 1943 г. в связи с усилением боевых действий партизан немецкая промышленность в Беларуси оказалась в еще более тяжелом положении. Закрываются многие ранее работавшие предприятия. Так, в первой половине 1943 г. в Минске, например, прекратили работу 17 предприятий, в Минском сельском округе – 96 [7, с. 293-294].

В Витебске весной и летом 1943 г. работало лишь 370 ремесленников, но им не хватало сырья, особенно кожи. На Могилевщине к лету 1943 г. осталось 13 кустарных предприятий в Климовичском и Чаусском районах, а в Могилеве – пивзавод, трикотажная, кожевенная, шорная и винокуренная мастерские и около 300 ремесленников. В Бобруйске мебельную фабрику оккупанты продолжали использовать для производства саней, телег для армии, на швейной фабрике работал только цех индивидуальных заказов.

В городе Гродно оккупационными властями были приняты определенные меры по налаживанию производства и торговли. В нем работала мебельная, обувная, табачная, швейная, кожевенная, кофейная фабрики, деревообрабатывающие, винодельческие и пивоваренные заводы, столярные, сапожные мастерские, мельницы, в гетто – ремесленные предприятия и мастерские. По состоянию на 9.10.1943 г. в Гродно проживало 38 тыс. человек, из которых 16 тыс. были заняты в промышленности и ремесле. Жители города могли с разрешения оккупационных властей открывать частные магазины, рестораны, кафе. В первую очередь такое право получали собственники, имущество которых

было конфисковано в 1939 г. советской властью и которые засвидетельствовали свое уважение к немецким законам. Также в городе действовало несколько торговых фирм, наиболее крупные из которых – «Варенгосгондлюнг», «Руппель», Цимермана и Маркса. Так, Ганцу Цимерману была поручена организация торговли железноскобяными изделиями, строительными материалами, стеклом, фарфором, домашними вещами, велосипедами и даже оружием. Фирмы получали огромную прибыль, продавая ввозимые промышленные товары по завышенным ценам. Что касается цен на товары и продукцию местных ремесленников и торговцев, то они регулировались распоряжениями бурмистра и не могли быть самовольно завышенными. В случае выявления нарушения с виновного взымали штраф. В городе было введено нормированное распределение продовольственных и промышленных товаров, но так как их количества было недостаточно – горожане вынуждены были покупать недостающие на рынках по очень высоким ценам [3, с. 74-75].

География промышленного производства, введенного в строй к лету 1942 г. на всей территории хозяйственной инспекции «Центр» (включая РСФСР), показывает, что количество и концентрация промышленных предприятий возрастали по направлению с востока на запад и с севера на юг. Так, в области ведущей хозяйственной команды «Витебск» находилось около 1/6 всех предприятий с количеством занятых на них 5100 человек (около 11,4%). На территории команды «Орша» работало 159 предприятий (30%) с 16 200 рабочими (36,5%). Наибольшее число предприятий находилось на территории хозяйственной команды «Бобруйск» – 173 (32,3%), на которых работало 18 800 человек (42,3%). Всего на территории этих команд было занято 40 100 человек, или 90,5% от общего количества, из которого 1/3 составляли женщины. Характерно, что к концу августа 1942 г. на территории этих ведущих команд находилось свыше 4/5 всех предприятий и более 9/10 всех работающих от общего количества занятых в промышленном производстве хозяйственной инспекции «Центр».

К концу 1942 г. на территории Беларуси сложилась отраслевая специфика промышленного производства. Ведущей отраслью являлись торфозаготовки: если в 1942 г. число занятых на 72 предприятиях составляло более 1/3 (36,3%), то менее чем через год – более половины (52,1%) от общего количества работающих во всех сферах производства на территории инспекции «Центр». За торфодобычей следовало текстильное производство: здесь при общем росте количества предприятий со 106 до 126 количество занятых составило 9526 человек. Третью позицию в этой

структуре заняло производство стройматериалов, число предприятий в котором увеличилось в 2,1 раза (с 67 до 143), а количество работающих – в 1,8 раза (с 28424 до 5126 человека) и т.д. [7, с. 128-130]

Основная часть фабрик и заводов Беларуси уже в начале оккупации оказалась в руках немецких монополий. Бумажными, льнопрядильными и вере-вочными предприятиями распоряжалась немецкая фирма «Фразер-Остланд». Она же ведала мастерскими по ремонту танков. Текстильные предприятия Беларуси были подчинены немецким фирмам «Восток-волокно» и «Фатергальтер и К». Бобруйской картонажной фабрикой управляла фирма «Митте». Более мелкие предприятия попали в руки немецких частных лиц. Некоторые предприятия таких менее важных для немцев отраслей, как кирпичная, гончарная, известковая, мыловаренная, а также некоторые мельницы немцы передали в распоряжение районных управ и полиции.

На оккупированной территории Беларуси общее число предприятий на конец 1942 г. превышало 800, на которых было занято более 150 тыс. человек. Однако в историографии вопрос о количестве предприятий пока остается открытым. Очевидно, что в различные периоды оккупации это число менялось.

Самое большое число действующих предприятий находилось в Минске. Уже в начале октября 1941 г. команда по вооружениям «Минск» сообщала, что в городе вновь действует 51 предприятие. Через год – более 130 с 55 тыс. человек местного населения, 10 тыс. евреев минского гетто и 2 тыс. советских военнопленных. В Минске концерн Daimler-Benz пытался построить крупнейшее предприятие на оккупированных территориях – ремонтный завод «Gross K-Werk», который должен был ремонтировать 100 танков в месяц, автомобили и другую технику. Летом 1942 г. завод приступил к работе. Но это был чуть ли не единственный такой успех оккупационных властей и экономических штабов. На конец марта 1943 г. в оккупированном городе было 140 промышленных объектов, где «работало 35 тыс. человек, к тому же еще 8500 евреев и 3 190 военнопленных» (при общей численности населения города 105 тыс.). Однако городу не хватало почти 6 тыс. специалистов и от 2 до 4 тыс. разнорабочих. При этом большая часть предприятий являлись ценовыми. Численность занятых на них колебалась от 20 и до 5 тыс. человек [7, с. 129].

Недостаток в квалифицированных специалистах был особо острой проблемой, сдерживающей выполнение предприятиями производственных заданий. С конца лета 1942 г. в окружных комиссариатах с целью

ликвидации дефицита в специалистах была начата работа по организации профессиональной подготовки молодежи. Однако эти меры не спасли ситуацию. Как отмечал начальник отдела рабочей политики и социального управления Г. Фройденберг на совещании в Минске в апреле 1943 г., в округе имелся огромный недостаток в квалифицированных специалистах.

В последний год оккупации в Беларуси сложилось катастрофическое положение в области использования местной рабочей силы. Доля работающих по отношению к общему числу населения на оккупированной территории Беларуси была низкой: в Борисове – 33%, в Орше – 45%, в Сураже – 38% и Городке – 47,5 %.

Набор рабочих на предприятия нередко был принудительным, через обязательную регистрацию на бирже труда. Продолжительность рабочего дня достигала 10-12 ч., однако администрация могла увеличивать его, отправляя рабочих за саботаж в концлагеря. Заработная плата составляла мизерную сумму: квалифицированный рабочий в Минске получал 60 марок в месяц, чернорабочий – 1 марку в день. Рыночная цена на хлеб доходила до 6 марок, скромный обед в чайной стоил 3-5 марок, пара туфель – около 35 марок.

Однако в условиях германской оккупации число тех, кто мог привлекаться и привлекался к разным принудительным работам, было более значительным. Особенно это касалось восточной части Беларуси, которая в течение 1943 г. превратилась в зону армейского оперативного тыла. Массовым явлением этого времени становится тотальное использование местной рабочей силы. Так, если в Гомеле в апреле 1942 г. к выполнению хозяйственных работ был привлечен каждый пятый житель оккупированного города, то через полгода – каждый третий. Катастрофическим становится положение городского населения в восточной части Беларуси после того, как 6 февраля 1943 г. начальник штаба сухопутных войск вермахта издал распоряжение о введении обязательной трудовой повинности для всех местных жителей в возрасте от 14 до 65 лет. Эта ситуация еще более обострилась на рубеже 1943/44 гг., когда армейское командование потребовало тотального «использования рабочей силы без учета возраста и половых различий» для проведения работ в прифронтовой полосе.

Оккупационными властями была разрешена деятельность ремесленников, различного рода кустарных мастерских, дозволялось приобретение соответствующих патентов. Все подобные предприятия облагались налогами, были обязаны заявлять о доходах. Производственная

жизнь ремесленников строго регламентировалась и контролировалась. На территории тыла группы армий «Центр» ремесленное производство и частная торговля регулировалась изданным 18.02.1942 г. «Временным ремесленным порядком». В Витебске, например, по немецким данным, на начало весны 1943 г. насчитывалось свыше 360 мелких мастерских, 371 ремесленник, 26 ремесленных рабочих, 31 ученик. Все они были учтены в горуправе, за выдачу патента платили пошлину в размере 100 руб. в год, принуждались к обязательным поставкам продукции, а также для них был выработан преysкурant цен. В г. Орше за период с 1.01.1943 г. по 1.07.1943 г. ремесленные карточки и патенты получили свыше 200 чел., из них не менее 60 чел. работали в сфере общественного питания и торговли, были представлены парикмахеры, мастер-жестящик, точильщик, часовщик, гробовщик, мастер по изготовлению детских игрушек и др. В мае 1944 г. в Орше были зарегистрированы 12 кофеен-закусочных, 6 парикмахеров, слесарь, 5 мастеров по ремонту резиновой обуви, 10 торговцев печеным хлебом, 22 мелкорозничных торговца, художник, жестящик, чесальщик шерсти, 8 сапожников, фотограф, точильщик, мельник газогенераторной мельницы, портной, гончар, изготовитель и продавец мороженого. Принимались меры по стимулированию развития ремесла. Так, отделом местной промышленности Лепельской городской управы весной 1943 г. была организована выставка кустарных изделий; лучшим ремесленникам выдавались почетные дипломы. В ряде местностей оккупационные власти попытались принудительно ввести для ремесленников цеховую систему, пересылая туда для налаживания организационной работы и руководства немецких ремесленников. Уже с 1941 г. предпринимались определенные шаги по подготовке мастеров, проводились наборы молодёжи в ремесленные школы [2, с. 334-337].

С приближением советских войск уже в 1943 г. гитлеровцы приняли меры по вывозу в Германию ряда прифронтовых промышленных предприятий. Так, в сентябре 1943 г. эвакуации подлежали промышленные предприятия восточнее линии Витебск-Орша-Могилев, причем требовалось эвакуировать только безусловно годные машины, инструменты и электросиловые установки. Оборудование и здания других предприятий, не подлежащих эвакуации, приказано было взрывать и поджигать.

В 1944 г. в связи с наступлением советских войск, отсутствием сырья и недостатком рабочей силы производство продолжало сокращаться. Прекратили работу многие из работавших в 1943 г. предприятий Минска и других округов и районов.

Немцы не смогли организовать в оккупированных районах СССР крупное промышленное производство, что имело стратегические последствия. Расчет на то, что получится воспользоваться плодами советской индустриализации, не оправдался. Немецкие войска снабжались вооружением, техникой и боеприпасами из Германии, и это делало их уязвимыми перед ударами по транспортным артериям. Для партизан нападения на железные дороги, организация крушений поездов и подрывы рельс стали главными видами боевой деятельности. Масштабные разрушения по всей транспортной системе оккупированных районов надрывали немецкий тыл и сильно ослабляли немецкие войска на фронте.

Оккупационная администрация не исключала возможность введения экономических методов ведения хозяйствования, в частности на основе создания банковской сети. Так, до лета 1942 г. для финансового обеспечения хозяйственной деятельности на территории инспекции «Центр» и генерального округа Беларусь была создана сеть из 72 банковских отделений и кредитных касс, а также 25 сентября 1942 г. в Минске открылся филиал объединенного банка «Остланд». В 1943 г. их количество увеличилось до 100. Банками и их отделениями на оккупированной территории Беларуси проводилось кредитование важнейших отраслей экономики, прежде всего сельско-го хозяйства, строительства, деревообработки, а также отдельных промышлен-ленных и торговых предприятий [1, с. 122].

Ограблению оккупированных территорий способствовала и денежно-кредитная политика гитлеровцев. Фашисты широко использовали выпуск необеспеченных денег. С этой целью они установили систему параллельного обращения двух валют – советской и оккупационной. Однако официальный курс марки был крайне завышен: 10 р. за 1 марку, что почти в 5 раз превышало довоенный курс.

Тотальному грабежу содействовала и налоговая политика оккупантов. Существовали две формы налогов – государственные и местные. Частные и государственные предприятия платили налог с оборота, прибыли, подоходный. Население облагалось подушным, административным налогами, страховыми сборами, налогом на оплату старостам улиц. Вводились налоги на окна, трубы, котлов и собак.

Следствием нацистской оккупации Беларуси стал рост коммунальных платежей для гражданского населения, введение ограничений на пользование электроэнергией. Частично восстановленное коммунальное хозяйство обслуживало в первую очередь интересы оккупационной администрации, промышленности и немецких воинских частей. В тоже

время, некоторыми коммунальными услугами могло воспользоваться и гражданское население. Оккупационная администрация разработала тарифы, которые варьировались в различных территориально-административных единицах. Например, в декабре 1941 г. в Пинске за квартиры в коммунальных домах взимались следующие ставки квартирной платы: за квартиру без удобств до 55 м² жилой площади – 1 руб. за м²; свыше 55 м² – 1,5 руб.; за квартиру с удобствами до 55 м² – 1,5 руб.; свыше 55 м² – 2 руб. Однако, например, в домах Оршанского городского повета ставки квартирной платы были дифференцированы в зависимости от оклада рабочих и служащих. На протяжении всего периода оккупации происходил рост квартплаты [2, с. 226].

Осенью 1941 г. в некоторых городах была возобновлена подача воды предприятиям и гражданам. В Могилеве ежемесячная плата за воду по тарифам Водоканала составляла: в домах канализированных с горячим отоплением – 4,2 руб., в домах канализированных без горячего отопления – 2, 52 руб., в домах с децентрализованной канализацией – 1,9 руб.

Часть городского населения могла пользоваться электричеством. В Пинскую электросеть до конца 1941 г. поступило до двухсот заявлений о подключении электричества. Однако на фоне материальных трудностей абсолютного большинства горожан многие из них не могли оплачивать счета. Среди неплательщиков числились также предприятия и учреждения. К концу 1941 г. задолженность предприятий и учреждений г. Пинска составляла 24238,25 [2, с. 241-250].

В условиях дефицита продуктов питания и промышленных товаров возрастала роль торговли. В различных административно территориальных единицах было издано множество нормативных актов, регулировавших порядок торговли. Так, в Могилеве первый базар состоялся 16.08.1941 г. и в дальнейшем проводился еженедельно по средам и субботам. Согласно «Базарному порядку», регламентировавшему торговлю на Быховском и Луполовском рынках г. Могилева в 1943 г., профессиональным торговцам предписывалось получить патенты на торговлю под угрозой штрафа в размере до 2000 руб. и отправки через рабочее бюро на принудительные работы. В г. Койданово с разрешения Минского гебитскомиссара с 5.07.1942 г. был открыт еженедельный рынок. Торговля осуществлялась еженедельно по четвергам с 8.00 до 15.00. К продаже разрешались птица, яйца, овощи, рыба, промышленные товары, художественные изделия. Торговля поросятами разрешалась в изолированном от остальной части рынка месте под надзором ветеринарного врача. Торговля хлебом фактически являлась

государственной монополией, и оккупационные власти стремились жестко контролировать использование этого стратегического ресурса. 25.06.1942 г. вышло рас-поряжение рейхскомиссара «Остланда», запрещавшее свободную торговлю лошадьми. С этого момента купля-продажа лошадей могла производиться только с разрешения гебитскомиссара. Распространенной практикой была обменная торговля, однако за данные действия существовала потенциальная угроза ареста [2, с. 353-354].

Таким образом, исходя из экономических интересов, а также по идеологическим мотивам оккупационные власти легализовали предпринимательскую деятельность. Не имея ни желаний, ни возможности обеспечить гражданское население необходимым минимумом продуктов и товаров, увязав размер продуктового пайка с ценностью конкретного гражданина как работника для вермахта или рейха, оккупационные власти обрекли нетрудоспособных и иждивенцев на полуголодное существование. В такой ситуации рынок становился для горожан альтернативным источником получения питания и еще одним средством выкачивания экономических ресурсов города для немцев.

Оккупационные власти жестоко контролировали порядок эксплуатации гражданским населением транспортных средств и коммуникации, что было обусловлено военными нуждами, а также мерами безопасности, принимаемыми против диверсий партизан. Принадлежавшие гражданам транспортные средства были оперативно взяты на учет и могли реквизироваться для нужд вермахта. Определенные послабления были сделаны только для сотрудников коллаборационной администрации. Транспорт являлся источником дохода местной администрации и одним из факторов, облегчавшим выживание гражданского населения.

Экономика Беларуси более остальных республик бывшего СССР пострадала в годы Великой Отечественной войны, потеряв свыше половины своего национального богатства. Это составило 75 млрд р., что было равнозначно 35 млн ее бюджетам 1940 г. Общие потери промышленности составили 6225 млн р. (в ценах 1941 г.). Экономика республики по промышленным и энергетическим мощностям была отброшена на уровень 1913 г. Оккупанты сожгли и разрушили 100 465 промышленных производственных зданий. Было уничтожено или вывезено в Германию более 10 тыс. предприятий, включая все крупные электростанции (85% их довоенного количества).

Список литературы

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 / А.А.Каваленя (руководитель авторского коллектива), А.М.Литвин, В.И.Кузьменко и др. – Мн.: БЕЛТА, – 205 с.
2. Гребень, Е. А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941-1944 гг.) / Е. А. Гребень. – Минск: Белорусский государственный аграрный технический университет, 2016. – 493 с.
3. Гродна ў гады Вялікай Айчыннай вайны (1941-1945): да 50-годдзя Вялікай Перамогі / І. П. Крэнь і інш. – Гродна: [б. в.], 1995. – 205 с.
4. Минская область в документах и материалах. Вып. 3: Оккупация, 1941-1944 гг. / Главное управление юстиции Минского областного исполнительного комитета, Государственный архив Минской области. – Белстан, 2013. – 143 с.
5. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941-1944. Мн., 1965. – 434 с.
6. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупац. политике фашист. Германии на территории СССР (1941-1944 гг.) / [Сост. Заставенко Г. Ф. и др.]. – 3-е изд. – М.: Экономика, 1985. – 325 с.
7. Экономика Советской Белоруссии, 1917-1967 / [Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т экономики. – Мн.: Наука и техника, 1967. – 571 с.

Позняк Д. С., студентка IV курса

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ ХУДОЖНИКОВ БССР, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ-МУЗЕЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Научный руководитель:

В. А. Латышева,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Автор предлагаемой статьи выделяет основные историографические направления, связанные с именами художников, рожденных на территории Беларуси, выявляет и характеризует массив источников, посвященных им и их творчеству в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства, обращается к вопросу определения места и потенциала документов личных фондов, фондов личного происхождения в современной историографии.

Ключевые слова: фонды личного происхождения, документы личных фондов, личные фонды художников, Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства.

В настоящее время в Республике Беларусь существует система государственных архивных учреждений, состоящая из 10 республиканских и 25 областных и зональных государственных архивных учреждений. В этой системе основное место занимает Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (далее – БГАМЛИ). На хранении в архиве находится 512 фондов, основную часть из них составляют личные фонды писателей, композиторов, актёров и режиссёров, певцов, художников и скульпторов.

Сегодня мировую известность Беларусь приобретает и благодаря исследованиям, связанным с именами таких художников XX века, как М. Шагал, Ю. Пэн, К. Малевич, В. Стшешиньский, М. Филипович, Р. Семашкевич и др. Значительный массив документов архива-музея посвящен, в том числе, художникам советского периода.

Отметим, что публикации, посвященные белорусским художникам этого периода, представляют собой довольно значительный массив. Однако их характер зачастую носит энциклопедическую направленность либо посвящен определенным юбилейным датам, как в жизни самих художников, так и в жизни страны. Кроме того, это различные каталоги выставок художников, которые включают в себя и ряд биографических данных о них. Следует отметить, что на протяжении всего советского времени подобные публикации осуществлялись как на русском языке, так и на белорусском языках.

Так, в первом случае, если речь идет об изданиях энциклопедического характера, примером могут служить такие публикации, как «Яўгеній Яўстафавіч Красоўскі» [16], «Анатоль Мікалаевіч Тычына» [2; 3].

В случае с юбилейными датами, чаще всего это определенные каталоги выставок, посвященные тем или иным знаковым событиям. Среди подобных публикаций можно выделить такие каталоги, как «Выстаўка твораў народнага мастака БССР прафесара Валянціна Віктаравіча Волкава: Прысвечана 75-годдзю з дня нараджэння і 55-годдзю творчай дзейнасці» [8], «Выстаўка твораў Я. Я. Красоўскага, прысвечаная 50-годдзю з дня нараджэння і 30-годдзю творчай дзейнасці» [10], «Выстаўка твораў Л. М. Лейтмана, прысвечаная 70-годдзю з дня нараджэння» [7].

Значительный массив представляет и третье направление публикаций. Типичные из них «Акім Міхайлавіч Шаўчэнка: выстаўка твораў мастака» [1], «Выстаўка твораў П.Н. Гаўрыленкі» [9], «Александра Последович: Графика» [6].

Весомый вклад для развития историографии, посвященной художникам БССР, вносят документы из их личных фондов.

Сегодня исследовательский потенциал подобных фондов, их характеристику отражают публикации следующих авторов.

Исследованием личных фондов в целом занимались архивист Валентина Манцуровская [14], начальник отдела делопроизводства и формирования НАФ Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь Людмила Цымбал [11], директор БГАМЛИ Анна Вячеславовна Запартыко [11], заведующий отделом делопроизводства и формирования НАФ Государственного архива Могилевской области Наталья Кравцова [13], преподаватель кафедры источниковедения исторического факультета БГУ Ольга Сергеевна Иванова [12] и др.

Источниковая база предлагаемых тезисов в первую очередь основывается на соответствующих материалах, отражающих содержание каталога БГАМЛИ на сайте «Архивы Беларуси», описях к выявленным фондам.

В целом массив документов, посвященных художникам БССР в фондах БГАМЛИ, представлен фондами двух видов: фонды личного происхождения и семейные фонды. Преобладают фонды личного происхождения, по художникам БССР их в БГАМЛИ насчитывается восемнадцать. Семейных фондов рассматриваемого периода насчитывается только два.

Первая группа включает в себя фонды таких художников, как Гавриленко Павел Никифорович, Звиногородский Борис Фёдорович, Тычина Анатолий Николаевич, Марикс Оскар Петрович, Тарасиков Николай Лукич, Шевченко Аким Михайлович, Блищ Михаил Андреевич, Гусев Николай Иванович, Ахремчик Иван Осипович, Волков Валентин Викторович, Малкин Борис Евсеевич, Красовский Евгений Евстафьевич, Кашкуревич Арлен Михайлович, Лисовский Михаил Яковлевич, Герасимович Петр Николаевич, Астапович Аркадий Антонович, Астапович-Бочарова Зинаида Антоновна, Дучиц Николай Васильевич [15].

В фондах второй группы, семейных фондах, можно найти сведения о таких художниках как Последович Александра Онуфриевна и ее муж

Сахненко Виктор Иванович, Лейтман Лев Меерович и его дочь Лейтман Фрума Львовна [15].

Документы, которые включают в себя личные фонды в БГАМЛИ условно можно разделить на 6 групп. Первая группа – это творческие материалы: рукописи писателя, ноты композитора, рисунки художника, фотографии ролей и сцен спектаклей, режиссерские разработки – у артистов и режиссеров [4, с.10]. Она самая многочисленная по характеру и количеству документов.

Творческие документы художников представлены эскизами, рисунками, зарисовками, набросками, фотографиями работ, этюдами, фотографиями декораций к спектаклям, портретами, пейзажами, жанровыми картинами, гравюрами, экслибрисами, жанровыми композициями, натюрмортами, иллюстрациями, плакатами, сюжетно-тематическими работами, шаржами, карикатурами, созданными фондообразователями.

Эскизы присутствуют в фондах Павла Никифоровича Гавриленко [4, с. 87] Анатолия Николаевича Тычины [4, с. 253], Оскара Петровича Марикса [4, с. 177], Николая Лукича Тарасикова [4, с. 246], Акима Михайловича Шевченко [4, с. 272], Михаила Андреевича Блища [4, с. 58], Ивана Осиповича Ахремчика [4, с. 45-46], Валентина Викторовича Волкова [4, с. 81], Бориса Евсеевича Малкина [4, с. 171], Михаила Яковлевича Лисовского [4, с. 155], Зинаиды Антоновны Астапович-Бочаровой [15].

Рисунки присутствуют в фондах Павла Никифоровича Гавриленко [4, с. 87], Акима Михайловича Шевченко [4, с. 272], Николая Ивановича Гусева [4, с. 96], Валентина Викторовича Волкова [4, с. 81].

Зарисовки присутствуют в фондах Павла Никифоровича Гавриленко [15], Николая Лукича Тарасикова [4, с. 246], Михаила Андреевича Блища [4, с. 58].

Наброски присутствуют в фондах Павла Никифоровича Гавриленко [4, с. 87], Анатолия Николаевича Тычины [4, с. 253], Акима Михайловича Шевченко [4, с. 272], Ивана Осиповича Ахремчика [4, с. 45], Валентина Викторовича Волкова [4, с. 81], Михаила Яковлевича Лисовского [4, с. 155], Зинаиды Антоновны Астапович-Бочаровой [15].

Фотографии работ имеются в фондах Павла Никифоровича Гавриленко [15], Акима Михайловича Шевченко [4, с. 272], Николая Ивановича Гусева [4, с. 97], Ивана Осиповича Ахремчика [4, с. 46], Валентина Викторовича Волкова [4, с. 81], Евгения Евстафьевича

Красовского [15], Александры Онуфриевны Последович [5, с. 152], Виктора Ивановича Сохненко [5, с. 153], Арлена Михайловича Кашкуревича [4, с. 131].

Этюды можно найти в фондах Бориса Фёдоровича Звиногородского [4, с. 118], Анатолия Николаевича Тычины [4, с. 253], Николая Лукича Тарасикова [4, с. 246], Акима Михайловича Шевченко [4, с. 272], Николая Ивановича Гусева [4, с. 96], Ивана Осиповича Ахремчика [4, с. 45].

Фотографии декораций к спектаклям присутствуют в фонде Бориса Фёдоровича Звиногородского [4, с. 118].

Портреты наличествуют в фондах Льва Мееровича Лейтмана [4, с. 151], Оскара Петровича Марикса [4, с. 177], Николая Лукича Тарасикова [4, с. 246], Акима Михайловича Шевченко [4, с. 272], Евгения Евстафьевича Красовского [4, с. 144], Александры Онуфриевны Последович [5, с. 152], Виктора Ивановича Сохненко [5, с. 152], Арлена Михайловича Кашкуревича [4, с. 131], Михаила Яковлевича Лисовского [4, с. 155], Петра Николаевича Герасимовича [5, с. 46], Аркадия Антоновича Астаповича [5, с. 17], Зинаиды Антоновны Астапович-Бочаровой [15].

Пейзажи имеются в фондах Льва Мееровича Лейтмана [4, с. 151], Оскара Петровича Марикса [4, с. 177], Николая Лукича Тарасикова [4, с. 246], Акима Михайловича Шевченко [4, с. 272], Бориса Евсеевича Малкина [4, с. 171], Евгения Евстафьевича Красовского [4, 144], Арлена Михайловича Кашкуревича [4, с. 131], Александры Онуфриевны Последович [5, с. 152], Виктора Ивановича Сохненко [5, с. 152], Петра Николаевича Герасимовича [5, с. 46], Аркадия Антоновича Астаповича [5, с. 17], Зинаиды Антоновны Астапович-Бочаровой [15], Николая Васильевича Дучица [5, с. 62].

Жанровые картины можно найти в фондах Льва Мееровича Лейтмана [15], Оскара Петровича Марикса [4, с. 177], Бориса Евсеевича Малкина [4, с. 171].

Гравюры присутствуют в фондах Анатолия Николаевича Тычины [4, с. 253], Николая Васильевича Дучица [5, с. 62].

Эскибрисы есть в фондах Николая Лукича Тарасикова [4, с. 246], Бориса Евсеевича Малкина [15], Евгения Евстафьевича Красовского [4, с. 144], Арлена Михайловича Кашкуревича [4, с. 131], Герасимовича Петра Николаевича [5, с. 46].

Жанровые композиции имеются в фондах Евгения Евстафьевича Красовского [4, с. 144], Акима Михайловича Шевченко [15].

Натюрморты присутствуют в фондах Акима Михайловича Шевченко [4, с. 272], Бориса Евсеевича Малкина [4, с. 171], Евгения Евстафьевича Красовского [4, с. 144], Александры Онуфриевны Последович [5, с. 152], Аркадия Антоновича Астаповича [5, с. 17], Зинаиды Антоновны Астапович-Бочаровой [15].

Шаржи имеются в фонде Михаила Яковлевича Лисовского [4, с. 155].

Карикуры можно найти в фондах Петра Николаевича Герасимовича [5, с. 46], Михаила Яковлевича Лисовского [4, с. 155], Бориса Евсеевича Малкина [4, с. 171].

Живопись присутствует в фондах Николая Васильевича Дучица [5, с. 62], Аркадия Антоновича Астаповича [5, с. 17].

Вторая группа – рукописи, если таковые имеются. Документы этой группы характерны только для фондов артистов, режиссеров, художников и композиторов [4, с.10].

Вторую группу наполняют такие документы из фондов архива-музея как рассказы, интермедии, стихи, выступления, размышления, книги-очерки, очерки, доклады, исследования, статьи, рецензии, отзывы, аннотации, лекции, воспоминания, дневники, записные книжки принадлежащие фондообразователям.

Рукописи присутствуют в фондах Льва Мееровича Лейтмана [4, с. 151], Анатолия Николаевича Тычины [4, с. 253], Оскара Петровича Марикса [4, с. 177], Николая Лукича Тарасикова [4, с. 246], Ивана Осиповича Ахремчика [4, с. 46], Евгения Евстафьевича Красовского [4, с. 144], Александры Онуфриевны Последович [5, с. 152], Виктора Ивановича Сохненко [5, с. 153] Арлена Михайловича Кашкуревича [4, с. 131], Михаила Яковлевича Лисовского [15], Петра Николаевича Герасимовича [5, с. 45-46].

Третья группа включает в себя документы эпистолярного жанра. Это и письма самого фондообразователя (включая черновики, копии), письма, адресованные ему, телеграммы, записки. Рядом с фамилией в описи к фонду указывается количество писем и их крайние даты. При наличии одного письма количество данных документов не указывается [4, с.10].

Среди переписки, обнаруженной в фондах художников, доминируют такие документы как письма фондообразователей к кому-либо и письма к ним от кого-либо.

Переписка имеется в фондах Павла Никифоровича Гавриленко [4, с. 87], Анатолия Николаевича Тычины [4, с. 253-254], Оскара Петровича Марикса [4, с. 177-178], Николая Лукича Тарасикова [4, с. 246], Акима Михайловича Шевченко [4, с. 272], Михаила Андреевича Блища [4, с. 58], Николая Ивановича Гусева [4, с. 97], Ивана Осиповича Ахремчика [4, с. 46], Валентина Викторовича Волкова [4, с. 81], Евгения Евстафьевича Красовского [4, с. 144], Александры Онуфриевны Последович [5, с. 152], Виктора Ивановича Сахненко [5, с. 153], Арлена Михайловича Кашкуревича [4, с. 131], Михаила Яковлевича Лисовского [15], Петра Николаевича Герасимовича [5, с. 46], Зинаиды Антоновны Астапович-Бочаровой [15], Николая Васильевича Дучица [5, с. 62].

Четвертая группа – это архивные документы, отражающие отдельные биографические данные о фондообразователе [4, с.10]. В выявленных фондах художников БССР к этой группе можно отнести такие как: личные документы, документы творческой, служебной, общественной деятельности, автобиографии, документы о праздновании юбилеев, о награждениях и присвоении почетных званий, свидетельства о рождении и браке, аттестат, профсоюзный членский билет.

Документы, содержащие биографические данные, хранятся в фондах всех художников.

Пятая группа – очерки, артикулы, заметки, воспоминания и т.д. о фондообразователях [4, с.10]. К документам о фондообразователе, в данном случае о художнике, относятся: статьи, заметки, очерки, книги отзывов, воспоминания, рецензии, некрологи, сценарии документальных фильмов, стихотворения. Такие документы имеются в фондах Бориса Фёдоровича Звиногородского [4, с. 118], Льва Мееровича Лейтмана [4, с. 151], Анатолия Николаевича Тычины [15], Оскара Петровича Марикса [4, с. 178], Акима Михайловича Шевченко [4, с. 273], Евгения Евстафьевича Красовского [4, с. 144], Александры Онуфриевны Последович [5, с. 152], Виктора Ивановича Сохненко [5, с. 153] Михаила Яковлевича Лисовского [4, с. 155].

Шестая группа – визуальные документы о фондообразователе. В фондах архива-музея можно встретить портреты, фотографии фондообразователей, индивидуальные и в группах с разными людьми, с дарительными надписями и без них [4, с.11].

Фотографии, индивидуальные и в группах с разными людьми наличествуют в фондах всех художников.

На основании анализа фондов можно сделать вывод о том, что состав документов по каждому художнику рознится. Безусловно, творческие

документы будут храниться во всех фондах художников. Однако виды творческих документов будут различаться в зависимости от доминирующего творческого направления художника. Что же касается рукописей, то в фондах далеко не всех художников они будут присутствовать. Ведь не каждый художник занимался не только творческой деятельностью, но и проводил научные исследования, преподавал в университетах. Документы, содержащие биографические данные, в большем или меньшем количестве хранятся в фондах всех художников. Фотографии, индивидуальные и в группах, также хранятся в фондах всех художников.

Список литературы

1. Акім Міхайлавіч Шаўчэнка : выстаўка твораў мастака : каталог / уступ. Л. Дробава. – Мінск : Беларусь, 1975. – 23 с.
2. Анато́ль Мікалаевіч Тычына / аўт. тэксту П. Герасімовіч. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1961. – 68 с.
3. Анато́ль Мікалаевіч Тычына / аўт. тэксту У. А. Бойка. – Мінск : Беларусь, 1978. – 31 с.
4. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва : даведнік : [у 2 вып.]. – Мінск : Медысонт, 1997–2012. – Вып. 1 : Паступленні 1960–1992 гг. / Кам. па арх. і справаводства Рэсп. Беларусь, Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы ; склад.: І. Л. Асецкая [і інш.]. – 1997. – 470 с.
5. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва : даведнік : [у 2 вып.]. – Мінск : Медысонт, 1997–2012. – Вып. 2 : Паступленні 1993–2009 г. / Дэпартамент па арх. і справаводства М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. арх.-музей літ. і мастацтва. – 2012. – 351 с.
6. Воронова, О. П. Александра Последович : графика : альбом / О. П. Воронова. – М. : Совет. художник, 1984. – 95 с.
7. Выстаўка твораў Л. М. Лейтмана, прысвечаная 70-годдзю з дня нараджэння : каталог / Саюз мастакоў БССР. – Мінск : Полымя, 1966. – 14 с.
8. Выстаўка твораў народнага мастака БССР прафесара Валянціна Віктаравіча Волкава : прысвеч. 75-годдзю з дня нараджэння і 55-годдзю твор. дзейнасці : каталог / склад.: А. Васілеўская, С. Палеес. – Мінск : Звезда, 1958. – 24 с.
9. Выстаўка твораў П. Н. Гаўрыленкі : каталог / Саюз мастакоў БССР, Дзярж. маст. музей БССР. – Мінск : [б. в.], 1962. – 20 с.
10. Выстаўка твораў Я. Я. Красоўскага, прысвечаная 50-годдзю з дня нараджэння і 30-годдзю творчай дзейнасці : каталог / склад. Н. Тарасікаў. – Мінск : [б. в.], 1958. – 17 с.

11. Запартыко, А. Архивисты учатся комплектованию и работе с документами личного происхождения / Л. Цымбал, А. Запартыко // Арх. і справаводства. – 2017. – № 1. – С. 65–68.

12. Иванова, О. Проблемы и перспективы работы с личными фондами в государственных архивах Республики Беларусь / О. Иванова // Арх. і справаводства. – 2006. – № 4. – С. 89–96.

13. Кравцова, Н. Формирование и прием на хранение документов личного происхождения: могилевский опыт / Н. Кравцова // Арх. і справаводства. – 2015. – № 4. – С. 90–93.

14. Манцуровская, В. Комплектование фондов личного происхождения: гомельский опыт / В. Манцуровская // Арх. і справаводства. – 2017. – № 2. – С. 93–95.

15. Поиск по архивам. Учреждение «Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства» [Электронный ресурс] // Архивы Беларуси : фондовый каталог гос. арх. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://fk.archives.gov.by/catalogue/11/>. – Дата доступа: 10.11.2019.

16. Яўгеній Яўстафавіч Красоўскі / аўт. тэксту І. Элентух. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1959. – 23 с.

Рахоўская А. А., студэнтка IV курса

СЯРЭДНЯВЕЧНЫЯ ФРАНЦЫСКАНЦЫ. ПОГЛЯД ЗВОНКУ

Навуковы кіраўнік:

І. А. Еўтухоў,

доктар гістарычных навук, прафесар

Анатацыя. Самыя раннія сведчанні аб францысканцах, пакінутыя не самімі паслядоўнікамі ордэну, сустракаюцца у крыніцах пачатку XIII ст., і пасля гэтага не прыпыняюць свайго існавання на працягу усяго сярэднявечча. Часцей за ўсё аўтарамі гэтых дадзеных з’яўляліся манахі іншых ордэнаў, складальнікі хронік або святары. У гэтых крыніцах заўважаны як сутнасць, так і эвалюцыя ордэна францысканцаў. У першай палове XIII ст. вакол францысканцаў найчасцей сустракаюцца словы «жабрацтва», «пакора», «прастата», «дабрадзеінасць», «выратаванне душ», а пачынаючы з другой паловы XIII ст., гэтыя словы змяняюцца на «карыслівасць», «ганарлівасць», «крывадушнасць», «несумленнасць», што сведчыць аб падзенні нораваў у ордэне. У крыніцах прасочваецца пераход ад успрыняцця францысканцаў як руху найўных і адухоўленых праведнікаў да разгляду іх ордэна як уплывовага гульца ў палітычнай і духоўнай сферах жыцця Еўропы.

Ключавыя словы: ордэн францысканцаў, сярэднявечча, эвалюцыя ордэна, жабрацтва, пакора, прастата, карыслівасць, ганарлівасць.

Францысканскі жабрацкі рух быў распачаты Францыскам Асізскім у пачатку XIII ст., а ў 1223 г. яго ордэн атрымаў Статут і быў афіцыйна зацвержаны папам Рымскім пад назвай ордэн братаў меншых – мінарытаў. Рух і яго заснавальнік вельмі хутка сталі знакамітымі ў Еўропе, і шмат хто не застаўся абыякавым да гэтай новай з’явы. У шматлікіх крыніцах не францысканскага паходжання клірыкі, манахі іншых ордэнаў і свецкія асобы пакінулі свой погляд на францысканскіх манахаў.

Адныя з першых сведчанняў аб францысканскім руху з’яўляюцца ў лістах Жака дэ Вітры (каля 1180–1240 гг.), манаха-аўгусцінца, які быў прызначаны біскупам Акры. Квінтэсенцыяй выражэння стаўлення Жака дэ Вітры да ранніх францысканцаў з’яўляюцца апошнія словы дадзенага ліста: «Я веру, што Гасподзь жадае выратаваць шмат душ да канца свету праз такіх простых і бедных людзей» [1, р. 578-580].

Наступная ўзгадка пра францысканцаў у лісце Жака дэ Вітры з’яўляецца праз чатыры гады. Зараз дэ Вітры ўжо не так слепа захапляецца ордэнам францысканцаў. Ён выказвае занепакоенасць тым, што, на яго думку, гэты ордэн зашмат рызыкуе, калі «рассылае па ўсім свеце па двое не толькі рэлігійна сфармаваных, але і маладых людзей, якім трэба было б спачатку прайсці выпрабаванне і пазнаць манастырскую дысцыпліну». Для дэманстрацыі падтрымкі вышэйшымі каталіцкімі коламі Францысканскага ордэна паказальна тое, што гэтыя крытычныя заўвагі не трапілі ў варыянт ліста, які быў дасланы папе Рымскаму [1, р. 580-581].

Англійскі манах-бenedыктынец Роджэр Вендаверскі (памёр у 1236 г.) у хроніцы «Кветкі гісторыі» паказвае францысканскі рух як хутка набіраючы папулярнасць рух прапаведнікаў, падкрэслівае глыбіню беднасці і пакорлівасці манахаў [1, р. 597-599]. Нарбертанец Бурхард з Урсберга ў апісанні францысканцаў акцэнтуюе ўвагу на іх галоўным адрозненні ад ерэтычных суполак, што было немалаважна ў часы панавання на поўдні Францыі катараў [1, р. 593-594].

Францысканцы фігуруюць у некалькіх эпізодах «Гісторыі арцыбіскупаў Салоны і Спліта» Фамы Спліцкага (каля 1200 – 1268 гг.). Фама паказвае поспех францысканскай пропаведзі, вялікую папулярнасць Францыска Асізскага і ўзвялічванне яго святасці яшчэ пры жыцці, а таксама вялікі ўплыў братаў-мінарытаў на палітычнае жыццё рэгіёна. Так, яны выступалі ў ролі пасланцоў да свецкіх кіраўнікоў, непасрэдна ўдзельнічалі

ў абранні гарадскога падэсты і выбарах біскупаў [2, с. 127-128]. Яшчэ ў шматлікіх эпізодах падкрэсліваецца міралюбства францысканцаў, імкненне манахаў ордэна да спынення варожасці і войнаў.

У «Хроніцы, або дзях англійскіх каралёў», складзенай аўгусцінцам Уолтарам з Хэмінбурга да 1346 г., францысканцы зноў прадстаўлены праз іх уплыў на палітычнае жыццё, а не праз апісанне іх духоўных якасцяў. Эпізадычныя ўзгадкі паказваюць мінарытаў набліжанымі да каралеўскага двара і пацвярджаюць значнасць іх палітычнай вагі [3, р. 318, 341].

Але стаўленне да францысканцаў не паўсюль і не ва ўсіх было адназначна станоўчым, як гэта магло паказацца. Так Банкампанья да Сінья (каля 1170 – пасля 1240 гг.), які з’яўляўся вядучым магістрам рыторыкі ў Балонскім універсітэце, пакінуў вельмі трапныя заўвагі, якія паказваюць дваістасць адносін насельніцтва да новага рэлігійнага руху. З аднаго боку Банкампанья прызнае ранніх францысканцаў за «папличнікаў Госпада», з другога – ён кажа, што гэтыя юнакі і хлопцы «ўжо дайшлі да крайнасці вар’яцтва, бо блукаюць..., пераносячы жудасныя і нечалавечыя пакуты» [1, р. 590]. Манах-цыстарыянец Цэзарый Гейстэрбахскі паказаў недаверлівую пазіцыю царкоўнікаў адносна новых ордэнаў. Бо калі браты-мінарыты ўпершыню з’явіліся ў Кельне, некаторыя прадстаўнікі духавенства былі вельмі жорсткімі з імі і нават пратэставалі супраць іх прысутнасці, падавалі розныя скаргі арцыбіскупам, дзе казалі, што па прароцтвах жабрацкія ордэны стануць прычынай бед для духавенства і небяспекі для горада [1, р. 594-595].

У значна адрозным кантэксце прадставіў францысканцаў Мацвей Парыжскі (каля 1200 – 1259 гг.), бенедыктынскі манах, у сваёй аўтарскай частцы «Вялікай хроніцы». Пачынаючы з запісаў 1230-х гг., мінарыты часцяком прадстаўлены ў адмоўным святле праз іх сувязі з палітычнымі і фінансавымі справамі Рымскай курыі і каралёў, з продажам індульгенцый. Аўтар абураецца з-за падзення нораваў ордэна і яго ўзбагачэння. У асобную праблему выносіцца п’янства манахаў. У той жа час францысканцы выступаюць як бліжэйшыя і аўтарытэтнейшыя дарадцы свецкіх кіраўнікоў [4, р. 251, 287, 627].

Літаратура Позняга сярэднявечча, якая закранае францысканцаў, падзяляецца на дзве катэгорыі: палемічныя творы, напісаныя тэолагамі з мэтай тэарэтычнага супрацьстаяння жабрацкім ордэнам, і шырокі спектр забаўляльных твораў, якія акцэнтуюцца на выкрыванні крывадушнасці жабрацкіх ордэнаў.

У асноўным крытыкі-клірыкі ў сваіх трактатах выкарыстоўвалі тэрмін «манахі жабрацкіх ордэнаў», зрэдку ўдакладняючы, якіх канкрэтна. Аднак часцей за ўсё яны мелі на ўвазе францысканцаў, бо іх колькасна было больш за ўсіх. Можна вылучыць пяць пазіцый, па якіх ішла крытыка жабрацкіх ордэнаў: 1) празмерная колькасць манахаў 2) іх падман і крывадушнасць 3) іх злоўжыванне зарокам беднасці 4) набыццё імі прывілеяў свецкіх чыноўнікаў 5) грубае стаўленне адзін да аднаго [5, р. 111].

Англійскі святар Джон Укліф і ірландскі арцыбіскуп Рычард ФіцРальф пісалі, што манахаў стала залішне шмат, крытыкавалі распусныя паводзіны францысканцаў, папракалі манахаў і тым, што яны імкнуліся здабыць пратэкцыю багацеяў, шукалі пасадаў пры дварах арыстакратаў, умешваліся ў справы свецкіх судоў і не звярталі ўвагі на бедных прыхажан [5, р. 111-113, 127-129].

Яскравым прыкладам новай свецкай гісторыі з'яўляецца «Новая хроніка, або гісторыя Фларэнцыі», напісаная сям'ёй Вілані паміж 1300 і 1348 гг. Вобраз францысканцаў у «Хроніцы...» неадназначны: адныя распачынаюць несумленныя акцыі, іншыя «знакаміты сваёй святасцю і беззаганным жыццём». Аднак не выклікае сумніву іх высокае становішча сярод царкоўных і палітычных эліт [6, с. 182, 235]. Больш за тое хроніка Вілані паказвае, які вялікі ўплыў мелі францысканцы пры папскім двары. Так, адзін дваранін дзеля таго, каб трапіць да папы Мікалая III, пераапрунуўся менавіта францысканскім манахам, а не якім-небудзь іншым, што сведчыць пра асаблівую набліжанасць братоў гэтага ордэна да пантыфіка [6, с. 213]. Такім чынам, сярод мінарытаў мы назіраем зусім розных па сваіх маральных якасцях братоў, але ёсць момант, які іх аб'ядноўвае, – гэта ўдзел «разумных і хітрых» францысканцаў (заўважым, што ўжо не «пакорных і простых», як то было ў ранейшых крыніцах) у палітычным жыцці рэгіёна на самым вышэйшым узроўні.

Вялікую групу літаратурных крыніц XIV–XV стст. складаюць забаўляльныя творы – фацэцыі і навэлы. Аднак пры працы з гэтым відам крыніц трэба ўлічваць, што аўтары забаўляльнай літаратуры былі абмежаваны патрабаваннямі сатыры, і таму іх не цікавілі пазітыўныя паведамленні пра манахаў. Напрыклад, пра місіі ў Кітай, Індыю, Боснію, падчас якіх з'яўляліся новыя пакутнікі, ці пра гераізм манахаў, якія клапаціліся аб хворых падчас Чорнай смерці. Звесткі аўтараў навэл і фацэцый у агульным не пазбаўлены дакладнасці, аднак дзеля дабаўлення рэзананса сваім гісторыям яны выкарыстоўвалі перабольшванні.

У знакамітым «Дэкамероне» Джавані Бакачыя францысканцы толькі прыкідваюцца праведнікамі, а на самай справе з'яўляюцца падманшчыкамі, крывадушнікамі, дармаедамі, парушыцелямі ўсялякіх заракаў [7, 47-49, 246-254]. У зборніку літаратурна апрацаваных фацэцый Поджа Брачаліні францысканцы прадстаўлены як дакучлівыя нахабнікі, як сварлівыя і недалёкія людзі, якія нават паміж сабой не могуць дамовіцца. Гэты сюжэт можна разглядаць як алюзію на пастаянныя спрэчкі ўнутрыордэнскіх групавак па пытаннях строгасці выконвання заветаў Францыска і іх трактовак [8, с. 103]. У Брачаліні знайшлося і адлюстраванне распусных адносін францысканцаў з жанчынамі.

Мазучыя Салернітанец (каля 1410–1475 гг.) у зборніку «Навеліна» выкрывае загану францысканцаў, як і іншых манахаў. Аднак прызнае за францысканцамі асобныя таленты і станоўчыя якасці. Францысканцы апісваюцца як знатакі філасофіі, паспяховыя ўніверсітэцкія магістары. Адначасова аўтар ужо звыкла крытыкуе іх за тое, што выкладаюць яны «за немалую ўзнагароду», а чытаюць пропаведзі «хутчэй за ўсё з неабходнасці або выгады», а не па сапраўднай набожнасці. У Мазучыя таксама прасочваецца яшчэ адна загана, якую крытыкі класічна прыпісваюць францысканцам, – гэта прага да багацця. Са сціслых паведамленняў «Навеліна» можна вылучыць абрысы ўзаемаадносін паміж братамі манастыра. Францысканскія канвенты поўняцца інтрыгамі і змовамі да такой ступені, што манахі здольныя прычыніць адзін аднаму фізічную шкоду. У той жа час са зборніку Мазучыя вынікае, што францысканскі ордэн выклікае да сябе «поўныя глыбокай пашаны адносінны ўсіх», застаецца масавым і ўплывовым. Нягледзячы на ўсе загану мінарытаў, яны з'яўляюцца адукаванымі, годнымі прапаведнікамі, якія збіраюць вакол сябе натоўпы народу, «усюды праслаўляючыся і ўзбуджаючы да сябе пашану» [9, с. 21-25, 53, 105].

Такім чынам, адносінны грамадскасці да францысканцаў з самага пачатку былі дваістымі. У прыхільнікаў абнаўлення царквы новы ордэн выклікаў захапленне, у ім бачылі сілу, здольную перадухіліць секулярызацыю царквы і падзенне ўзроўню маральнасці духавенства, процівагу ерэтычным рухам. У той жа час кансерватыўныя колы выказваліся з падазронасцю аб ордэне, бо ўсё ў ранніх францысканцаў было «занадта»: занадта бедныя, занадта актыўныя, занадта непадобныя на класічныя ордэны аўгусцінцаў і бенедыктынцаў. У крыніцах першай паловы XIII ст. акцэнт рабіўся перш за ўсё на раскрыцці духоўных якасцяў братаў-францысканцаў і адрозненняў іх лада жыцця ад папярэдніх ордэнаў і ад

ерэтыкоў. З другой паловы XIII ст. аўтары адышлі ад апісання асабістых якасцяў мінарытаў і пачалі больш казаць аб сувязях францысканцаў з кіруючымі коламі і іх удзеле ў палітыцы.

З XIV ст. францысканцы сутыкнуліся з хваляй моцнай крытыкі, якая зыходзіла як ад духоўных асоб, так і ад свецкіх, прычым закранала тыя сферы жыцця, за праведнасць у якіх усхвалялі францысканцаў XIII ст. Такім чынам, адбывалася схаванае параўнанне сучасных братаў з іх папярэднікамі.

Эвалюцыя ордэна францысканцаў знайшла адлюстраванне ў па-за ордэнскіх крыніцах. Так, ва ўсіх разгледжаных творах першай паловы XIII ст. вакол францысканцаў найчасцей сустракаюцца словы «жабрацтва», «пакора», «прастата», «дабрадзеінасць», «выратаванне душ», а пачынаючы з другой паловы XIII ст., гэтыя словы змяняюцца на «карыслінасць», «ганарлінасць», «крывадушнасць», «несумленнасць», што сведчыць аб падзенні нораваў у ордэне. У крыніцах прасочваецца пераход ад успрыняцця францысканцаў як руху наіўных і адухоўленых праведнікаў да разгляду іх ордэна як уплывовага гульца ў палітычнай і духоўнай сферах жыцця Еўропы.

Спіс літаратуры

1. Francis of Assisi: early documents / edited by Regis J. Armstrong, J. Wayne Hellmann, William J. Short. – New York, London, Manila: New City Press, 1999. – Vol. I: The Saint. – 624 p.
2. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / пер., комм. О. А. Акимовой. – М.: «Индрик», 1997. – 320 с.
3. Walteri de Hemingburgh Chronicon domini: vulgo Hemingford nuncupati ... de gestis regum Angliæ: in 2 vol. / edited by Hans Claude Hamilton. – London, 1848. – Vol. 1. – 374 p.
4. Matthæi Parisiensis. Monachi Sancti Albani Chronica Majora: in 7 vol. / edited by Henry Richards Luard. – London: Longman & Company, 1876. – Vol. 3. – 706 p.
5. Erickson, C. The Fourteenth-Century Franciscans and their Critics / Carolly Erickson // Franciscan Studies. – 1975. – Vol. 35. – P. 107–135.
6. Виллани, Дж. Новая хроника, или История Флоренции / пер., ст. и примеч. М. А. Юсима. – М.: Наука, 1997. – 551 с.
7. Боккаччо, Дж. Декамерон / Дж. Боккаччо; пер. с ит. А. Веселовского. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 640 с.
8. Браччолини, Поджо Фацеции / Пер. с лат. и вступ. статья А. Дживелегова. – М.: Худож. лит., 1984. – 167 с.

9. Мазуччо. Новеллино: Пер. с ит. / под общ. ред. А. Д. Михайловой. – М.: Республика, 1993. – 400 с.

Рубисов Д. О., студент IV курса

МУЗЕЙ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СЕРГИЕВА ПОСАДА

Научный руководитель:

О. И. Ершова,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается роль музея Отца Павла Александровича Флоренского в системе образования города Сергиева Посада Московской области. Обращается внимание на потенциал Культурного центра имени Павла Флоренского в решении задач патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи. В статье показана актуальность взаимодействия школьного образования с музеем с точки зрения формирования понимания значимости культурных памятников, развития чувства ответственности за сохранение культурных ценностей. Подчеркивается важность краеведческих исследований в формировании культурной идентичности молодежи. Описывается опыт взаимодействия музея Отца Павла Флоренского и общеобразовательных школ Сергиева Посада.

Ключевые слова: музей, музейная педагогика, краеведческая работа, система школьного образования, патриотическое воспитание, духовно-нравственное воспитание, формирование культурных ценностей.

Сергиев Посад, входящий в Золотое Кольцо России, является одним из самых исторически богатых городов Московской области. Большой интерес вызывают такие памятники, как Троице-Сергиева Лавра, Музей-заповедник Абрамцево, а также всемирно известные традиции народного ремесла. В историю Сергиева Посада вошел и Павел Александрович Флоренский – богослов, физик, математик, художник, поэт, инженер, философ. Интерес к его личности вырос в 1990-е гг. С распадом СССР широким массам стали доступны многие богословские произведения Отца Павла, в том числе и знаменитая работа «Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи». На фоне возрождения общественной жизни и забытых традиций личность П. А. Флоренского все чаще встречается в публикациях краеведов Сергиева Посада, а также попадает в систему школьного образования. Труды Флоренского цитирует профессора

Московской Духовной Академии – в печатных работах и монографиях. Так, доктор богословия А.И. Осипов обращается к наследию философа в книге «Из времени – в вечность. Беседы современного богослова» [1].

Современное российское общество все больше приходит к пониманию того, что научить подрастающее поколение уважать людей, живущих рядом, их традиции, историю, любить родной край, город, народ, который в нем живет, – значит укрепить основы патриотизма. В законе РФ «Об образовании» определяются требования к образовательной деятельности, где среди важнейших задач обозначается формирование ценностей патриотического воспитания, гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе [2]. Согласно концепции регионального компонента федерального государственного образовательного стандарта общего образования были поставлены задачи создать условия для приобщения школьников к культурным традициям их региона, а историю Сергиева Посада конца XIX – начала XX в. невозможно представить без личности Отца Павла Флоренского. С его биографией учащиеся средних и старших классов знакомятся через специальные учебные курсы, факультативы, дополнительные образовательные модули – за счет часов вариативной части базисного учебного плана, а также посредством научно-исследовательской работы учащихся (участие в школьных, городских, региональных, вузовских конференциях) и через организацию внеклассной работы. Примером такого интегрирования многокомпонентных задач в образовательные и воспитательные процессы могут служить школьные предметы «Родной язык» и «Родная литература», а также предмет «Духовное краеведение Подмосковья», изучаемый в 6-8 классах современных подмосковных школ [3].

Одним из способов внеклассной работы по предмету «Краеведение» является музей. Согласно Российской педагогической энциклопедии, музеи – учреждения, осуществляющие отбор, научное исследование и хранение памятников культуры и искусства. Деятельность музеев направлена на удовлетворение образовательных и творческих интересов личности, связанных с изучением и освоением культурного наследия [4]. Музеи участвуют в организации деятельности по сохранению и приобретению молодежью знаний и представлений о прошлом нашей Родины, об исторических путях развития российского общества, о своей Малой Родине. Как центры духовной жизни, интегрирующие прошлое и проясняющие настоящее, музеи помогают людям постичь свои истоки, идентифицировать

себя с определёнными национально-культурными традициями, освоить новую информацию, осмыслить тенденции общественного развития, сформировать нравственную позицию и эстетическое отношение к действительности. В духовном и патриотическом воспитании подрастающего поколения музеи играют весомую роль при условии, что интерес к их посещению закладывается еще в детстве.

Первый музей Отца Павла Флоренского был открыт в 1988 г. на улице Бурденко в Москве, где когда-то проживала мать философа. Об этом рассказывает книга, сама ставшая в наши дни музейной, библиографической редкостью. Это монография В.И. Брагина, содержащая сведения о жизни и окружении Флоренского, а также множество иллюстративного материала. В аннотации говорится о том, что книга посвящена истории создания музея-квартиры выдающегося ученого, богослова и философа, священника Павла Александровича Флоренского. Многочисленные труды Отца Павла свидетельствуют о том, что его жизнь, личность и творчество имеют общекультурное и общецерковное значение. Вот почему было столь важным создание мемориальной квартиры, открывающей особенности личности гениального энциклопедиста XX века. Позднее Брагин вместе с игуменом Андроником (Трубачевым), внуком П. А. Флоренского, потратили три года на подготовку к открытию музея уже в Сергиевом Посаде [5]. Он заработал на базе сохранившегося собственного дома Флоренского по адресу: ул. Пионерская, д. 19.

В 2017 г. в Сергиевом Посаде открылся Культурный центр Павла Флоренского, который строится по тематическому и историко-биографическому принципам, позволившим раскрыть не только жизнь, творчество и личность Флоренского, но также окружение и памятные места, связанные с его личностью.

И дом-музей, и культурный центр играют большую роль в популяризации интереса к историко-культурному наследию Сергиева Посада. Посредством экскурсий, музейных игр-викторин, конференций, публичных лекций учащиеся средней и старшей школы знакомятся с биографией и творчеством знаменитого русского мыслителя. Благодаря достаточно большому фонду музея у посетителей формируются представления не только о жизни Отца Павла, но и о быте, культуре и традициях России конца XIX – начала XX в. В этом плане музей-дом и культурный центр исполняют главные задачи музея в педагогическом пространстве: формирование с раннего возраста потребности в общении с культурным наследием и ценностного отношения к нему, активизация

творческих способностей личности и творческой деятельности в музее – через поиск новых форм общения с культурным наследием, создание многоступенчатой системы музейного образования (школа – музей – учреждения дополнительного образования – вуз) [6]. Актуальность данных задач обосновывается в труде «Музейная педагогика и ее образовательные возможности в развитии общекультурной компетентности» [7].

Музей и Культурный центр Павла Флоренского в Сергиевом Посаде могут быть задействованы как в межмузейном обмене опытом, так и в развитии интеллектуального туризма. О необходимости такого обмена опытом посредством молодежных слётов, музейных конференций, о потенциале музеев и культурных центров в деле патриотического воспитания молодёжи говорил на семинаре союзных парламентариев Владимир Жевняк, заместитель руководителя Представительства Постоянного Комитета Союзного государства в Минске: «В наших странах хорошо понимают значение патриотического и духовно-нравственного воспитания молодёжи. Оно способствует сохранению и укреплению исторической памяти в условиях угроз и вызовов современного мира» [8].

Список литературы

1. Осипов, А. И. Из времени – в вечность. Беседы современного богослова / А. И. Осипов. – М.: Данилов мужской монастырь, 2017. – 224 с.
2. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/C7fwL>. – Дата доступа: 29.03.2021.
3. Шевченко, Л. Л. Духовное краеведение Подмосковья / Л. Л. Шевченко. – М.: Центр поддержки культурно исторической традиции Отечества, 2005. – 266 с.
4. Российская педагогическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/SkMVg>. – Дата доступа: 29.03.2021.
5. Брагин, В. И. Музей священника Павла Флоренского в Москве / В. И. Брагин. – М.: Издательство памяти игумении Таисии, 2008. – 240 с.
6. Столяров, Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика / Б. А. Столяров. – М.: Высшая школа, 2004. – 216 с.
7. Троянская, С. Л. Музейная педагогика и ее образовательные возможности в развитии общекультурной компетентности / С. Л. Троянская. – Ижевск: Научная книга, 2007. – 139 с.
8. Семинар депутатов Парламентского собрания Союза Беларуси и России // Союзное Вече. – 2021. – № 22. – С. 6.

Севницкая О. И., студентка IV курса
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БИОГРАФИИ
А. И. ДЕНИКИНА

Научный руководитель:
О. И. Ершова,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматриваются педагогические факторы, повлиявшие на формирование личности известного деятеля белого движения А.И. Деникина. Большое внимание уделяется изучению его детства и юности. Показывается влияние родителей и педагогов на процесс социализации будущего выдающегося военачальника. Анализируется воздействие эпохи на складывание характера и взглядов А.И. Деникина.

Ключевые слова: формирование личности, семейное воспитание, социальное происхождение, образование, военная карьера, А.И. Деникин.

Цель работы – провести педагогический анализ биографии одного из основных руководителей Белого движения А.И. Деникина. Его отец, Иван Ефимович Деникин, происходил из крепостных крестьян и был отдан в рекруты. Во время службы выслужился в офицеры и вышел в отставку в чине майора. Мать, Елизавета Федоровна Вжесинская по происхождению полька, из семьи обедневших мелких землевладельцев. Большого влияния на формирование личности Антона Деникина она не оказала. Напротив, у отца и сына сложились теплые и доверительные отношения. «Меня отец не «поучал», не «наставлял». Но все то, что отец рассказывал про себя и про людей, обнаруживало в нем такую прямолинейную, честность, такой яркий протест против всякой человеческой неправды, что все эти разговоры глубоко западали в мою душу». [1, с. 15] Отец являлся авторитетом для Антона и оказал большое влияние на выбор им профессии. «Рассказы отца, детские игры (сабли, ружья, «война») – все это настраивало на определенный лад» и предопределило дальнейшую судьбу мальчика [1, с. 16].

Сложные русско-польские отношения в Российской империи не оказали отрицательного влияния на социализацию А.И. Деникина, который вспоминал: «Больные русско-польские отношения, вторгавшиеся в нашу жизнь извне, внутри ее не вызывали решительно никаких недоразумений. Отец был кровный русак, мать оставалась полькой, меня воспитывали в русскости и в православии» [1, с. 17-18]. В семье царил религиозное

равноправие: мальчик посещал и церковь, и костел и вырос глубоко религиозным человеком.

Образованию Антона Ивановича родители уделяли большое внимание: «Учить меня стали рано. Когда мне исполнилось четыре года». [1, с. 35] Свое детство А.И. Деникин провел в провинциальном городке Влоцлавске. Семья жила очень бедно. Это, а также ранняя смерть отца вынудили Деникина заняться репетиторством. Став главой семьи в очень юном возрасте, юноша научился усидчивости и целеустремленности [1, с. 36]. Проживая в городке, в котором преобладало польское население, Антон решил с русскими говорить на русском, а с поляками – на польском. На всю жизнь он усвоил, что лучше промолчать, чем что-то сказать. По воспоминаниям людей, лично его знавших, Деникин слыл неразговорчивым человеком [2, с. 62-63].

После окончания начальной школы в 1882 г. Антон Деникин выдержал экзамен в 1-й класс Влоцлавского реального училища. В первое время учился хорошо, но во втором классе сильно заболел. Из-за этого отстал в учебе и остался на второй год в 5-м классе. Это стало большим ударом по самолюбию. Все лето Антон занимался математикой и подтянул свои знания. В своих воспоминаниях он писал: «После трех лет лавирования между двойкой в моем характере проявилась какая-то неуверенность в себе... С этого же памятного дня я вырос в собственных глазах, почувствовал веру в себя» [1, с. 44-45].

После окончания 6-ти классов во Влоцлавске А. Деникин перешел в Ловичское реальное училище с механико-техническим отделением. Читая воспоминания полководца, понимаешь, что школьные учителя не являлись для него авторитетом. Все они были разными, но их объединяло желание «отзвонить свои часы, рассказать своими словами по учебнику, задать «отсюда досюда» – и все. До наших душонок им не было никакого дела» [1, с. 58-59].

После окончания реального училища А.С. Деникин поступил на двухлетние курсы при Киевском юнкерском училище и в 1892 г. был произведён в подпоручики. В 1895 г. он поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. В своих воспоминаниях А.И. Деникин описывает, насколько устарела постановка образования в академии, что, по его мнению, являлось одной из причин поражения России в последующих войнах: «Мы изучали военную историю с древнейших времен, но не было у нас курса по последней русско-турецкой войне 1877-1878 годов... Военная школа, воспитывая юношей в сознании долга и дисциплины... не давала

хотя бы самых элементарных знаний педагогики и военной психологии выпускным офицерам – будущим учителям и воспитателям солдатской массы» [3, с. 25].

После окончания обучения в 1899 г. А.И. Деникин не попал в число выпускников, причисленных к Генеральному штабу, из-за произвольного решения начальника академии генерала Н. Сухотина и подал на него жалобу на имя императора. Деникину предложили забрать жалобу и написать прошение о милости, на что он ответил: «Я милости не прошу. Добиваюсь только того, что мне принадлежит по праву» [3, с. 38]. В итоге жалобу отклонили, а Деникина не причислили к Генеральному штабу «за характер» [3, с. 39].

Таким образом, большое влияние на формирование личности А.И. Деникина оказал его отец, воспитывавший сына в любви, в «русскости» и православии. Простота, вспыльчивость и стремление к справедливости – черты, присущие характеру отца Деникина, – передались и сыну. Генерал-лейтенант всегда боролся с несправедливостью, при этом часто выступал открыто, горячился, делал то, что могло навредить его интересам. В его характере так и не сформировались такие качества, как лесть, заискивание, хитрость и умение выслужиться.

В то время, когда А. И. Деникин обучался в академии генштаба, она переживала переломный момент. Молодой офицер понял, насколько неидеальна система военного образования Российской империи. Одной из главных ее проблем был выпуск офицеров, неподготовленных в психолого-педагогическом плане к управлению солдатами.

Влияние невысокого социального происхождения на жизненный путь А.И. Деникина исследователи трактуют по-разному. Одни считают, что необходимость выбиваться из низов общества приучила Деникина к упорному труду и работе над собой и он смог сделать хорошую карьеру. Другие полагают, что низкое социальное происхождение, нужда, испытанная в детстве, предопределили такие черты характера Деникина, которые мешали принимать правильные стратегические решения в годы Гражданской войны. Действительно, А. И. Деникин не обладал лидерскими качествами, но в сложные дни войны он выполнил долг перед своей Родиной и подчиненными.

Список литературы

1. Деникин, А. И. Путь русского офицера / А. И. Деникин. – М.: Современник, 1991. – 299 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai/index.html. – Дата доступа: 04.02.2020.
2. Деникин, А. И. Офицеры. Очерки / А. И. Деникин. – Париж: Родник, 1928. – 141 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/prose/russian/denikin_ai3/index.html. – Дата доступа: 04.02.2020.
3. Деникин, А. И. Старая армия / А. И. Деникин. – Париж: Родник, 1929, 1931. – Т. I-II. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai4/index.html. – Дата доступа: 04.02.2020.

Соломкина Н. С., студентка IV курса

КАРТИНА ВОЛКОВА ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВИЧА «МИНСК 3-ГО ИЮЛЯ 1944 ГОДА»: ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕДЕВРА

Научный руководитель:

Т. Д. Гернович,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение путей популяризации архивных материалов и документов, через призму взаимодействия архивных и музейных учреждений на примере выставки картины народного художника БССР Волкова Валентина Викторовича «Минск. 3-го июля 1944 года».

Ключевые слова: Валентин Викторович Волков, «Минск 3-го июля 1944 года», личный фонд №192 (БГАМЛИ).

Волков Валентин Викторович – живописец, профессор, народный художник БССР. Один из выдающихся людей своего времени, который оставил след в истории советского и белорусского искусства. В Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (БГАМЛИ) находится его личный фонд №192, состоящий из оригиналов эскизов к картинам, рисунков, набросков, фотокопий с работ, переписки Волкова с товарищами, друзьями, родными и учениками, материалов к биографии художника, а также личных фотографий.

Наиболее ярким произведением Волкова Валентина Викторовича является картина «Минск 3-го июля 1944 года» или «Освобождение Красной Армией Минска 3-го июля 1944 года». За это полотно он был удостоен звания народного художника в 1955 году. Тем не менее, картина

долго лежала в запасниках Национального художественного музея и не выставлялась.

Валентин Викторович родился в семье художников. Как писал сам В.В. Волков: «С раннего детства я имел сильную тягу к рисованию...», не выпускал из рук кисти и альбом, в котором делал постоянно наброски пейзажей, портретов» [1].

С 15 лет он мечтал попасть в художественную школу, но поступить в нее ему удалось только в 1901 году, когда он смог заработать достаточно средств для оплаты учебы. [2]

Он поступает в Пензенское училище, где сразу вливается в активную студенческую жизнь. В 1905-м году В.В. Волков участвовал в составлении петиции, в которой студенты требовали увеличение количества часов на изучение природы и замены двух педагогов по живописи и рисунку. Отвезти петицию в Совет академии художеств, было поручено Валентину Викторовичу. Добравшись до Санкт–Петербурга, он лично отдал ее в руки вице-президенту академии графу Ивану Ивановичу Толстому.

Обратно он задержался на пару дней в Москве и, попал в самую гущу революционных событий 1905 года [2]. Как отмечал В.В. Волков: «В 1905 участвовал в революционных движениях и был одним из главных организаторов забастовок». В течении года, за участие в революционных событиях он находился под следствием [1].

Москва стала для художника своего рода отправной точкой для начала его творческого пути. Здесь он нашел товарищей, освоил многие техники и был учеником знаменитого передвижника Константина Аполлоновича Савицкого.

В 1907 году В.В. Волков окончил училище с отличием и без экзаменов. По рекомендации Совета он поступил в Санкт-Петербургскую академию художеств. Выдержав трехмесячный испытательный период, художник был оставлен в академии.

После нескольких лет учебы в общих классах у различных профессоров и преподавателей, он был определен в индивидуальную мастерскую к знаменитому и одному из лучших педагогов того времени Павлу Петровичу Чистякову [3].

В 1915 году Валентин Викторович окончил Петербургскую академию со званием художника.

В 1929 году художник переезжает в Минск и устраивается на работу в Государственное издательство БССР, где он работал над иллюстрацией произведений белорусских писателей. Там В.В. Волков познакомился с

А.И. Александровичем и создал иллюстрации для поэмы «Счастливая дорога», а также «Кузнец Вернидуб», «Как петушок спасал курочку» [2].

Во время Великой Отечественной войны он вместе с семьёй остался в оккупированном Минске. Пережитый опыт вдохновил художника на создание картины «Минск 3-го июля 1944 года». Достоверно неизвестно, картина начала создаваться в оккупированном Минске или в послевоенное время.

Как отмечают директор БГАМЛИ А.В. Запартыко, а также ведущий научный сотрудник Национального художественного музея Республики Беларусь Н.М. Усова, картина имеет интересную историю создания и экспонирования, которая до конца не изучена и требует проведения дальнейших исследований.

В 2005 году, как вспоминает А.В. Запартыко, она посетила в г. Москва выставку, посвященную одной картине Ильи Ефимовича Репина «Торжественное заседание государственного совета». Картина была настолько огромная, что для её транспортировки понадобилось заказывать отдельный грузовой автомобиль. Но Анну Вячеславовну на тот момент впечатлил не сам масштаб полотна, а то, что вместе с картиной на выставке были представлены архивные материалы. Это были зарисовки Репина к каждой из особ заседания. Вернувшись в Беларусь, она поделилась своими впечатлениями от выставки одной картины в Москве с Надеждой Михайловной Усовой. В это время Н.М. Усова занималась планированием выставки в Национальном художественном музее Беларуси, приуроченной к празднованию дня Независимости Республики Беларусь в 2005 году. Вдохновившись опытом московских коллег, в качестве объекта экспонирования было решено выбрать картину Волкова Валентина Викторовича «Минск 3-го июля 1944 года». До этого времени картина практически не выставлялась в залах, так как была очень большой, и для этого не хватало выставочных площадей.

Было решено, что необходимо вместе с картиной выставлять и архивные материалы, которые реконструировали бы весь процесс создания шедевра поэтапно.

Перед выставкой картину пришлось быстро реставрировать из-за потрёпанных краев. Внук художника, Сергей Анатольевич Волков, сильно посодействовал тому, чтобы картина его деда вновь увидела свет.

С картиной выставлялся и ряд архивных материалов: Письмо В.В. Волкова А. Аванэсову о работе на картиной (3 мая 1954 года); фотография Волкова среди студентов Петербургской академии художеств

1907-1911 гг.; фотография Волкова среди экспонатов около картины «3-го июля 1944 года»; акт о работе, сделанной В.В. Волковым в период с 1945-1950 гг. по теме «Освобождение Красной Армией Минска 3-го июля 1944 года»; опись, в которой высказывались мнения о выставке изобразительного искусства и народного творчества, проходившей в Москве в 1955 г.; фотографии натурщиц, которые позировали для картины (1946-1947 гг.).

Выставка имела большой общественный резонанс и стала причиной возрастающего интереса к личности и творчеству Волкова Валентина Викторовича. Как нам представляется, основной причиной такого успеха являлось не традиционное экспонирование картины, а ее комплексное представление совместно с архивными документами. Изучение личных архивных фондов художников, способствует расширению понимания художественных произведений, имеет огромный информационный потенциал, способствующий проведению исследований биографического и искусствоведческого характера.

Список литературы

1. Автобиография В.В. Волкова // БГАМЛИ. -Ф. 192. - Оп. 1. - Д. 24. - Л. 1.
2. И.Б. Элентух. Валентин Викторович Волков. Монография // Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). -Ф.192. -Оп. -1.-Д. 45.-Л. 1-36.
3. Краткая биография Народного художника БССР В.В. Волкова // БГАМЛИ. - Ф. 192. -Оп. 1.-Д. 46.-Л. 1-5.
1. Войткун, А. На что художник Волков потратил гонорар за картину «Минск 3 июля 1944 года»? [Электронный ресурс] / А. Войткун. – Режим доступа: <http://news.tut.by/culture/232925.html>. – Дата доступа: 10.09.2019.
2. День освобождения: картина В. Волкова "Минск. 3 июля 1944 года" / Н. Кастакова // Начальная школа: научно-методический журнал с мультимедийным приложением и укладкой "В помощь заместителю директора" / учредители: Министерство образования Республики Беларусь, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республиканское унитарное предприятие "Издательство" Начальная школа "/ В помощь заместителю директора. – 2008. – № 6. – С. 30.
3. Масленников, П. В. Белорусская советская тематическая живопись / П.В. Масленников. – Минск: Академия Наук БССР, 1962. – 156 с.
4. Рудковский, Н. Сергей Волков: "Деду позировала вся наша семья ..." / Н. Рудковский // Могилевские ведомости. – 2009. – № 73. – С. 8.

5. Рыженкова, А. Под его кистью оживала история Беларуси / А. Рыженкова // Родина (Глуск). – 1993. – № 58. – С. 3.

6. Шарангович, Н. Мгновение счастья в июльское утро / Н. Шарангович // Культура. – 2005. – № 27. – С. 7.

Тамковіч Ю. В., студэнт IV курса

ВЫВУЧЭННЕ ВАЙСКОВАЙ ГІСТОРЫІ ВКЛ НА КАФЕДРЫ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ СТАРАЖЫТНАГА ЧАСУ І СЯРЭДНІХ ВЯКОЎ ГІСТАРЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА БДУ

Навуковы кіраўнік:

А. У. Любы,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Анатацыя. Артыкул прысвечаны вывучэнню ваеннай гісторыі ВКЛ на кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта БДУ. Разглядаюцца працы айчыных гісторыкаў – супрацоўнікаў кафедры. Праца дазваляе ўбачыць развіццё гістарычнай думкі кафедры на працягу 25 гадоў.

Ключавыя словы: гістарыяграфія, ваенная гісторыя, ваенная справа, Вялікае Княства Літоўскае, кафедра гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў, гістарычны факультэт БДУ.

Беларуская гістарыяграфія ваеннай гісторыі Вялікага Княства Літоўскага сёння можа лічыцца слабараспрацаванай. Айчынная гістарычная навука не стварыла “гранд наратыва” эпохі ні ў XIX ст., ні ў час станаўлення нацыянальнай гістарыяграфіі, ні ў савецкі перыяд свайго існавання.

Сёлета кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў споўнілася чвэрць стагоддзя. Утварылася кафедра ў першыя гады незалежнасці Беларусі, калі беларускае грамадства шукала свае карані ў пройдзеным нацыяй шляху. Гэтым была абумоўлена неабходнасць больш шырокага выкладання айчыннай гісторыі ў сярэдняй школе і вышэйшых навучальных установах. Асаблівую ўвагу патрэбна было надаць перыядам Сярэднявечча і ранняга Новага часу.

Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага на пачатку 1990-ых гг. была запатрабавана, менавіта ў гэтым перыядзе гісторыі нацыянальнаарыентаваная частка грамадства бачыла аснову для нацыянальнага гонару. Ствараўся пантэон герояў і месцаў памяці. Супрацоўнікі абноўленай кафедры гісторыі Беларусі не засталіся ў баку ад

гэтых вызначальных падзей: выступалі на радыё і тэлебачанні, давалі інтэрв’ю і публікавалі навукова-папулярную і дыдактычную літаратуру.

Кажучы пра вайсковую гісторыю, неабходна адзначыць, што мы маем пад гэтым тэрмінам на ўвазе. Вайсковая гісторыя – гэта галіна гістарычнай навукі, якая вывучае тэарэтычныя і навукова-метадычныя праблемы гісторыі войнаў, вайсковага мастацтва, вайсковай думкі, вайсковых фармаванняў, відаў войска і інш.

У першае дзясяцігоддзе існавання кафедры тэма вайсковасці ВКЛ у Беларусі была распрацавана слаба. Пры гэтым захаваліся вялікі комплекс дакументаў па вайсковай гісторыі, былі выдатныя працы польскіх і расійскіх дарэвалюцыйных гісторыкаў, якія мелі шмат карыснай інфармацыі па гэтай тэме. На пачатку 1990-ых гг. беларускія гісторыкі звярнуліся да гэтай праблемы і за мінулыя 30 год дасягнулі значных поспехаў.

Самым буйным спецыялістам па вайсковасці ВКЛ (у асаблівасці па зброязнаўству) у Беларусі, які працаваў і на нашай кафедры, быў Юрый Мікалаевіч Бохан. Юрый Мікалаевіч пачынаў сваю навуковую кар’еру з вывучэння ўрбаністыкі Вялікага княства, аднак цэнтральнай праблемай ягоных даследаванняў стала вайсковая гісторыя. У 2003 г. ім была абаронена доктарская дысертацыя на тэму “Узбраенне і структура войска Вялікага княства Літоўскага ў другой палове XIV – канцы XVI ст.”, у якой былі разгледжаны асноўныя віды ўзбраення, што ўжываліся на тэрыторыі ВКЛ у другой палове XIV – канцы XVI ст. [6]. Таксама аўтар вылучыў два этапы ў развіцці ўзбраення. Так, да пачатку XVI ст. пераважалі заходнія ўплывы, але пасля больш адчувальным робяцца ўсходнія. Былі вылучаны Ю. М. Боханам і катэгорыі ваяроў, крытэрыі іх вылучэння, асаблівасці ўзбраення гэтых груп.

Пасля абароны доктарскай ім было выдадзена шэраг прац, якія тычыліся наступных праблем:

1. Наёмнае войска ў ВКЛ у XV – XVI ст.
2. Арганізацыя вайсковай справы ў ВКЛ у другой палове XIV – канцы XVI ст.
4. Турнірныя традыцыі ў ВКЛ у XIV – XVI ст.
5. Вялікая вайна з Тэўтонскім ордэнам і Грунвальдская бітва 1410 г.
6. Узбраенне насельніцтва беларускіх зямель у XIV – XVI ст.

У вышэйзгаданых працах можна знайсці грунтоўную інфармацыю па засцерагальнаму (баявыя нагалоўі і пакрыцці тулава) і наступальнаму ўзбраенню (клінковая, дрэўкавая, абуховая зброя, рыштунак вершніка і

каня) ВКЛ. Аналізуюцца пытанні структуры, баявога прымянення і функцыянавання ў мірны час войска ВКЛ. Разглядаецца фартыфікацыйнае будаўніцтва. Кніга “Ваяры Грунвальдскай бітвы” распавядае пра барацьбу насельніцтва нашага рэгіёна з крыжацкай экспансіяй, з самага ейнага пачатку ў XIII ст. да перамогі пад Грунвальдам. Зразумела, асноўным аб’ектам даследвання з’яўляецца Вялікая вайна і Грунвальдская бітва [1].

Акрамя гэтых даследванняў за час працы на кафедры Юрыем Мікалаевічам было напісана некалькі дзясяткаў артыкулаў, прысвечаных узбраенню на землях ВКЛ.

Больш буйных спецыялістаў, якія б разбіраліся ў вайсковай справе ВКЛ, пасля сыходу Юрыя Мікалаевіча на кафедры не было – па сутнасці даследванне вайсковасці ВКЛ на факультэце спынілася. Пры гэтым на кафедры традыцыйна працуе шэраг даследчыкаў, якія спецыялізуюцца па палітычнай гісторыі ВКЛ у XVI ст. У сваіх працах яны закранаюць і вайсковую гісторыю.

Нельга не ўзгадаць аўтараў, якія займаюцца тэмай добра распрацаваннай у дарэвалюцыйнай расійскай, польскай, але не ў беларускай гістарыяграфіі - вывучэннем грамадзянскіх канфліктаў ВКЛ. Адпаведна, Андрэя Уладзіміравіча Любага, якім была абаронена кандыдацкая праца па тэме “Унутрыпалітычная барацьба ў Вялікім княстве Літоўскім у 30 – 40- ыя гг. XV ст.” [13]. У асноўным праца прысвечана палітычнаму канфлікту, удзелу ў ім розных пластоў грамадства і сацыяльных інстытутаў, аднак унутрапалітычны канфлікт ішоў у сукупнасці з вайсковым супрацьстаяннем Свідрыгайлы і Жыгімонта, пра якое ў працы таксама ёсць інфармацыя.

Тое ж можна сказаць і пра кандыдацкую працу Макара Аляксандравіча Шніпа “Унутрыпалітычны канфлікт 1508 года ў Вялікім княстве Літоўскім у кантэксце міжнародных адносін ва Усходняй Еўропе”, якая разглядае палітыку, але неадрыўна ад баявых дзеянняў падчас паўстання Міхала Глінскага і вайны Вялікага Княства Маскоўскага супраць ВКЛ [17].

Асобна адзначым даследчыкаў, якія займаюцца сацыяльнай гісторыяй. Васіль Аляксеевіч Варонін займаецца вывучэннем Полаччыны ў складзе ВКЛ. У рамках гэтай тэмы ім была даследвана праблема путных баяр Полаччыны і выдадзена праца “Рэестр путных баяр Полацкага ваяводства 1585 года” [9]. Путныя баяры з’яўляліся пластом насельніцтва, абавязкам якога было нясенне вайсковай службы. Праца хоць і не тычыцца найпрост вайсковай гісторыі, аднак яна вельмі карысна для яе вывучэння.

Другая ягоная праца – артыкул “Падзеі вайны 1512-1522 гадоў у Беларускім Падзвінні”, у якім паказаны, з аднаго боку, маштабныя вайсковыя аперацыі буйных сілаў, а з іншага – падзеі на месцах, у якіх удзельнічалі не толькі вайскоўцы варагуючых бакоў, але і тутэйшыя мірныя жыхары [8].

Узгадаем Дзянісаву Алену Рыгораўну і Казакова Юрыя Леанідавіча.

Алена Рыгораўна – спецыяліст па праваслаўных манастырах Беларусі, а Юрый Леанідавіч займаецца станам беларускага грамадства ў XVI – XVII ст.

Гэтымі аўтарамі быў напісаны артыкул “Адлюстраванне праблемы арганізацыі абароны земскай у Статутах Вялікага Княства Літоўскага” [10]. На аснове аналізу трох Статутаў ВКЛ былі вызначаны катэгорыі вайсковаабавязанага насельніцтва ВКЛ, асаблівасці мабілізацыі, абавязкі каманднага складу.

Не з’яўляецца ваенным гісторыкам, але ў працах патрапляюцца вайсковыя сюжэты, Уладзімір Аляксеявіч Падалінскі, тэма даследванняў якога тычыцца палітычных інстытутаў і эліты ВКЛ. Ім быў напісаны артыкул “Бітва пад Вендэнам 21 кастрычніка 1578 года: прапагандысцкі аспект”, у якім разглядаецца эфект прапагандысцкай кампаніі пасля перамогі над маскоўскім войскам, як унутры Рэчы Паспалітай, так і за яе межамі [14].

У другім сваім артыкуле “Стаўленне да вайны ў грамадскай думцы шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў 1570–1580-я гг.” Уладзімір Аляксеевіч прыходзіць да высновы, што шляхта ў разглядаемы час прагматычна ставілася да Лівонскай вайны. Шляхецтва было гатова ваяваць пры ўмове асабістага ўдзела вялікага князя ў вайне, падтрымкі Польшчай. Не апошнімі фактарамі былі: патрыятызм, справядлівасць вайны, матэрыяльны інтарэс [15].

Даследчыкам вайсковай гісторыі XVIII ст. з’яўляецца Уладзімір Пятровіч Емельянчык. У ягоным артыкуле “Дыверсійныя рэйды ў паўстанні 1794 года на Беларусі” і ў кнізе “Паланез для касінераў: (з падзей паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі на Беларусі)” разглядаецца дзейнасць на Беларусі партызанска-дыверсійных аддзелаў М.К. Агінскага і С. Грабоўскага падчас паўстання 1794 г., а таксама роля Тадэвуша Касцюшкі ў кіраўніцтве паўстаннем і вайсковымі фарміраваннямі [11;12].

Такім чынам, на працягу 1990 – 2010-х гг. на кафедры актыўна распрацоўваліся праблемы арганізацыі, структуры войска ВКЛ, вялікі крок быў зроблены ў плыні зброязнаўства. Переферый, але не менш важнай для

асэнсавання вайсковай гісторыі ВКЛ, з'яўляецца тэматыка удзелу ў вайсковых канфліктаў войска ВКЛ.

Спіс літаратуры

1. Бохан, Ю.М. Ваяры Грунвальдскай бітвы / Ю. Бохан. - Мінск : Беларусь, 2010. – 218, [4] с.
2. Бохан, Ю.М. Наёмнае войска ў Вялікім княстве Літоўскім у XV-XVI стст. / Ю.М. Бохан. – Мінск : Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2004. – 91 с.
3. Бохан, Ю.М. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст. / Ю. М. Бохан. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – 448, [1] с., [4] л. каляр. іл.
4. Бохан, Ю.М. Зброя Вялікага княства Літоўскага, 1385 – 1576 / Ю. Бохан. – Мн. : Беларусь, 2003. – 87, [1] с.
5. Бохан, Ю.М. Турнірныя традыцыі ў Вялікім княстве Літоўскім у XIV – XVI стагоддзях. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2008. – 76 с
6. Бохан, Ю.М. Узбраенне і структура войска Вялікага княства Літоўскага ў другой палове XIV – канцы XVI ст.: Аўтарэф. дыс. на суісканне вучон. ступ. д-ра гіст. навук: 07.00.02: 01.07.2003 / Бохан Юрый Мікалаевіч. – Мн., 2003. – 38 с.
7. Бохан, Ю.М. Узбраенне насельніцтва беларускіх зямель у XIV – XVI стагоддзях / Ю. М. Бохан. – Мінск : Беларусь, 2012. – 150, [1] с.
8. Варонін, В.А. Падзеі вайны 1512 – 1522 гадоў у Беларускім Падзвінні / В.А. – Варонін // *Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы*. Научный сборник. – Вып. 6. – Мн.: «Издательский центр БГУ», 2013. – С. 192 – 219.
9. Варонін, В.А. Рэестр путных баяр Полацкага ваяводства 1585 года. – Мінск: РІВШ, 2009. – 50 с.
10. Дзянісава, А.Р., Казакоў, Ю.Л. Адлюстраванне праблемы арганізацыі абароны земскай у Статутах Вялікага Княства Літоўскага. / А.Р. Дзянісава, Ю.Л. Казакоў // *Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання: зб. навук. арт. па матэрыялах канф.* / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.; С.А. – Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2018. – С. 170–173.
11. Емельянчык, У. П. Дыверсійныя рэйды ў паўстанні 1794 года на Беларусі // *Весці АН Беларусі. Сер. грамад. навук.* 1994. № 2;
12. Емельянчык, У. П. Паланез для касінераў: (з падзей паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі на Беларусі). – Мінск : Беларусь, 1994. – 158, [2] с.
13. Любы, А.Ул. Унутрыпалітычная барацьба ў Вялікім княстве Літоўскім у 30 – 40-ыя гг. XV ст.: аўтарэфэрат дысертацыі на атрыманне вучонай ступені кандыдата

гістарычных навук: 07.00.02: 23.11.2006 / Любы Андрэй Уладзіміравіч. – Мінск, 2006. – 19 с.

14. Падалінскі, У. А. Бітва пад Вендэнам 21 кастрычніка 1578 года: прапагандысцкі аспект / У. А. Падалінскі // Ваенныя трыумфы эпохі Вялікага Княства Літоўскага: зборнік навуковых артыкулаў / навук. рэд. М.Н. Гальпяровіч. – Мінск: “Музей “Замкавы комплекс “Мір”, 2018. – С. 84–106.

15. Падалінскі, У. А. Стаўленне да вайны ў грамадскай думцы шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў 1570 – 1580-я гг. / У. А. Падалінскі // Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы. Научный сборник. – Вып. 1. – Мн.: «Издательский центр БГУ», 2008. – С. 84–98.

16. Шніп, М.А. Унутрыпалітычны канфлікт 1508 года ў Вялікім княстве Літоўскім у кантэксце міжнародных адносін ва Усходняй Еўропе: аўтарэфэрат дысертацыі на суісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук: 07.00.02 / Шніп Макар Аляксандравіч. – Мінск, 2009. – 24 с.

Чеченев И. О., студент IV курса

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БИОГРАФИИ С. БОЛИВАРА

Научный руководитель:

О. И. Ершова,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье проанализирована биография С. Боливара с точки зрения теории педагогической науки. Выявлены факторы, повлиявшие на становление личности Боливара – его характера, взглядов, жизненных принципов и пр. Особый акцент сделан на молодых годах жизни Боливара. Показана роль образования и самообразования в социализации Симона Боливара.

Ключевые слова: Боливар, креольская знать, становление мировоззрения, домашнее образование, самообразование, идеи Просвещения.

Род Боливаров ведет начало из испанского г. Маркина в Бискайе. Симон де Боливар, основатель южноамериканской ветви рода, эмигрировал из Бискайи в Санто Доминго ещё в середине XVI в. Отец «Освободителя» – дон Хуан Висенте де Боливар, прямой потомок основателя рода Симона де Боливара – был богатым и влиятельным гражданином Каракаса, занимал пост регидора и командовал полком местного ополчения. В молодости ему довелось 15 лет прожить в Мадриде, представляя интересы каракасского кабиљдо. Из столицы Испании он привёз военные, исторические и

религиозные трактаты. Наряду с произведениями П. Кальдерона и М. де Сервантеса, проповедями Ж.-Б. Боссюэ, его библиотека пополнилась трудами таких деятелей Ренессанса и Просвещения, как Э. Роттердамский, Вольтер и Ж.-Ж. Руссо [1, с. 15]. Также в библиотеке Хуана Висенте хранились такие книги, как «Учёные письма» и «Всеобщий критический театр» Б.И. Фейхоо, «Экономический проект» Б. Уорда, «О богатстве наций» А. Смита, «Теория и практика торговли и мореплавания» Х. де Устариса, «Ньютонова философия» Сент-Гравсанда, «Естественная история» Бюффона [2, с. 106]. В 1772 г. Хуан Висенте де Боливар женился на Марии Паласиос-и-Бланко, также родом из Каракаса. В этом браке появилось две дочери, Мария Антония и Хуана, и двое сыновей: Хуан Висенте и сам Симон, родившийся в Каракасе 24 июля 1783 г. [3, р. 217].

Боливар получил хорошее домашнее образование. Андрес Бельо обучал его литературе и географии, падре Андухар – математике. Особое влияние на будущего национального героя Венесуэлы оказал его наставник Симон Родригес – автор философских и педагогических трудов, страстный поклонник Ж.-Ж. Руссо [4, с. 124]. Из трактатов французского философа Родригес особенно ценил «Эмиля», проповедовавшего новые методы воспитания [5, с. 61]. Родригес познакомил Боливара и с историей Французской революции, а также одним из ее главных достижений – «Декларацией прав человека и гражданина» [4, с. 19]. В 1797 г. любимый учитель вынужденно оставляет Венесуэлу, опасаясь репрессий из-за участия в антиколониальном заговоре Гуаля и Эспаньи.

По семейной традиции, юного Боливара в возрасте 14 лет отправили кадетом в основанное его дедом элитное подразделение милиции – «Белые добровольцы Арагуанской долины». Именно здесь впервые начали проявляться лидерские качества юноши, и через год он получил должность второго лейтенанта [6, р. 18]. В 1799 г., для завершения своего обучения, юноша уезжает из страны. После прибытия в Мадрид он некоторое время жил у Эстебана Паласиоса, который был вхож в испанский двор через своего друга Мануэля Мальо, фаворита испанской королевы Марии Луизы [3, р. 219]. В Испании Боливар познакомился с маркизом Херонимо Энрике де Устарисом-и-Товаром, также венесуэльцем, который, получив хорошее образование в Каракасе, сделал крупную карьеру в метрополии. Устарис оказал значительное влияние на молодого Боливара, став его фактическим опекуном в Мадриде. Под руководством маркиза юноша изучал философию, историю, математику и языки. Благодаря содействию своего

покровителя будущей революционер поступил в академию Сан-Фернандо в Мадриде [4, с. 124].

На становление мировоззрения молодого Симона Боливара повлияла эпоха Просвещения. Во время двух своих путешествий по Европе он изучал труды классических и современных авторов: Дж. Локка, Бюффона, К.А. Гельвеция, Ш. де Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Вольтера, Ш. Роллена. Наиболее сильно на юношу повлияли идеи Т. Гоббса, Б. Спинозы, П.А. Гольбаха и Д. Юма [6, р. 28]. По словам биографа Симона и одновременно друга О'Лири, больше всего он увлекался идеями Монтескье и Руссо. Боливар с удовольствием читал античную литературу – преимущественно светскую. В древней истории его интересовали войны и политика, характер исторических персонажей, история Афин, Спарты и Рима. Страсть к чтению сохранится у Боливара и в будущем – во всех походах он возил с собой небольшую библиотеку.

На Боливара сильно повлияли крупнейшие социально-политические конфликты второй половины XVIII в. Отношение к Французской революции было неоднозначным, так как ему, как и значительной части креолов, не импонировал якобинский характер преобразований. В войне за независимость США Боливар видел полную историческую аналогию тем задачам, которые стояли перед латиноамериканскими патриотами. Тем не менее, в США его отталкивал институт рабства [7, с. 17].

Жители Испанской Америки, в отличие от североамериканских колонистов, не имели опыта свободной прессы, уходящих в XVII в. традиций либерализма, местных ассамблей, в которых могли бы реализовываться основополагающие свободы. Однако Боливар и другие влиятельные креолы были знакомы с теориями естественного права и общественного договора. В колониях появились и свои просветители: Бартолаче, Альсате, Диас де Гамарра-и-Давалос, учитель Боливара Родригес, Нариньо и др. Их произведения были направлены против схоластики, выражали уверенность в силе общественного прогресса, отстаивали необходимость развития культуры, науки, образования, содержали критику колониального режима. Изгнанные из Америки историки-иезуиты Алегре, Каво, Клавихеро в своих сочинениях призывали изучать прошлое колоний, высказывались за отмену рабства, отвергали абсолютизм. Хотя латиноамериканское Просвещение и не произвело широкого влияния на массы, оно сыграло определенную роль в изменении сознания креольской верхушки [8, с. 209-211].

Таким образом, в детстве Симон Боливар мало чем отличался от других креольских аристократов. Рожденный в сложном расовом обществе, в котором присутствовали белые, метисы, негры, индейцы, юноша вращался в многокультурной среде, которая, несомненно, повлияла на становление мировоззрения будущего Освободителя. Обучение с молодости военному ремеслу стало серьезным подспорьем на пути к ореолу одного из лучших полководцев освободительного движения в Испанской Америке. Всесторонние гуманитарные знания, знакомство с новейшими для того времени философскими идеями и историческими трудами позволили Боливару рассматривать народы Южной и Северной Америки как полноправных субъектов всемирной истории на всем ее протяжении. Немалую роль в этом сыграл период жизни в Мадриде и Париже, знакомство с лучшими умами того времени, видение «изнутри» тотального загнивания метрополии и её могущества. Всё это привело к формированию твердых политических взглядов, умению анализировать действительность, проектировать пути решения нависших над его родиной проблем, а также в самых тяжелых ситуациях неизменно отстаивать свое мнение. Хотя основная масса политических проектов Боливара в будущем будет отвергнута гражданами новообразованных государств, основанные на них идеи боливаризма вплоть до нынешнего времени влияют на жизнь Латинской Америки.

Список литературы

1. Лаврецкий, И. Р. Боливар / И. Р. Лаврецкий. – М.: Мол. гвардия, 1981. – 221 с.
2. Селиванов, В. Н. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости / В. Н. Селиванов. – М.: Наука, 1984. – 176 с.
3. Robertson, W. S. The Spanish-American republics as told in the lives of their liberators / W. S. Robertson. – New York: D. Appleton and Company, 1930. – 380 p.
4. Письмо Сантандеру // Боливар С. Избранные произведения. Речи, статьи, письма, воззвания, 1812 – 1830 / сост. и науч. ред. пер. А. Ф. Шульговский. – М.: Наука, 1983. – С. 121-124.
5. Ларин, Е. А. Плеяда освободителей Латинской Америки / Е. А. Ларин. – М.: ИВИ РАН, 2010. – 211 с.
6. Lynch, J. Simón Bolívar: a life / J. Lynch. – New Haven and London: Yale University Press, 2007. – 349 p.
7. Ларин, Е. А. Внутренние и внешние факторы, повлиявшие на характер войны за независимость в Латинской Америке / Е. А. Ларин // Война за независимость Латинской Америки / отв. ред. Е.А. Ларин. – М.: Наука, 2011. – С. 14-23.

8. Шульговский, А. Ф. О социальных и политических идеалах Симона Боливара / А. Ф. Шульговский // Боливар С. Избранные произведения. Речи, статьи, письма, воззвания, 1812 – 1830 / сост. и науч. ред. А. Ф. Шульговский. – М.: Наука, 1983. – С. – 137-138.

Ячменеў С. І., студэнт IV курса

НАВУЧАЛЬНЫЯ ЎСТАНОВЫ РЫМСКА-КАТАЛІЦКАЙ ЦАРКВЫ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў XVI – XVIII СТ.СТ.

Навуковы кіраўнік:

В. І. Яршова,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Анотацыя. Артыкул прысвечаны гісторыі станаўлення каталіцкай адукацыі на тэрыторыі Беларусі ў XVI – XVIII ст.ст. Апісваецца працэс заснавання іезуіцкіх калегіумаў у розных беларускіх гарадах і іх паступовае пераўтварэнне ў самыя папулярныя сярэднія навучальныя ўстановы. Аналізуюцца прычыны гэткай папулярнасці – у першую чаргу, праз прынцыпы пабудовы навучальна-выхаваўчага працэсу. Дэманструецца ўплыў каталіцкай адукацыі на культурнае развіццё беларускіх земляў ў складзе Рэчы Паспалітай.

Ключавыя словы: каталіцкая адукацыя, езуіцкі калегіум, навучальна-выхаваўчы працэс, навучальная праграма, друкаванне кніг.

Прыняцце Люблінскай уніі 1569 г. стварыла магчымасці для шырокамашабнай культурнай экспансіі каталіцкай царквы. На беларускіх землях сталі адкрывацца шматлікія каталіцкія школы або калегіумы. Яны ствараліся манаскімі ордэнамі езуітаў, дамініканаў, а з XVII ст. – таксама і піяраў.

Найбольшую вядомасць атрымалі езуіцкія калегіумы – 5-класныя гімназіі з 6 – 7-гадовым тэрмінам навучання. Гэтыя сярэднія навучальныя ўстановы бескаштоўна давалі гуманітарную адукацыю юнакам з усіх саслоўяў, але перш за ўсё – дзецям шляхты. У калегіумы прымалі не толькі каталікоў, але і праваслаўных, а іх зварот у каталіцтва падрыхтоўваўся ўсім ходам навучання. На чале калегіума стаяў рэктар – з ліку аўтарытэтных членаў ордэна, звычайна італьянец або поляк, а вучэбна-выхаваўчай працай кіраваў яго памочнік-прэфект. У малодшых класах, якія называліся *infima* (па-латыні значыць «ніжэйшы»), вывучалася лацінская граматыка і асновы грэцкай мовы. У старэйшых класах, якія называліся *suprema* (па-латыні –

«вышэйшы»), выкладалі лацінскую літаратуру, грэцкую і польскую мовы, даваліся звесткі па гісторыі, географіі, фізіцы, логіцы і астраноміі. Тэалогію вывучалі толькі сябры і кандыдаты ордэна на духоўнае званне. Пры гэтым выпускнікі езуіцкіх калегіумаў маглі заставацца свецкімі асобамі або быць чальцамі іншых каталіцкіх ордэнаў. Выхаванцы калегіумаў практыкаваліся ў дыспутах, ладзілі спектаклі на гістарычныя сюжэты [1].

Багатыя бібліятэкі, разнастайныя навучальныя дапаможнікі і вопытныя педагогі, якія валодалі найноўшымі метадыкамі, рабілі езуіцкія калегіумы лепшымі сярэднімі навучальнымі ўстановамі таго часу. З іх сцен выходзілі не толькі фанатычныя прыхільнікі каталіцкай ідэі, але і буйныя навукоўцы, пісьменнікі, педагогі праваслаўна-уніяцкай арыентацыі. Пры шэрагу ўстаноў ордэна існавалі друкарні і багатыя бібліятэкі. У хуткім часе пісьменнікі, прапаведнікі ордэна запаланілі кніжны рынак Беларусі сваёй друкаванай прадукцыяй, у якой дыскрэдытавалі пратэстанцкую і праваслаўную цэрквы і прапагандавалі каталіцкае веравучэнне [2]. Езуіты дамагліся ад уладаў пастановаў аб закрыцці ўсіх арыянскіх школ і друкарняў у Рэчы Паспалітай, прыступілі да знішчэння кніг, унесеныя у індэкс забароненых. У 1579 г. у Вільні па загадзе біскупа Юрыя Радзівіла ўпершыню ў ВКЛ запалілі вогнішча з пратэстанцкіх і праваслаўных кніг [2]. Каб наблізіць да сябе мясцовае насельніцтва, езуіты пайшлі на выкладанне беларускай мовы ў Полацкім калегіуме, на пераклад і выданне на беларускай мове святых кніг і рэлігійнай літаратуры [2].

Першы калегіум у Вялікім Княстве Літоўскім паўстаў у 1569 г. у Вільні. У 1579 г. кароль Стэфан Баторый зацвердзіў яго як акадэмію. Рэктарам быў прызначаны найслынны палітычны дзеяч езуіт Пётр Скарга. Другі калегіум у княстве і першы на тэрыторыі сучаснай Беларусі Стэфан Баторый заснаваў у 1580 г. у Полацку, каб езуіты звярнулі ў каталіцтва праваслаўнае насельніцтва горада. Наступным у Беларусі пабудавалі калегіум у Нясвіжы. Ён павінен быў змяшчаць 200 чалавек [3].

У XVII ст., за рэдкім выключэннем, езуіцкія калегіумы былі заснаваны ва ўсіх вялікіх гарадах. Землі і неабходныя сродкі давалі феадалы і сам кароль [2]. Пасля Нясвіжа езуіты пасяліліся ў памежнай з Расеяй Оршы (1612), у Мсціславе (1616), Наваградку (1631), Берасці (1623), Пінску (1635), Віцебску (1640), Гродна (1647), Менску (1657), Магілёве (1678), Слуцку (1696) і ў хуткім часе адчынілі тут сярэднія навучальныя ўстановы [2].

Гродзенскі езуіцкі касцёл быў заснаваны на адным з ключавых месцаў у горадзе – каля рынку, насупраць уезду на Замкавую вуліцу, якая вядзе да каралеўскіх палацаў. Годам залажэння манастыра езуітаў у Гродне

А. К. Кіркоў лічыць 1647. Гэтая дата можа быць прынятая за дату заснавання каменнага касцёла і калегіума. Будаўніцтва цягнулася доўга, перапыненае ў 1655-1661 гг. акупацыяй горада войскамі цара Аляксея Міхайлавіча, і скончылася ў 1663 г. У 1709 г. у калегіуме стаў выкладацца курс філасофіі для схаластыкі і пабудаваны асобны каменны будынак аптэкі [3].

У Оршы езуіты з'явіліся па ўказе караля ў 1604 г. Найбуйнейшы магнат і дзяржаўны дзеяч Леў Сапега купіў для іх землі і пабудоваў драўляныя калегіум і касцёл. Аршанскі калегіум лічыўся адным з найбольш уплывовых у Беларусі. Пры ім дзейнічалі бурса і тэатр, існавалі сад і аранжарэя, дзе вырошчваліся лекавыя расліны, працавала лабараторыя і першая ў горадзе аптэка. У 1822 г. калегіум пераўтварылі ў павятовае вучылішча, а касцёл у 1825 г. перадалі праваслаўнай царкве [3].

Падзеі пачатку 70-х гг. XVIII ст. істотна паўплывалі на далейшае развіццё езуіцкай пляцоўкі ў Магілёве. Па-першае, пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай горад апынуўся ў складзе Расійскай імперыі. Па-другое, у 1773 г. папа Рымскі Клімент XIV выдаў булу Dominus ac Redemptor аб скасаванні грамадства Ісуса. Імператрыца Кацярына II з палітычных меркаванняў забараніла абвяшчэнне папскага загаду, а таму езуіты атрымалі магчымасць працягнуць дзейнасць у яе уладаннях [2]. Чатыры калегіума (у Полацку, Дынабургу, Віцебску і Оршы), дзве рэзідэнцыі (у Магілёве і Мсціславе) і цэлы шэраг місій апальнага Таварыства Ісуса становяцца цэнтрам прыцягнення для былых езуітаў з усяго свету і пры садзейнічанні расійскіх уладаў атрымліваюць значны штуршок для свайго развіцця. Так, у 1779 г. рэзідэнцыя ў Магілёве намаганьнямі біскупа Станіслава Богуша-Сестранцэвіча атрымала статус калегіума. У канцы 80-х – пачатку 90-х гг. XVIII ст. пад кіраўніцтвам А. Жаброўскага, В. Абрампольскага і К. Астроўскага комплекс будынкаў калегіума быў значна пашыраны [4, с. 337]. Езуіцкая школа ў Магілёве была 6-класнай. Вывучалі ў ёй не толькі матэматыку і філасофію, але і архітэктур, натуральную гісторыю, эксперыментальную фізіку, нямецкую, французскую і рускую мовы. Важна адзначыць, што ў той час, як у школе пры рэзідэнцыі замежныя мовы не выкладаліся, езуіцкі каталог за 1783 г. сведчыць аб тым, што ў класе інфімы вывучалі нямецкую, у класе сінтаксісу – французскую, а ў класе рыторыкі – нямецкую і французскую мовы. З 1790 г. лекцыі па французскай мове і архітэктур наведвалі таксама клірыкі епархіяльнай семінарыі [1].

Акрамя таго, на беларускіх землях дзейнічала каля 20 піярскіх і дамініканскіх калегіумаў, якія таксама давалі сярэдняю адукацыю.

Калегіумы каталіцкага ордэна піяраў карысталіся вялікай папулярнасцю сярод шляхты ВКЛ дзякуючы менш строгай, чым у езуітаў, дысцыпліне [2].

Такім чынам, каталіцкая царква ў XVI – XVIII ст. на тэрыторыі Беларусі заняла асноўныя пазіцыі ў адукацыі, навучы, культуры, ідэалагічнай працы, што паслужыла прычынамі сутыкнення інтарэсаў усіх рэлігійных плыняў. Аднак застаецца зацверджаным той факт, што каталіцкая царква дасягнула высокіх вынікаў у адукацыйнай дзейнасці, дзякуючы высокай кампетэнцыі і ідэалагічнай падрыхтаванасці яе выкладчыкаў. Таксама назіраецца тэндэнцыя навучання ў навучальных установах рымска-каталіцкай царквы прадстаўнікоў іншых рэлігійных плыняў, што паслужыла наступнай універсальнасці дадзеных устаноў.

Спіс літаратуры

1. Мазуркевіч, В. П. Адукацыя ў Беларусі ў 16-18 ст.ст. / В. П. Мазуркевіч // Народная асвета. — 1997. — № 11. — С. 151-156.
2. Блинова, Т. Б. Иезуиты в Беларуси / Т. Б. Блинова. — Гродно: ГрГУ, 2002. — 425 с.
3. Квитницкая, Е. Д. Коллегиумы Белоруссии XVII в. / Е. Д. Квитницкая // Архитектурное наследие: сборник научных статей. — № 18. — М., 1969.
4. Слюнькова, И. Н. Монастыри восточной и западной традиции. Наследие архитектуры Беларуси / И. Н. Слюнькова. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — 600 с.

Бохан Ф. Ю., студэнт III курса

ПАЛІТЫЧНЫЯ ТЭХНАЛОГІІ Ў БАРАЦЬБЕ МАГНАЦКІХ ГРУПОВАК РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVIII СТ.

Научный руководитель:

В. А. Подолинский,

кандидат исторических наук, доцент

Анотацыя. Матэрыял прысвечаны праблеме развіцця палітычнай культуры Рэчы Паспалітай на беларускіх землях. Звяртаючыся да сучаснага падыходу «палітычныя тэхналогіі» аўтар вызначае метады і падыходы, якія актыўна выкарыстоўваліся магнацкімі групамі пры барацьбе за ўладу ў I палове XVIII стагоддзя. У працы даецца характарыстыка прыёмаў палітычных тэхналогій і прыводзяцца канкрэтныя гістарычныя факты, якія пацвярджаюць іх прымяненне.

Ключавыя словы: палітычныя тэхналогіі, Рэч Паспалітая, барацьба паміж партыямі, магнаты, шляхта.

Паліталогія адносна маладая навука, але яе задача – падсумаваць веды пра сферу чалавечай дзейнасці, якая звязана з рэалізацыяй мэтай грамадскіх груп і сацыяльных інстытутаў, якія кіруюць грамадскімі адносінамі, ствараюць ўладны кантроль і саборнічаюць за ўладу. Менавіта гістарычны вопыт дае магчымасць асэнсаваць метады і прыёмы, якія могуць выкарыстоўвацца для ўздзеяння на грамадскасць для дасягнення пэўных інтарэсаў. Гістарычныя даследаванні з прыцягненнем звестак паліталогіі з аднаго боку дазваляюць больш глыбока аналізаваць тыя ці іншыя падзеі, з другога – ужо рэалізаваны гістарычны вопыт можа дапамагчы рабіць прагнозы для сённяшняга часу.

Негледзячы на тое, што ў XVIII ст. яшчэ не існавала паняцця “палітычныя тэхналогіі” і ўвогуле навукі пра палітыку, метады палітычных тэхналогій актыўна ўжываліся падчас магнацкай барацьбы за ўладу. У азначаны перыяд шырока ўжываліся самыя разнастайныя захавы для рашэння палітычных задач. Гэта ілюструюць канкрэтныя гістарычныя падзеі.

Па вызначэнню палітолага А.І. Салаўёва, палітычныя тэхналогіі ўяўляюць сабой сукупнасць паслядоўна ўжытых працэдур, прыёмаў і спосабаў дзейнасці, скіраванай на найбольш аптымальную і эфектыўную рэалізацыю мэтай і задач суб’екта ў пэўны час і ў пэўным месцы [5, с.326]. Такім чынам, у лік палітычных тэхналогій можна залічыць усе метады палітычнай барацьбы, якія выкарыстоўваюць палітыкі. У тым ліку і тыя, якія з сучаснага пункту гледжання не з’яўляюцца законнымі. Так, напрыклад, падкуп таксама ўваходзіў у лік палітычных тэхналогій.

У часы Рэчы Паспалітай пры барьбе за ўладу найбольш актыўна прымяняліся тры наступныя прыёмы палітычных тэхналогій :

1. Подкуп, які з’яўляўся неад’емным элементам соймаў Рэчы Паспалітай. З яго дапамогай магнацкія групы маглі схіляць дэлегата да прыняцця пэўнага закона. Таксама метады мог выкарыстоўвацца на роўна супрацьлеглыя мэты. Можна было падкупіць усяго аднаго дэпутата сойма і карыстаючыся правілам “*Liberum veto*”, увогуле сарваць паседжанне цалкам. Так, за 112 гадоў існавання закона, было скасавана 73 соймы.

2. Агітацыя, якую актыўна прымянялі падчас крызісных сітуацый ці каралеўскіх выбараў.

3. “Чорны піяр”, або “чорная агітацыя” – метады, скіраваны на дыскрэдытацыю пэўных асобаў ці груповак.

Подкуп як палітычны сродак дасягнення пэўных мэтаў ужываўся часцей за ўсе астатнія. Уліваючы тагачасную сістэму ўлады Рэчы Паспалітай з правілам “ліберум вета”, варта было толькі вызначыць кандыдатуру таго пасла, якога патрабавалася падкупіць. Асабліва эфектыўным такі сродак быў прымяняльна ў дачыненні да прадстаўнікоў дробнай шляхты, якія гіпатэтычна маглі заняць уплывовае становішча ў дзяржаве. Атрыманья грошы яны маглі выкарыстаць у будучыні для заснавання новай магнацкай дынастыі.

Адным з найбольш цікавых выпадкаў, які ў далейшым стаў вырашальным для лёсу дзяржавы, з’яўлецца элекцыйны сойм 1764 г. На ім з дапамогай подкупу дэпутатаў ў памеры некалькі мільёнаў рублёў (з рук пасла Расійскай Імперыі) быў абраны былы амбасадор Рэчы Паспалітай у Расіі Станіслаў Аўгуст Панятоўскі. Трэба адзначыць, Панятоўскаму пашанцавала. Пасля смерці папярэдняга караля, Аўгуста III, шляхта рыхтавалася абраць яго сына Фрыдрыху Крысціяна, але той неўзабаве пасля смерці бацькі памёр і сам. У сваю чаргу сын Фрыдрыху Крысціяна – Фрыдрых Аўгуст быў непаўналетнім і таму не мог удзельнічаць у выбарах караля [1, с.52]. Такім чынам, асаблівай канкурэнцыі на пасаду караля Рэчы Паспалітай не было і прыхільнікам Панятоўскага заставалася толькі выплаціць грошы на подкупы “хістаўшымся” паслам.

У часы Рэчы Паспалітай не ўжывалася паняцце “агітацыя”. Але прадпрымаліся захады скіраваныя на перакананне дэлегатаў сойма для прыняцця палітычных рашэнняў. Шырока ўжываліся так званыя “інструкцыі”. Гэта былі створаныя па адмысловым шаблоне лісты да дэлегатаў соймаў, якія займалі нейтральную пазіцыю ў дачыненні абмяркоўваемых праблем. З дапамогай інструкцый яны павінны былі схіліцца да аднаго з варыянтаў галасавання. Такія інструкцыі выкарыстоўвалі не толькі дэлагаты соймаў, ці ініцыятары абмеркаванняў пэўных пытанняў сойма, але і прадстаўнікі замежных краін, напрыклад, амбасадоры і генералы. Так, імі карысталіся прадстаўнікі Расійскай Імперыі і Аўстрыйскага Эрцгерцагства.

Інструкцыі маглі змяшчаць розныя заклікі і патрабаванні, якія па большай частцы былі неабавязковымі да выканання. Аднак, у асобных выпадках заклік падпарадкавацца інструкцыі з’яўляўся “добраахвотна-прымусовым”. У крытычныя моманты за невыкананне інструкцый іх аўтары-ініцыятары маглі публічна абвінаваціць правініўшага дэпутата сойма.

У 1733 г. падчас павятовага перадэлеццыйнага сойма ў Лідзе, на якім выбіраліся дэлегаты на агульнакаралеўскі сойм, была выдана інструкцыя на 48 пунктаў ад гародскага старосты Юзэфа Сціпіона дэль Кампа да лідскіх паслоў. У самым першым пункце дадзенай інструкцыі выказвалася незадаволеннасць дзеяннямі лідскіх дэлегатаў на мінулым канкавацыйным сойме. На тым сойме адбывалася жорсткая барацьба паміж партыяй “Фамілія”(Патоцкімі і Чарытарыйскімі) і партыяй Радзівілаў, Сапегаў і Агінскіх. Фамілія пазначыла кандыдатам на пост маршалка сойма ад ВКЛ уласна Сцыпіона дэль Кампа, які быў адным з чатырох дэлегатаў ад Лідскага павету. Ён жадаў, каб яго калегі прагаласавалі за яго, для гэтага адправіў ім інструкцыю. Аднак, да здзіўлення Сцыпіона, лідскія паслы прагаласавалі ў поўным складзе за яго прамога канкурэнта. Больш таго, Сцыпіон праіграў. Таму крыўда на паслоў яшчэ больш узмацнілася. На наступным павятовым сойміку Сцыпіон вырашыў адпомсціць. У гэтых мэтах ён напісаў інструкцыю, каб яго крыўдзіцеляў на наступны сойм у якасці паслоў не адпраўлялі. Але дэпутаты сойма зрагавалі на гэта выключна негатыўна і Сцыпіон быў вымушаны ўцякаць з паседжання ад раз’юшаных шляхцічаў [2, с.113].

З выпадкаў выкарыстання «чорнага піяру» у Рэчы Паспалітай вылучаюцца падзеі 1700 – 1702 гг., якія адбываліся на паўночным усходзе Вялікага Княства Літоўскага. Тады ішла буйная магнацкая вайна паміж родам Сапегаў, якія на той час займалі найбольш уплывовыя пасады ў дзяржавы і мелі ў падчыненні вялікія ўладанні, і кааліцыяй магнатаў на чале з Радзівіламі, Пацамі, Агінскімі і Вішнявецкімі. Перавага ў змаганні была не на баку Сапегаў, паколькі іх праціўнікі мелі непараўнальную перавагу ў рэсурсах і людскіх сілах. Акрамя таго, супраць Сапегаў выкарысталі войска ВКЛ.

18.11.1700 г. каля вёскі Алькенікі адбылася вырашальная бойка, у якой армія Сапегаў была цалкам разгромлена, а кіраўніка войска Міхала Сапегу спачатку схапілі ў палон, а потым забілі. Пасля бітвы адразу пачаліся перамовы паміж ваюючымі бакамі, падчас якіх Сапегі не страчвалі надзей пакінуць за сабой хаця б частку былой моцы. Сапегі разглядалі варыянт запрашэння шведскай арміі ў ВКЛ з мэтай іх ваеннай падтрымкі.

Па гэтай прычыне перамовы паміж партыямі перараслі ў з’езд шляхты ўсёй ВКЛ, які ж адбываўся з ўзгаднення караля Рэчы Паспалітай Аўгуста II. З’езд ішоў у Ружанах – рэзідэнцыі Сапегаў і доўжыўся чатыры дні, але на ім так і не атрымалася ўзгадніць дамову аб прымірэнні. Тады былі вырашана правесці наступны з’езд, ужо ў сталіцы ВКЛ – Вільні, але і на ім нічога не

вырашылася. Адбылося яшчэ два з'езды, падчас якіх Сапегі змаглі толькі яшчэ больш пасварыцца са сваімі праціўнікамі і нават нейтральнай шляхтай, бо пачалі патрабаваць вяртання свайго даваеннага становішча. Урэшце цяргненне ў кааліцыі закончылася.

Яшчэ пасля бітвы пад Алькенікамі была заключана дамова аб перадазеле маёмасці Сапегаў паміж Радзівіламі, Вішнявецкімі, Пацамі і Агінскімі, умовы якой пачалі здзейсняць. Калі Сапегі запрасілі перамоў, выкананне патрабаванняў дамовы прыпынілі [4, с.61]. Але, калі стала зразумела, што мірнай дамовы ўсё ж не будзе, адбыўся пяты з'езд шляхты, ужо без Сапегаў. На ім выйшла новая дамова аб падзеле маёмасці, якую падтрымала большасць літоўскай шляхты [4, с.63].

Сапегі, даведаўшыся што хутка пазбавяцца амаль ўсёй маёмасці, прынялі рашучыя меры. Страціўшы ўсю армію акрамя гарнізонаў асобных фартэцый (кштальту Старога Быхава), Сапегі вырашылі мабілізаваць уласных сялян. Сялянам давялі пра тое, што іх землі чакае лёс перадазелу паміж іншымі магнатамі. У сваіх прамовах Сапегі распавядалі пра жудасныя ўмовы жыцця і моцны прыгнёт сялянаў на тых землях, якія маюць іх ворагі. Таму сялян заклікалі ўзяцца за зброю і падняць узброенае паўстанне. Сялянская рэакцыя была такой, як і задумвалася: 40 тысяч сялян пачало стыхійныя напады на войскі антысапегаўскай кааліцыі, якія ўжо ўвайшлі на сапежынскія землі [3, с.56].

Да таго часу Рэч Паспалітая і Швецыя паспелі пачаць баявыя дзеянні на мяжы дзяржаваў. Улічваючы тое, што Сапегі мелі цесныя сувязі з каралём Швецыі, сялянская армія гіпатэтычна магла каардынаваць дзеянні з шведамі. А сама колькасць паўстанцаў нават пераважала памеры шведскай арміі. І гэта ўяўляла небяспеку ўжо для ўсёй Рэчы Паспалітай, а не толькі для літоўскай магнатэрыі. Таму на барацьбу з сялянскім паўстаннем было вырашана адправіць усе магчымыя сілы, якія толькі былі. Частка войск была знята з шведскага тэатру баявых дзеянняў, такім чынам, аблегчыўшы шлях шведам углыб ВКЛ.

Тым не менш, такія рашэнні паспрыялі стрымліванню сялянскага руху. З новымі падмацаваннямі атрымалася захапіць ці прымусіць да капітуляцыі апошнія замкі Сапегаў. З спыненнем іх супраціву суцішылася і паўстанне сялян.

Негледзячы на паразу паўстання, зацягванне барацьбы дала магчымасць усім Сапегам збегчы з Рэчы Паспалітай. Акрамя таго, з-за паслаблення каралеўскай арміі, якую першапачакова планавалася

выкарыстаць супраць шведаў, апошнія занялі большую частку Рэчы Паспалітай. Захопленыя землі шведы аддалі Сапегам.

Калі пасля Палтаўскай бітвы шведская армія адступіла з ВКЛ, у “рэспубліканцаў” ужо не было сіл на чарговы этап магнацкай барацьбы. Таму ў 1710 г. была падпісана дамова, па якой Сапегі пакідалі за сабой большую колькасць уладанняў, хоць аб былой магутнасці рода размовы не ішло.

Такім чынам, у гістарычнай перспектыве дадзены крок па стварэнню “чорнага піяра”, які з першага погляду выглядаў несумненнай аванцюрай, стаў для Сапегі выратавальным. Род захаваў адно з вядучых месцаў сярод магнатэрыі Рэчы Паспалітай.

Спіс літаратуры

1. Грыцкевіч, А. Старонкі нашай мінуўшчыны / А.Грыцкевіч. – Мінск: Кнігазбор, 2009. – 468 с.

2. Мацук, А.У. Грамадска-палітычнае жыццё Вялікага Княства Літоўскага ў часы бескаралеўя 1733-1735 гг. / А.У. Мацук. – Мінск : Беларуская навука, 2020. – 366 с.

3. Мацук, А.У. Полацкі кашталян Мікалай Шэмет у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай у першай трэці XVIII стагоддзя. / А.У.Мацук // Вестник Полоцкого государственного университета : научно-теоретический журнал. – 2016 . – № 9 . – С. 55 – 61.

4. Віцько, Д. Рэспубліканска-сапежынскія перамовы на з’ездзе ў Горадні восенню 1701 г. / Д. Віцько // Беларускі гістарычны агляд. – 2011. – Сшыткі 1–2 (34–35). – с. 61 – 93.

Соловьев, А. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов / А.И. Соловьев. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 559 с.

Брилёва Т. И., студентка III курса

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1921 – 1939 ГГ.

Научный руководитель:

А. Е. Веремейчик,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается процесс градостроительства на территории Западной Беларуси в 1921–1939 гг. Исследование темы базируется на анализе работ отечественных историков, которые только начинают активно изучать данную проблематику. Приведена информация об основных направлениях деятельности

польского правительства в области градостроительства, проанализирована стилистика архитектурных объектов и городская инфраструктура Западной Беларуси в межвоенный период.

Ключевые слова: Западная Беларусь, 1921–1939 гг., градостроительство, авангард, неоклассицизм, урбанизация, колонии.

С подписанием Рижского мирного договора территория Западной Беларуси вошла в состав Польской Республики. После разрушительных сражений Первой мировой и советско-польской войн городская инфраструктура Западной Беларуси находилась в плачевном состоянии. Поэтому перед польским правительством стала задача – восстановить городскую инфраструктуру новоприсоединенных земель.

Основными направлениями деятельности польского правительства в области градостроительства являлись: электрификация, проведение систем канализации и водоснабжения, мощение дорог и прокладывание новых путей сообщений. Особое внимание было уделено мощению дорог: так к 1938 г. в Бресте-над-Бугом было вымощено 78 % улиц [3, с. 128]. Были достигнуты определенные успехи в электрификации: к концу 1930-х гг. во всех западнобелорусских городах имелось электрическое освещение.

Остался нерешенным вопрос развития путей сообщения между населенными пунктами, городами. Крупные города воеводств имели слабо развитые транспортные коммуникации: воеводские центры были связаны с другими городами воеводства сетью грунтовых дорог и веткой узкоколейной железной дороги.

Важным моментом является начало развития автомобильного сообщения. Автобусные маршруты связывали между собой не только крупные города воеводств, но и выходили за пределы воеводства. Уже к 1929 г. на территории Новогрудского воеводства насчитывалось более 30 постоянных автобусных линий. В 1930 г. Брест-над-Бугом был связан с другими городами 25 автобусными маршрутами [2, с. 145]. Как правило, в самих городах не существовало внутренних маршрутов, перевозки осуществлялись такси и гужевым транспортом.

Городская инфраструктура Западной Беларуси в межвоенный период нуждалась в постройке зданий общественного назначения: банков, магазинов, больниц, театров, почтовых отделений, развлекательных заведений и зон отдыха. На градостроительство Западной Беларуси 1921–1939 гг. оказало сильное влияние европейская архитектура межвоенного периода: авангардные концепции на фоне существования неоклассических

тенденций, возрождение национальных традиций в градостроительстве. В гражданской архитектуре Западной Беларуси межвоенного периода активно начало распространяться архитектурное направление Ар-Деко, которое постепенно сливалось с авангардом, доминировавшим в 1920-х – начале 1930-х гг., и неоклассическим направлением, возродившимся в 1930-х гг.

Неоклассический архитектурный стиль преобладал в застройке государственных учреждений. Архитектурные сооружения в неоклассическом стиле можно увидеть в Гродно, Пинске, Новогрудке, Лиде, Щучине, Барановичах. Модерн и эклектика были популярны в частной и городской жилой застройке в 1920–1930-х гг. Национальные традиции воплотились в усадебной застройке, которая зачастую сочетала в себе барокко, классицизм, готику или модерн. Особенности традиционной усадебной застройки в сочетании с разными архитектурными стилями прослеживаются в застройках Новогрудка, Воложина, Браслава, Слонима, Глубокого, Бреста [1, с. 350].

Если в 1920-е гг. наблюдалось сильное влияние неоклассических тенденций и национальных традиций, то уже в 1930-е гг., как уже было упомянуто, в городской архитектуре распространяется, влияние Ар-Деко. Примечательные примеры авангардной архитектуры и стиля Ар-Деко можно найти в Бресте, Гродно, Пинске, Новогрудке, Лиде, Барановичах [5, с. 33]. Среди известных архитекторов застроек в западных регионах Беларуси межвоенного периода – Ю. Клос, Ю. Лисецкий, С. Филасевич, С. Ильесняк, А. Дубанович. Центр строительства на восточных рубежах Польской Республики находился в Бресте-над-Бугом.

В связи с активизацией процесса урбанизации, увеличения численности городского населения за счет перенаселения из маленьких городов и деревень, а также миграции жителей исследуемого региона, возрастала потребность в жилищном строительстве. Все это влекло за собой и изменение планировки как самого города, так и отдельных городских кварталов. Акцент в градостроительной политике был сделан на постройку больших жилых кварталов. В межвоенное время возводились двухэтажные многоквартирные дома, также сохранялась частная застройка с отдельными хозпостройками. Примечательным фактом является то, что и при индивидуальном, и при многоквартирном строительстве сохранялся в планировке здания двор, который использовали для хозяйственных нужд.

В первой половине 1920-х гг. в жилищном градостроительстве Западной Беларуси продолжали использоваться традиционные направления в сочетании с неоклассикой, эклектикой, элементами готики, модерна,

барокко. При этом в усадебной застройке сохранялись национальные традиции. Одной из распространенных тенденций в жилищном строительстве являлось возведение жилых поселков, районов, кварталов, рассчитанных на удовлетворение минимальных жилищных требований [1, с. 352]. Как правило, возводились малогабаритные квартиры с использованием новых конструкций и материалов: монолит, бетон, металлический каркас, сборные бетонные панели. Подобные многоквартирные дома, возведенные в Бресте, Гродно, Новогрудке, Пинске [5, с. 55].

Для решения проблемы расселения польских переселенцев было развернуто строительство специальных комплексов административных и жилых зданий – так называемых колоний-кварталов – закрытых кварталов, которые представляли собой ансамбль построек, выполненных в едином архитектурном стиле. Такие кварталы-колонии были построены в Новогрудке, Барановичах, Воложине, Несвиже, Лиде, Гродно. Особое внимание привлекает квартал-колония им. Г. Нарutowича в Бресте-над-Бугом. Колония представляла собой 13 деревянных и каменных жилых домов. Строительство вели инженеры фирмы из Познани, под общим руководством Полесской Дирекции восстановительных работ. Автором проектов ряда зданий был знаменитый варшавский архитектор Ю. Лисецкий. Он предложил концепцию города-сада. Город-сад разделялся на три части, или колонии. Самая крупная – колония имени первого президента Польши Г. Нарutowича. Вторая колония называлась «Гартак» и третья колония – «Схрониско» [3, с. 129].

Важным отличием между градостроительством межвоенного периода Восточной и Западной Беларуси является отсутствие в западнобелорусской архитектуре общего социокультурного пространства. Кроме того, следует обратить внимание на то, что, в отличие от восточных областей, на территории Западной Беларуси межвоенного была сформирована собственная архитектурная школа. Архитектурной особенностью городского градостроительства Западной Беларуси в 1921–1939 гг. также является строительство частных особняков, вилл в черте города.

Список литературы

1. Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславян. і еўрап. кантэксте. У 4 т. – Т. 4, кн. 2. Архітэктура XX – пачатку XXI ст. / А.І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – С. 336–506.

2. Гродназнаўства: дапаможнік па курсе «Краязнаўства» для студ. / А. П. Госцеў [і інш.]; Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. Я. Купалы; пад агульнай рэд. В. Р. Карнелюка, В. В. Шведа. – Гродна: ГрДУ, 2009. – С. 220–254.

3. Купцова, В.Г. Я иду по городу, по знакомой мне улице: путешествия по улицам довоенного и современного Бреста / В.Г. Купцова – Брест: Альтернатива, 2008. – С. 123–155.

4. Морозов, Е.В. Основные направления в архитектуре Западной Беларуси 20 – 30-х годов XX века / Е.В. Морозов // Архитектурные тетради: сб. науч. тр. / Белорус. нац. технич. ун-т. – Минск, 2004. – Вып. 1: Современные проблемы архитектуры и стратегия архитектурного образования. – С. 85–89.

Шамрук, А.С. Архитектура Беларуси XX – начала XXI в: эволюция стилей и художественных концепций / А.С. Шамрук. – Минск: Белорус. наука, 2007. – С. 23–133.

Бубенец А. В., студентка III курса

НОРТХЕМПТОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Научный руководитель:

И. О. Евтухов,

доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Создание университета – закономерный процесс в ходе развития различных корпораций. Университет в Средние века представлял собой правовую, экономическую и культурную структуру, имевшую определенные характеристики. После 1167 г. английские университеты обособились от континентальных, создав собственную модель развития. Тон при этом задавали Оксфорд и Кембридж. Цель исследования – выявить, совпадала ли университетская модель Нортхемптонского (третьего английского средневекового университета) с Оксфордской и Кембриджской. Результаты исследования могут быть полезны при изучении специфических черт средневековых университетов (отличия в правовом статусе, особенности функционирования).

Ключевые слова: средневековый университет, Нортхемптон, средневековый город, школяры, студенты, английские университеты, Оксфорд, Кембридж, миграция студентов.

Первое упоминание о школе в Нортхемптоне относится к концу XII в. Оно связано с возможным обучением Джона, клирика Элеоноры, королевы Испании, в Нортхемптонской школе в 1176 г. [6, р. 120]. Речь идет, предположительно, об Элеоноре Английской, дочери Генриха II

Плантагенета, жене Альфонсо VIII, королеве Кастилии и Толедо. Однако сохранившиеся фрагменты не дают возможности установить мотивы приезда клирика в школу, стоявшие перед ним задачи. В действительности, можно сделать вывод лишь о существовании школы в Нортхемптоне в это время.

Более подробная информация сохранилась о Джоне из Дустона. Этот священник, представитель монастырской общины св. Андрея, был направлен архидьяконом на обучение в Нортхемптонскую школу: «...указанный Джон был направлен посещать Нортхемптонскую школу и учиться, и в конце года он должен вернуться к архидьякону для демонстрации того, как он там преуспел» [8, р. 171]. Данный отрывок может указывать на экзамен (демонстрацию знаний), проводившийся вне стен (?) школы.

О формах проверки знаний в документе прямо не говорится, так же не указываются сроки обучения. Можно предположить, что сроки определялись не конкретными временными рамками, а скоростью усвоения изученного материала. Завершением обучения была демонстрация знаний.

Начало Нортхемптонского университета, созданного на базе школы, связано с инцидентом, сохраненном английским хронистом Томасом Улсингемом. Историк сообщает, что Отто, легат святого престола, Оксфорда «был подвергнут нападению школяров, укрывшихся в колокольне». По распоряжению легата оксфордские школяры были отлучены от церкви. Занятия в университете остановлены. Школяры и магистры, покинувшие Оксфорд, направились для продолжения своей деятельности в Солсбери и Нортхемптон [11, р. 59].

Прибытие школяров и магистров в Нортхемптон создало необходимые условия для преобразования существовавшей школы в университет. При этом были необходимы два взаимосвязанных условия: добрая воля горожан и юридическое оформление нового учебного заведения.

Инициатива исходила от королевской власти. В хартии 1261 г., адресованном горожанам Нортхемптона, говорилось: «Приказываем вам твердо распорядиться, чтобы вы удерживали школяров, когда они приезжают жить в город, упомянутый выше, как рекомендовано нами, и принимайте их обходительно, и поддерживайте их, как сословие школяров требует; не ставьте и не допускайте, чтобы им оказывалось какое-либо препятствие, нападение или недовольство ими» [11, р. 158]. На источник инициативы указывают слова «рекомендовано нами». На выделение

учащихся в отдельную корпорацию горожан с определенными правами и привилегиями указывают слова «сословие школяров».

Так школяры и мастера становятся частью городского населения с определенными привилегиями: они получают отдельное место проживания, где им позволено «упражняться и делать то, что касается их», но при этом находятся под охраной не городской, но королевской власти. В тоже время горожане обязаны «удерживать» студентов и преподавателей в городе, то есть создавать им условия для комфортного проживания.

Спустя несколько лет школяры выступили против короля. Речь идет о событиях 1264 г. в рамках второй баронской войны между армиями Симона де Монфора с одной стороны и короля Генриха III и его сына, принца Эдуарда, с другой. Источник сообщает, что школяры имели большой успех, нежели баронские силы «со своими пращами, луками и самострелами (баллистами)» [5, р. 266], а также под «свой собственный флаг, который они высоко держали против короля» [5, р. 267]. Данное событие настолько разозлило Генриха III, что тот поклялся повесить всех повстанцев.

Тем не менее после взятия города выполнять приказ короля о казни школяров не спешили, поскольку в Нортхемптонском университете учились в том числе родственники приверженцев королевской партии. Наказание последних могло вызвать волну негодований в обществе. Это обстоятельство демонстрировало высокий социальный авторитет университета, что продлило его существование еще на один год.

Однако конкуренция нового университета с Оксфордом вынудила Генриха III издать хартию об устранении Нортхэмptonского университета. Ситуация полностью возвращалась к 1261 г. Король предписал горожанам, «чтобы вы не позволили ни одному студенту остаться там иначе чем, было принято до создания указанного университета» [2, р. 527].

В качестве причины закрытия Нортхемптонского университета Генрих III указал, что Оксфордский университет был более древним и уважаемым.

Таким образом, Нортхемптонский университет сформировался по образу и подобию уже существовавших английских университетов, перенимая их традиции и принципы.

1. До создания университета в Нортхемптоне функционировала школа.

2. Оксфордский университет создали мигранты из Парижа, Кембриджский – мигранты из Оксфорда, Нортхемптонский – мигранты из Кембриджа.

3. Система образования при миграциях не изменялась.

4. Статус университета дала королевская власть в 1261 г. (она же этот статус отменила в 1265 г., отмена была отменена в 2005 г.).

Список литературы

1. Close rolls of the reign of Henry III. Preserved in the Public Record Office. A.D. 1264–1268. L.: for H.M. Stationery Off., 1937. – 662 p.
2. Close rolls of the reign of Henry III. Preserved in the Public Record Office. A.D. 1227–1231. L.: for H.M. Stationery Off., 1937. – 586 p.
3. Cobban A. B. English University Benefactors / A. B. Cobban // History. Vol. 86. – 2001. – P. 288–312.
4. Hackett, M.B. The original statutes of Cambridge University: The text and its history / M. B. Hackett. – Cambridge: CUP, 1970. – 403 p.
5. Knyghton, H. Chronicon / Henry Knyghton. – L.: for H.M. Stationery Off., 1889. – 479 p.
6. Leach, A. F. Educational Chapters and Documents 598 to 1909 / Arthur F. Leach. – Cambridge: at the University Press, 1911. – 573 p.
7. Mol, J. "Emo", in Encyclopedia of the Medieval Chronicle, / J. Mol // ed. Graeme Dunphy and Cristian Bratu, 2016. – Consulted online on 11 November 2019.
8. Rotuli Hugonis de Welles. Vol. 2. – L.: for the Canterbury and York Series, 1907. – 347 p.
9. Sager, P. Oxford and Cambridge: An Uncommon History / P. Sager. – Thames and Hudson Ltd, 2005. – 438 p.
10. Thackrah John Richard. The university and colleges of Oxford / John Richard Thackrah. – Dalton, 1981. – 152 p.
11. Walsingham, Th. Ypodigma Nevstriæ, vel Normanniæ / Th. Walsingham. – L., 1574. – 204 p.

Воропаев Е. Д., студент III курса

СОВЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Научный руководитель:

И. С. Маховская,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье представлен краткий обзор антропологии повседневности советского общества, а также на основе культуры досуга советского гражданина предложен пример антропологического анализа.

Ключевые слова: антропология повседневности, советское общество, досуг, советский гражданин, бытовая жизнь, идеология.

В ответ на актуальный вопрос «Зачем нам прошлое, если необходимо думать и говорить о настоящем?» самые разные специалисты из области исторического знания и других междисциплинарных наук создали и сконструировали особый набор концептов и понятий. Часто эти концепты и понятия можно встретить в публичном обсуждении, которое существует довольно далеко от наукоёмкого разговора. Особенно часто всплывает понятие ностальгии. Ностальгия, исходя из определения антрополога Светланы Бойм, это «способ превращения исторического времени в мифологическое пространство» [1, с. 27]. Под «историческим временем» подразумевается такое время в прошлом, относительно которого у исследователей имеются определенные факты, или же наоборот фактоиды, с помощью которых собирается, пересобирается, наполняется различными смыслами, в зависимости от желаний и стремлений, «мифологическое пространство».

Подобными «мифами», по мнению ведущих антропологов, окутана советская повседневность. Как пишет, тем самым резюмируя идеи, высказанные ведущими антропологами советской действительности Юрчаком А. В. и Лебиной Н. Б., С. Бойм: «Повседневность – это наше хорошо забытое настоящее. Это всё, что избегает анализа, не требует рефлексии и раздумья, а как бы само собой разумеется. Эта самоочевидность повседневности делает её неуловимой» [2, с. 10]. Таким образом получается, что повседневность – это одновременно и фон, который обрамляет наши действия, и среда, в которой эти действия происходят. При этом, поскольку общество находится в пределах этой повседневности и его нельзя просто так «изъять» из среды, исследователям сложно распознать реперные точки, с которых начинаются те или иные события. В повседневности будто бы ничего не начинается и не заканчивается, а лишь продолжается.

Именно подобная вневременность позволяет антропологам советской повседневности понять, каким образом обычные, бытовые действия и поступки людей формировали или отражали этику и эстетику того, что можно было и что нельзя было делать. Можно понять и то, как люди изменялись под воздействием политической системы и её идеологической структуры. И наконец, изучая советскую повседневность, можно увидеть,

каким образом люди обходили те или иные запреты, воздвигаемые в том числе и самим обществом.

Было бы неправильно предполагать, что целью антропологии советской повседневности является только разработка теории, исходя из которой учёным становится более ясно социальное устройство общества данного периода. Исследователи данной сферы занимаются скорее конструированием знания, через которое можно соотнести себя, свою жизнь и свою реальность с реальностью предыдущих поколений. Зачастую с помощью исследований можно увидеть определённые сходства, которые вовсе не говорят о том, что постсоветские люди жили по лекалам советской идеологии, а скорее о том, что становление советской власти на протяжении десятилетий было неразрывно связано со становлением области частной жизни, так как создание советского человека («Homo soveticus») требовало не только создания идеологии, но и «заземления» этой идеологии в бытовую жизнь: в бараки, коммунальные квартиры, на заводы, в НИИ – то есть во все учреждения, во все социальные институты и во все сферы жизни, которые так или иначе были связаны с человеком [3, с. 394].

Маленькие революции происходили одновременно, везде и всегда, однако люди их поначалу не замечали, а затем воспринимали как норму. По выражению А.В. Юрчака: «Повседневность тавтологична, чрезмерно знакома и потому невидима» [5, с. 113]. Как пример, домашняя обстановка советского человека, поначалу наполненная мелкими предметами (от разнообразной утвари до рюшек) для создания своеобразного уюта, избавляется от всего лишнего как «мещанского». Подобная незначительная деталь с очищением домашнего хлама, на самом деле так или иначе шла параллельно с обустройством сурового коммунального быта в целом [4, с. 253].

Однако сами исследователи, говоря об определённой дихотомии советского человека, его приверженности либо к нонконформизму, либо к всецелому конформизму, замечают, приводя интервью с респондентами, подспудную борьбу с идеологической системой, появление намерения у каждого человека индивидуальной кастомизации, обустройства своего пространства [4, с. 280].

Особый интерес в плане подобных небольших по своей сути изменений представляет личная жизнь советского человека, то, как он проводил своё свободное время, как общался со своими близкими, чем увлекался и чем занимался. Важным является то, что понятия «конформизм / нонконформизм», «внутри системы» / «протест системе», предполагающие

существование двух полюсов советской жизни, где человек либо за, либо против идеологического давления, попросту не подходят для рассмотрения личного досуга человека.

Как в массовых мероприятиях, так и в частных прослеживается тенденция на снижение влияния идеологии советского государства от масштабных к личным. В различных демонстрациях и государственных праздниках, летнем отдыхе молодёжи и многих направлениях культуры влияние неоспоримо. Оно влияло на человека на нескольких уровнях: как массовом, когда невозможно было не участвовать в определённом мероприятии из-за давления общества, так и в наказуемом плане, когда за неучастием следовала реакция государства.

Интересным становится и тот факт, что зачастую идеология, используя реальные желания населения, создавала некую свою форму, в виде празднования Дня Победы с парадами военной техники или Нового года в костюмах красноармейцев и восхвалением глав государства. Для советского гражданина такая подмена была почти незаметна, так как из-за малого числа развлечений люди одобрительно воспринимали всё, что государство им предлагало, тем самым формировался дополнительный канал идеологического влияния.

Удивительна и форма неподчинения подобной политике, которая заключалась не просто в виде активного высказывания недовольства из-за запрета интересных советскому человеку книг или фильмов, а в осознанном поиске путей обхода с помощью хитрости данных препятствий. По своей сути происходил процесс «тихого» протеста против государственного влияния на досуг человека. Отчасти он работал, как в случаях с прослушиванием иностранного радио или просмотром запрещённых фильмов, но часто идеологическая подоплека, как например, в спорте, не замечалась советскими людьми.

Актуальность изучения культуры повседневности демонстрирует невероятный интерес к человеку, социальному и антропологическому познанию. Исследование повседневности заставляет увидеть длинные промежутки истории, разобраться в мелочах жизни, в негероическом повседневном выживании. Изучение повседневного быта, изучение того пространства, в котором человек совершает пусть и абсолютно рутинные, но каждодневные действия, даёт очень много пониманию того, как в действительности выглядела историческая эпоха и тем самым помогает нам намного лучше понять кто мы есть сегодня и сейчас.

Список литературы

1. Бойм, С. Будущее ностальгии / С. Бойм. – Москва: Новое литературное обозрение, 2019. – 680 с.;
2. Бойм, С Общие места. Мифология повседневной жизни / С. Бойм. – Москва: Новое литературное обозрение, 2002. – 320 с.
3. Лебина, Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина – Москва: НЛО, 2014. – 434 с.;
4. Лебина, Н.Б. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917-1991 / Н. Б. Лебина — Москва: НЛО, 2018. – 364 с.;
5. Юрчак, А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / А. В. Юрчак. – Москва: НЛО, 2016. – 457 с.

Кочанова А.Д., студентка III курса

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ МУЖСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В БЕЛАРУСИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Научный руководитель:

И. С. Маховская,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассмотрены особенности конструкции мужских традиционных головных уборов в Беларуси в XIX – начале XX вв., влияние причёски на их ношение, а также описаны правила, связанные с ношением шапок и других головных уборов.

Ключевые слова: белорусский традиционный костюм, традиционный мужской головной убор, селянский головной убор.

В мужском комплексе костюма важное место занимают головные уборы, которые завершают костюмный образ. Головные уборы выполняли не только утилитарные функции защиты от солнца или непогоды, но и ряд других функций, среди которых важной была функция очерчивания социальной принадлежности. По головному убору можно было определить этнос, регион проживания человека, к которому он принадлежал, его возраст, социальное положение, иногда – профессию.

Существовали особые правила, связанные с ношением шапок и других головных уборов. Например, при посещении храма, при входе в дом или в зал суда мужчина обязательно должен был снимать свой головной убор. Такое же действие следовало совершить при встрече с более знатными

людьми или духовными особами. Человека, который сбил шапку с головы другого мужчины, ждало осуждение со стороны коллектива.

Жители Беларуси носили тёплые головные уборы, потому что зима была длинной и суровой, осень и весна – дождливыми и холодными, а лето – нежарким. Наличие большого количества лесов и животных в них (волки, медведи, куницы, белки, лисицы, бобры и т.д.) играло большую роль, так как из шкур диких животных в основном и изготавливались как мужские, так и женские головные уборы [1, с. 303].

Одним из факторов, который влиял на ношение головного убора, была причёска. В конце XIX – начале XX веков была распространена короткая стрижка, что значительно упрощало ношение головных уборов. Мальчики и юноши стриглись коротко, спереди делали боковой пробор слева-направо или же носили чёлку. Пожилые селяне носили длинные волосы с прямым пробором, ровно кругом подстриженные, а также бороду и усы. Во время работы на поле длинные волосы подвязывались лентой [2, с. 155 – 156].

Белорусам были известны различные типы головных уборов: шапки из ткани, меха, соломы, войлока, а также вязаные шапки. Материал шапки выбирался в зависимости от времени года, на протяжении которого головной убор должен был носиться. Вязаные головные уборы также были распространены на территории Беларуси. Чаще всего они изготавливались из льняной или шерстяной пряжи в форме колпака или полушария.

Ещё со времён средневековья среди жителей как деревень, так и городов была распространена *магерка*. Такой тип головного убора имел множество локальных названий: *валёнка*, *маргелка*, *каўпак*, *брыль* и др. Некоторые исследователи считают, что данный вид убора появился во времена Речи Посполитой при Стефане Батории и имел венгерское происхождение [2, с. 150]. Только к XIX веку этот головной убор стал исключительно крестьянским. *Магерки* изготавливались из первой шерсти ягнят в виде колпака, усеченного конуса, цилиндра с вогнутым или выпуклым верхом [3, с. 90]. Цвет шапки зависел от шерсти, из которой она сделана, и мог быть как белым, так и чёрным или серым [2, с. 156 – 157].

Определённое место среди селянских головных уборов занимал *брыль*, или *капялюш*. Головной убор такого типа изготавливался из войлока тёмно-серого, коричневого или чёрного цветов с загнутыми полями. Носили же *брыль* как зимой, так и летом. Часто украшением *капялюша* служили конские волосы, из которых делали тесьму и вплетали в неё частички красного или синего сукна [2, с. 158]. Н.Я. Никифоровский отмечал, что на

Витебщине *брыль* украшался не только тесьмой, но и яркой лентой [4, с. 113].

Летом мужчины предпочитали носить *капялюш*, изготовленный из соломы. В некоторых регионах такой головной убор имел название *брыль*. П.В. Шейн отмечал, что соломенные и лозовые *капялюшы* носили чаще всего беднота и пастухи. Причём пастухи, которые имели достаточно свободного времени, изготавливали такие шляпы на продажу [5, с. 73]. Плелась шляпа из соломы, камыша, ситника или лозы. Поля шляпы могли быть до 15 сантиметров шириной, изделие украшалось лентами или тесьмой. Во время праздников шляпы декорировались цветами. Недостатком использования *брыля* была их непрочность, из-за чего шляпы редко служили своему владельцу больше одного сезона [2, с. 158].

Летом и мужчины, и дети предпочитали носить такой фабричный головной убор, как *картуз*, или фуражка. Изготавливалась такая шапка из окрашенной фабричной ткани, а также из вельвета или плиса с подкладкой и твёрдым козырьком. Иногда *картуз* делался из соломы с помощью конского волоса [2, с. 160 – 161].

Зимними головными уборами, распространёнными на территории Беларуси, служили меховые шапки (*кучма, кучомка, кучонка*). Также некоторые шапки изготавливались из сукна и имели меховой отворот. Распространено было три вида подобных шапок: круглые, с ушами и цилиндрической формы [2, с. 158].

Традиционным зимним головным убором у селян была шапка-ушанка, которая имела такие локальные названия, как *вышанка, зімка, аблавуха* и др. К полусферической основе пришивали четыре кусочка ткани – *вуха*. Передние и задние крылья шапки поднимались и подвязывались сверху, а боковые – под подбородком. Изготавливалась такая шапка из овчины или меха лисицы, зайца, волка или белки, вследствие чего такая шапка была очень тяжёлой и тёплой. Сверху мех покрывался сукном [2, с. 158–159]. Н.Я. Никифоровский в своей работе «Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности» отмечает, что такой тип шапок был распространён в Витебской губернии и имел пришивной меховой воротник, который поднимался вверх [4, с. 114].

Таким образом, наиболее распространёнными селянскими головными уборами были *брыль, капялюш, магерка, картуз*, а также *аблавуха*. Головные уборы изготавливались из различных материалов: *брыль*, или *капялюш*, мог изготавливаться как из войлока, так и из соломы; зимние

головные уборы производились из меха, а некоторые – из шкуры. Что же касается выбора головных уборов, то определяющим фактором здесь была причёска мужчины, которая у представителей разного возраста отличалась. Следует помнить, что в пошиве головных уборов прочно держались традиции предыдущих эпох. Однако со второй половины XIX века в деревню начинает проникать городская культура, вследствие чего деревенские головные уборы постепенно теряют традиционные особенности.

Список литературы

1. Белорусы / РАН, НАН Беларуси; ред.кол: В.А. Тишков [и др.]. – Москва: Наука, 1998. – с. 288 – 309. – (Серия «Народы и культуры»).
2. Бялявіна, В.М. Мужчынскі касцюм / В.М. Бялявіна, Л.В. Ракава // Беларускі касцюм / В.М. Бялявіна, Л.В. Ракава. – Мінск: Беларусь, 2017. – Гл. 2. – С. 10 – 245.
3. Васільева, А.Г. Традыцыйнае народнае адзенне паўночнага захаду Беларусі XIX – першай палавіны XX ст. / А.Г. Васільева. – Мінск: УФ «Беларуская дзяржаўная акадэмія мастацтваў», 2010. – 208 с.
4. Никифоровский, Н.Я. Очерки протонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности / Н.Я. Никифоровский. – Витебск: Губернская типография, 1895. – С. 103 – 133.
5. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3 т. / П.В. Шейн. – Санкт-Петербург: Типография императорской АН, 1887 – 1902. – Т. 3: описание жилища, одежды, пищи, занятий; препровождение времени, игры, верования, обычное право; чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверия, приметы и т.д. / П.В. Шейн. – 1902. – С. 40 – 53, 73 – 76.

Леончик А. В., студент III курса

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XV – XVI ВВ.

Научный руководитель:

С. С. Александрович,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена трансформации военного дела в Западной Европе в XV – XVI вв. Рассматривается ход изменений в военном деле, появление новых родов войск и изменение роли старых.

Ключевые слова: артиллерия, ордонансовые роты, ландскехты, швейцарцы, вагенбург, пикинёры.

XV – XVI вв. стали временем огромных изменений в военном деле. В этот период происходит смена доминирующего на поле боя рода войск. В дополнение к существующим родам появляется новый – артиллерия. Этот род войск кардинально преобразил ход боевых действий. Прежде всего изменилась протяжённость осад замков и крепостей. Старые крепостные стены более не выдерживали артиллерийскую бомбардировку. Это предопределило изменения в фортификации.

Гуситы впервые стали массово применять огнестрельное оружие, однако оно не играло главную роль в гуситской тактике. Более важное значение она обрела на завершающем этапе Столетней войны. Благодаря активному применению артиллерии французы смогли относительно быстро вернуть города и замки, захваченные англичанами [2, с.374]. Активную роль артиллерия сыграла в штурме Константинополя, завершившемся захватом столицы Византийской империи. Перезарядка орудий производилась с дульной части, а не с казённой. Это происходило из-за невозможности обеспечить надёжную изоляцию казённой части в момент выстрела.

Кавалерия в XV в. постепенно начинает терять своё господствующее положение на поле боя, хотя все еще остаётся значительной силой, которая могла кардинально менять ситуацию в сражении. В это время пальму первенства удерживает французская тяжёлая кавалерия – лучшая в Европе. Ордонансовые роты смогли совмещать мощный кавалерийский натиск и дисциплину. Численность 15 рот составляла около 1500 копий [5, с.30]. Каждое копьё в свою очередь состояло из 6 человек: жандарма, трёх стрелков, оруженосца и слуги. При ротах находилось несколько дворян, которые при любом удобном случае стремились занять имеющиеся вакансии. Среди жандармов поддерживалась строгая дисциплина, и капитаны были ответственны за все нарушения, совершённые их подчинёнными.

В Венгрии возникает новый вид кавалерии – гусары. Эти лёгкие всадники, вооружённые луком, копьём и щитом, стали европейским ответом османской лёгкой кавалерии. В таком виде они попали в Польское королевство, однако не стали главной ударной силой. Ввиду господства в общественно-политической жизни дворянства (шляхты) основой польской армии являлись тяжеловооружённые кавалеристы.

Пехота перестаёт быть вспомогательной силой, предназначенной для ведения осад и охраны обоза. Это объясняется использованием новой тактики, которую применяли швейцарцы и гуситы. Швейцарская тактика заключалась в плотном построении пикинёров, которые могли противостоять атакующей кавалерии противника. На марше и в бою чаще всего строились плотной колонной около 30 человек по фронту и 50 – 100 шеренг в глубину [2, с.385]. Лишь несколько первых шеренг могли атаковать противника. Задние шеренги придавали своим напором силу атаке и заменяли погибших. Швейцарцы сразу с марша могли вступать в бой. Они стали пользоваться хорошей репутацией после разгрома войск герцога Бургундии Карла Смелого. Неудивительно, что они состояли на службе у разных государств Европы. Некоторые страны компенсировали недостаток пехоты наймом швейцарцев.

Гуситы могли защититься от атакующего противника путём построения укреплений из повозок (вагенбург) [1, с.304]. Вагенбург управлялся при помощи различных флагов. Каждая повозка имела свой экипаж, состоящий из 4 – 8 человек. Вагенбург имел два выхода. Они предназначались для гуситской кавалерии, которая должна была преследовать отступающего противника.

Артиллерия в XVI в. продолжает активное развитие. Улучшается качество пороха и подготовки артиллерийских расчётов. Особенностью артиллерии в рассматриваемый период является многообразие калибров. Каждое орудие являлось плодом трудов одного мастера. Таких мастеров было огромное множество. Постепенно государства брали деятельность этих мастеров под централизованный контроль. В результате орудия всё более унифицировались, что облегчало снабжение боеприпасами.

Продолжает своё распространение огнестрельное оружие. Это увеличило огневую мощь и роль пехоты. Немецкие ландскнехты в битве при Павии, вооружённые аркебузами и мушкетами, смогли разгромить французских жандармов и своих учителей – швейцарцев. После этого сражения слава лучшей пехоты Европы переходит к испанской пехоте.

С течением времени доля стрелков по отношению к копейщикам в испанских терциях стала медленно, но верно увеличиваться [3, с.22]. При этом аркебузирова выстраивали в несколько плотных рядов. Главной ударной силой при наступательных и оборонительных операциях являлись пикинёры.

Испанский боевой порядок состоял из большего числа квадратных колонн – терций, построенных в шахматном порядке в три ряда: авангард,

главные силы и арьергард. Мушкетеры располагались вокруг четырехугольника пикинёров и образовывали крылья.

В начале века среди европейской конницы главенствовала французская тяжелая кавалерия, организационно построенная на основе ордонансовых рот. Но разгром при Павии продемонстрировал французам, что эти наследники средневекового рыцарства отжили свое, и Франция, вслед за другими европейскими странами, подключилась к экспериментам по увеличению доли легкой кавалерии и попыткам вооружить конницу ручным стрелковым оружием.

В этот период всяческого экспериментирования у немцев появился новый подвид тяжелой кавалерии, вооруженной пистолетами с колесцовыми замками. Организованы они были в наемные подразделения и носили, как правило, черные доспехи и кожу, из-за чего звались рейтарами. Рейтары имели от четырёх до шести пистолетов и строились глубокими построениями до семнадцати шеренг в глубину [4, с.181]. Во время атаки первая шеренга разряжала свои пистолеты и отступала в конец построения, а остальные совершали такой же манёвр.

Эволюция военного дела в XV – XVI вв. стала возможной из-за экономических и политических предпосылок. В связи с централизацией и переходом от сословно-представительной к абсолютной монархии в руках правителей концентрируются ресурсы, позволяющие создавать наёмную, а позднее регулярную армию. Эта армия являлась опорой монархии и позволяла бороться как с непокорными вассалами и городами внутри страны, так и с внешними врагами. Население Европы в Позднем Средневековье начинает восстанавливаться после эпидемии «Черной смерти». Ввиду этого возникает проблема перенаселения и необходимость обустроить жизнь для младших сыновей дворян и крестьян, которые не наследовали своим отцам. Свою нишу они могли найти в военном деле.

Список литературы

1. Дельбрюк, Г. История военного искусства / Г. Дельбрюк. – Т.3.: Средневековье. – СПб.: Наука, 1996. – 448 с.
2. Р. Дюпюи, Э. Всемирная история войн / Э. Дюпюи. – Кн.2. – СПб.: Полигон, 2004. – 520 с.
3. Р. Дюпюи, Э. Всемирная история войн / Э. Дюпюи. – Кн.3. – СПб.: Полигон, 2004. – 596 с.
4. Свечин, А.А. Эволюция военного искусства / А.А. Свечин. – М.: Государственное издательство, 1927. – 386 с.

5. Средние века. Эпоха Ренессанса: Пехота – Кавалерия – Артиллерия / Ф. Функен; Пер с фр. М.Б. Ивановой – М.: АСТ, 2002 – 146 с.

Мядзведзева А. А., студэнтка III курса
**КАЛЕКТЫВІЗАЦЫЯ Ў ЗАХОДНІХ АБЛАСЦЯХ БССР Ў
1949 – 1953 ГГ.: ПА МАТЭРЫЯЛАХ РАДЫЁПРАГРАМ
МАЛАДЗЕЧАНСКОЙ ВОБЛАСЦІ**

*Навуковы кіраўнік:
А. Г. Каханоўскі,
доктар гістарычных навук, прафесар*

Анотацыя. Артыкул прысвечаны калгаснаму будаўніцтву ў Заходніх абласцях БССР у 1949 – 1953 гг., а менавіта дзейнасці агітатараў, пытанням сацыялістычнага спаборніцтва і перавыканання планаў, ролі маладога пакалення і перадавікоў ў пабудове калгасаў і іх развіцці. Артыкул напісаны з апорай на матэрыялы радыёпраграм Маладзечанскай вобласці (1949 – 1953 гг.)

Ключавыя словы: калектывізацыя Заходняй часткі БССР, калгасы, агітатары, маладое пакаленне, перадавікі, сацыялістычнае спаборніцтва, перавыкананне плана.

У 1949 – 1953 гг. адбыліся структурныя змены ў сельскай гаспадарцы Заходняй Беларусі – у гэты час была праведзена калектывізацыя і абсалютная большасць сялянскіх гаспадарак была аб’яднана ў складзе калгасаў і саўгасаў. Усё гэта вельмі змяніла жыццё сялянства, т.я. да гэтага часу жыхары заходніх вобласцей БССР вялі аднаасобную гаспадарку, а ў выніку калектывізацыі яны былі аб’яднаны ў складзе калектывных гаспадарак.

Калектывізацыя праводзілася рознымі метадамі, у тым ліку была арганізавана вялікая інфармацыйная падтрымка, накіраваная на дэманстрацыю пераваг калгаснага жыцця. Дадзенае пытанне шырока асвятлялася ў прэсе, і захавалася вялікая колькасць дакументаў, якія адлюстроўваюць прапагандысцкую дзейнасць у час правядзення калектывізацыі ў Заходняй Беларусі.

У гістарычнай літаратуры праблематыка калектывізацыі ў Заходніх абласцях БССР 1949 – 1953 гг. знайшла адлюстраванне ў работах А.П. Беязо, В.А. Белазаровіча, М. У Смяховіча і іншых. Аднак у іх працах калектывізацыя не была прадметам спецыяльнага разгляду і дадзены працэс даследваўся ў межах больш шырокага ахопу праблематыкі. Аднак

захавалася вялікая колькасць дакументаў, якія дазваляюць разгледзіць праблему ў больш вузкім сэнсе. Адною з такіх крыніц з’яўляюцца аўдыявізуальныя дакументы.

У дадзеным артыкуле аналізуюцца радыёпраграмы, якія трансляваліся на Маладзечанскую вобласць і дзе адлюстроўвалася разглядаемая ў артыкуле тэма. У 1940 – 50-я гг. радыё толькі развівалася; Маладзечанскія абласныя навіны вяшчаліся па 15-20 хвілін на дзень. Асноўнымі пытаннямі, якія падаваліся ў радыёэфір, былі праблемы жыцця народа, яго паўсядзённага побыту, палітыка, але ў першую чаргу ўвага надавалася сацыяльна-эканамічнаму развіццю, развіццю прамысловасці і сельскай гаспадаркі. Шырокі круг пытанняў разглядаўся падчас радыёэфіраў, аднак значную ўвагу надавалі навінам, звязаным з пэўнымі дасягненнямі ў калгасным будаўніцтве.

Асобная ўвага надавалася перадавікам – людзям, з якімі звязаны пэўныя поспехі ў калгасным будаўніцтве. Можна прывесці прыклад Васіля Рахоўскага з калгаса «Перамога» Будслаўскага сельсавета Мядзельскага раёна, які праводзіў шырокую прапагандысцкую дзейнасць па перавагах калгаснага жыцця. У праграме, якая была поўнасьцю прысвечана яму, узгадваецца, што акрамя таго, што ён меў аўтарытэт сярод мясцовых жыхароў як чалавек, які валодаў шырокімі ведамі, ён яшчэ стаў рацыяналізатарам. У радыёэфіры абмяркоўвалася яго прапанова аб сушчы збожжа, а таксама яго формула разліку колькасці страчанага збожжа, калі не прытрымлівацца прынцыпу “не пакінуць ніводнага каласка” [1, с. 148 – 149].

Таксама трэба ўгадаць прыклады Эміліі Асіпковай, якая перавыконвала дзённую норму па ўборцы ўраджаю на 150 – 160 адсоткаў [2, с. 55], шафёраў Дуброўскага лесаўчастка Казлова, Шэмпеля і Дарашэнка, якія за змену давалі паўтары нормы, і возчыкаў Кубрыка, Аляксеева і Петрашчанка, якія перавыконвалі норму на 180 – 190 адсоткаў [3, с. 80].

Адным з цэнтральных пытанняў стала арганізацыя сацыялістычнага спаборніцтва. І ў адной з радыёперадач за 1949 г. было расказана пра дасягненні Пятра Дарашэвіча і Уладзіміра Баброва, якія замест нормы тры гектара абмалоту ўдзень, перавыконвалі норму і абмалочвалі 3,5 гектара. Таксама можна ўгадаць і жыхароў Юрашкавіцкай артэлі, якія ў жніўні паставілі сабе мэту правесці сяўбу азімых не пазней пятага верасня і добра выканалі яе [4, с. 80]. Калі разглядаць пазнейшы перыяд, то ў 1953 г. мэты ў сацыялістычным спаборніцтве становяцца больш грунтоўнымі. У радыёграме ад 27 красавіка 1953 г. расказваюць пра механізатараў Іўеўскай

МТС, якія правялі вяснову сярбу ў сціслыя агратэхнічныя тэрміны, выканалі і перавыканалі зменныя нормы апрацоўкі, а трактарная брыгада Франца Шчырно атрымала першыноўства ў дадзенай справе ў красавіку дадзенага года [5, с. 475].

Асобная ўвага надавалася забеспячэнню ўмоў для навучання ў школах для дзяцей калгаснікаў. Даволі часта дадзеная задача дэлегавалася сялянам, якія пражываюць на той тэрыторыі, дзе была неабходнасць у школе. Напрыклад, улетку 1949 г. сяляне Заазерскага сельскага савета сваімі сіламі пабудавалі новае прасторнае памяшканне сямігадовай школы ў вёсцы Кавалі і забяспечылі яе палівам на ўвесь атапіцельны сезон [6, с. 10].

У радыёэфірах даволі часта гучалі навіны пра дасягненні камсамольцаў і школьнікаў. Адным з накірункаў іх дзейнасці была дапамога ў калгасным будаўніцтве. Маладыя людзі былі агітатарамі, перадавікамі, памочнікамі на палях, зборшчыкамі інфармацыі. Запомніліся словы маладой камсамолкі-агітатаркі Марыі Данілкавай, якія яна адрававала сялянам-аднаасобнікам: «Жыццё ўперад ідзе, а вы на месцы топчацеся. Калгаснікі высокія ўраджаі здымаюць, героямі становяцца. Трактары і машыны барыздзяць калгасныя палі, аблягчаючы сялянскую працу. А вы капаецеся на сваіх кавалках». Трэба адзначыць, што дадзеныя словы паспрыялі арганізацыі сельскай арцелі ў вёсцы Выгаловічы Маладзечанскай вобласці, дзе вяла сваю агітацыйную працу Данілкава [7, с. 335 – 337].

Маладое пакаленне не толькі агітавала, але і дапамагала збіраць ураджаі на палях. У адной з праграм за верасень 1949 г. ўзгадвалі камсамольскую дружыну са школьнікаў і моладзі з калгаса імя Молатава Вілейскага раёна, якая абышла ўсе палі пасля працы жней і сабрала пакінутае калосе [3, с. 80].

Нарыхтоўка збожжа – гэта адна з асноў вядзення калектыўнай гаспадаркі, таму шмат увагі ў радыёпраграмах звярталі на яго нарыхтоўку, а таксама на планы па перавыкананню ўстаноўленай нормы. Ужо ў 1953 г. з'яўлялася нормай, што перадавыя калгасы датэрмінова разлічваліся з дзяржавай і ў іх заставалася збожжа, каб засыпаць страхавыя і насенныя фонды. Таксама важным паказчыкам з'яўлялася колькасць хлеба, якую атрымлівалі калгасныя сем'і па выніках года. Напрыклад, сяляне сельскагаспадарчай арцелі "Перамога" Ашмянскага раёна атрымалі па 250 – 300 пудоў хлеба на адну сям'ю ў канцы 1953 г., што з'яўляецца добрым паказчыкам дабрабыту калгаса [8, с. 310].

Можна адзначыць, што ў 1949 г. больш увагі надавалася пабудове калгасаў, а ўжо ў 1950 – 1953 гг. – іх развіццю, станаўленню і

ўдасканаленню. У 1953 г. на пярэдні план выходзяць пытанні ўжо не пабудовы калгасаў, а перавыканання плана, арганізацыі сацыялістычных спаборніцтваў, узняцця ўзроўню жыцця грамадзян.

Такім чынам, прыведзеныя факты кажуць аб тым, як людзі ставіліся да арганізацыі калгаснага будаўніцтва ў Заходняй Беларусі, бо вельмі многае залежала ад іх стаўлення да гэтага і іх удзелу непасрэдна ў арганізацыі калгаснага будаўніцтва. Матэрыялы Маладзечанскіх радыёпраграм за 1949 – 1953 гг. паказваюць, што насельніцтва вельмі адказна, добразычліва прымала ўдзел. Сярод насельніцтва была цікавасць да стварэння калгасаў і павышэння ўзроўню свайго жыцця, што наглядна адлюстроўваюць матэрыялы радыёграм Маладзечанскай радыёстанцыі.

Спіс літаратуры

1. ЗГА в Молодечно, ф. 574, о.1, д. 45, Тексты регулярных и цикловых радиопередач за август 1949 г., 12.08.1949 г., за подписью председателя радиокomiteта Петрачкова, составитель статьи Якушев.
2. ЗГА в Молодечно, ф. 574, о.1, д. 45, Тексты регулярных и цикловых радиопередач за апрель 1953 г., 04.08.1949 г., за подписью председателя радиокomiteта Петрачкова, составитель статьи Романчук.
3. ЗГА в Молодечно, ф. 574, о.1, д. 46, Тексты регулярных и цикловых радиопередач за сентябрь 1949 г., 05.09.1949 г., за подписью председателя радиокomiteта Петрачкова, составитель статьи Хоменко.
4. ЗГА в Молодечно, ф. 574, о.1, д. 45, Тексты регулярных и цикловых радиопередач за август 1949 г., 13.08.1949 г., за подписью председателя радиокomiteта Петрачкова, составитель статьи Чернявский.
5. ЗГА в Молодечно, ф. 574, о.1, д. 99, Тексты регулярных и цикловых радиопередач за апрель 1953 г., 27.04.1953 г., за подписью председателя радиокomiteта Петрачкова, составитель статьи Романчук.
6. ЗГА в Молодечно, ф. 574, о.1, д. 45, Тексты регулярных и цикловых радиопередач за август 1949 г., 01.08.1949 г., за подписью председателя радиокomiteта Петрачкова, составитель статьи Петрова.
7. ЗГА в Молодечно, ф. 574, о.1, д. 46, Тексты регулярных и цикловых радиопередач за сентябрь 1949 г., 21.09.1949 г., за подписью председателя радиокomiteта Петрачкова, составитель статьи Романчук.
8. ЗГА в Молодечно, ф. 574, о.1, д. 107, Тексты регулярных и цикловых радиопередач за апрель 1953 г., 06.12.1953 г., за подписью председателя радиокomiteта Петрачкова, составитель статьи Романчук.

Полховская В. В., студентка III курса

АРХЕОЛОГИЯ АРХИТЕКТУРЫ: ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный руководитель:

П. С. Курлович,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается предмет изучения археологии архитектуры, ее становление и развитие, а также методы исследования. Результаты архитектурно-археологического изучения архитектурных объектов должны использоваться для нужд консервации, реставрации и реконструкции построек. Археология архитектуры на территории Беларуси требует дальнейшего развития.

Ключевые слова: археология архитектуры, монументальное зодчество, методы археологических исследований, реставрация и консервация.

Исследование архитектуры в наше время является одним из наиболее перспективных направлений в археологической науке Беларуси. Значение самого термина «археология архитектуры», в том значении, в котором мы понимаем его сегодня, зародилось в XIX в. Технически, археологию архитектуры можно считать результатом интеграции методов археологического исследования с методами исследования памятников архитектуры. Постепенно, с совершенствованием методики архитектурных и археологических исследований произошло их слияние, в основе которого лежал предметный интерес – изучение памятников зодчества. Это слияние с точки зрения предмета и методологии представляло собой следующую схему: «архитектурный памятник – археологический метод изучения». В процессе становления и развития архитектурной археологии усложнялась и ее методика. Современные архитектурно-археологические исследования невозможно представить без привлечения самых различных специалистов из многих сфер науки: искусствоведов, специалистов по реставрационным работам и др. [2; 3].

Мощный импульс в своём развитии архитектурная археология получила с началом проведения многочисленных реставрационных работ и работ по консервации памятников. С 30 – 40 гг. XXв. археология архитектуры начинает выделяться в специфическую отрасль науки. В связи с этим стала разрабатываться методика археологического изучения архитектурного объекта на основе творческой переработки собственно

археологических и историко-архитектурных методов. Научные исследования монументального зодчества активно развернулись в послевоенный период. А дальнейшее развитие реставрации вызвало необходимость участия в исследовательских экспедициях специалистов из других сфер.

Если ещё в самом начале развития археологии архитектуры памятники монументального зодчества рассматривались лишь как часть культуры, пускай и значительная, то в настоящее время исследователи стремятся к детальному изучению памятников зодчества. Однако это не отменяет того, что часто археологические исследования на полуразрушенных или совсем разрушенных памятниках в их классическом понимании могут нанести непоправимый вред сооружению, так как для обнаружения фундамента нарушается лицевая кладка стен, усиливается влияние внешних факторов на памятник, что ускоряет процесс его разрушения. И именно поэтому современные археологические исследования должны проводиться вместе с консервацией, а по возможности и реставрацией.

На территории Беларуси есть прекрасные памятники различных эпох, стилей и направлений. Наиболее ранние из них относятся к временам Киевской Руси XI – XII вв., другие возведены в XIII – XVII вв. Систематическое изучение памятников монументального зодчества XIV – XVIII вв. началось с исследования оборонительных сооружений. Например, одним из самых древних каменных замков на территории Беларуси является великокняжеский Кревский замок. Очень хорошо изучен Мирский замок. Изучают не только оборонительные объекты, но также и городские культовые сооружения, такие как Полоцкий Софийский собор, кальвинистский собор в Заславле. Также в сферу исследования входят обычные здания общественного назначения. До наших дней сохранились лишь некоторые творения древних мастеров [4, с. 4].

Археологические методы исследования памятников архитектуры дают возможность получить богатую информацию об изучаемом памятнике: установить или уточнить даты постройки или перестройки, проведения каких-либо ремонтных работ или разрушения здания, помогают сформировать представление о технологии строительства и строительных материалах различных периодов, позволяют понять, как выглядело здание и проследить его эволюцию, дают информацию об интерьере, декоративной системе, а также жизни людей на изучаемом объекте. Особый интерес

исследователей к строительным материалам обусловлен тем, что они позволяют гораздо точнее датировать основные перестройки зданий.

Поскольку каждая постройка с момента начала возведения находится в непрерывной и даже сложной связи с культурными напластованиями, то с точки зрения археологии она является неотъемлемой частью самого культурного слоя. Таким образом, культурный слой, в данном случае, включает в себя остатки различных сооружений. Определённая структура слоя, отложения почвы вокруг и внутри памятника позволяют выявить сведения об истории здания, материальной культуре и жизни людей на прилегающих к сооружению территориях. Зачастую, при проведении архитектурно-археологических исследований, культурный слой, найденные погребения, индивидуальные находки попросту игнорируются. Культурный же слой при культовых сооружениях часто содержит многочисленные погребения. Это связано с тем, что до конца XVIII в. умерших жителей хоронили вокруг культовых зданий.

Целями археологического исследования памятников архитектуры является полная или частичная реконструкция первоначального облика зданий, консервация для сохранения построек, защита в случае угрозы разрушения культурного слоя, реконструкция материальной культуры и различных исторических событий, связанных с памятником. Работы могут вестись в различных направлениях: выявление подземных конструкций, определение оригинальных и переделанных частей здания, изучение интерьера или выявление каких-либо потерянных его элементов, изучение инженерных и хозяйственных систем. Важным направлением исследований является определение хронологии здания: время возведения, перестройки, проведения ремонтных работ, период разрушения памятника, а также время прекращения его функционирования [1, с. 94].

Архитектурная археология направлена, в первую очередь, на изучение памятников архитектуры, такие как замки, храмы, ратуши и др., которые в то же время являются объектом исследования археологии.

Таким образом, основными задачами архитектурной археологии является определения необходимости реставрации или защиты историко-культурного наследия, помощь в изучении истории различных периодов и регионов.

Несмотря на то, что данное направление в археологии активно изучается, всё ещё многие аспекты в нём плохо освещены. Неравномерность освещения в литературе вопросов методики исследования объектов и необходимость разработки методологического пособия для начинающих

археологов и архитекторов требует подробного изложения всего комплекса методов современного исследователя в данном направлении науки.

Список литературы

1. Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 4. Помнікі XIV-XVIII стст. / В. М. Ляўко, М. Ф. Гурын, Ю. А. Заяц і інш.; пад рэд. В. М. Ляўко і інш. – Мн.: «Беларуская навука», 2001. – 597 с.
2. Новоселов, Н. В. Предмет архитектурной археологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusarch.ru/novoselov1.htm>. – Дата доступа: 02.10.2019.
3. Торшин, Е. Н. Где же еще можно изучать историю, как не в Полоцке! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.psu.by/sobytiya/10586-e-n-torshin-gde-zhe-eshche-mozhno-izuchat-istoriyu-kak-ne-v-polotske>. – Дата доступа: 02.10.2019.
4. Трусков, О. А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI-XVII вв.: Архитектурно-археологический анализ / О. А. Трусков. – Мн.: Наука и техника, 1988. – 160 с.

Пясецкий, Д. В., студент III курса;

Сушко И. В., студент III курса

ПАЛІТЫЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ РОДА САПЕГАЎ У XVII СТ.

Научные руководители:

А. В. Любый,

кандидат исторических наук, доцент;

В. А. Сосно,

кандидат исторических наук, доцент

Анотацыя. Артыкул прысвечаны пытанню ўплыву роду Сапегаў на ўнутраную і знешнюю палітыку Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай. Абзначаны асноўныя моманты, дзе род Сапегаў умешваўся ў палітычнае жыццё дзяржавы, а таксама роля асобна ўзятых асоб з гэтай сям'і ў гісторыі Беларусі XVII стагоддзя.

Ключавыя словы: Леў Сапега, Казімір Ян Сапега, канцлер Вялікага княства Літоўскага, «Хатняя вайна» ў Вялікім княстве Літоўскім.

XVII ст. адыгрывае вялікую ролю ў палітычным развіцці Вялікага Княства Літоўскага. Варта адзначыць уплыў магнатскіх радоў на шматлікія сацыяльныя і палітычныя працэсы ў гісторыі Беларусі. У гэтым артыкуле будзе разгледжана дзейнасць найбольш яркавых прадстаўнікоў роду Сапегаў у XVII ст. з боку іх палітычнага стану, а таксама іншых гістарычных падзей.

Адным з самых выбітных дзеячоў Вялікага Княства Літоўскага ў першай палове XVII ст. безумоўна з’яўляецца Леў Сапега. Ён вядомая палітычная асоба тагачаснага асяроддзя (канцлер ў 1589-1623 гг., віленскі ваявода ў 1623-1633 гг. і вялікі гетман літоўскі у 1625-1633 гг.), якой накіравана было шмат чаго зрабіць. З канца XVI ст. Леў Сапега пачынае вельмі важны працэс для сучасных гісторыкаў – перапіс Метрыкі Вялікага княства Літоўскага, які працягваецца да пачатку XVII ст., а праверка дакументаў ажно да 20-х гг. [5, с. 201]. Варта адзначыць, што вялікая частка дакументаў ранніх эпох, якую мы можам зараз праглядзець і даследаваць, дайшлі да нас дзякуючы гэтаму перапісу.

На знешнепалітычным становішчы канцлер актыўна прасоўваў інтарэсы Княства ўнутры Рэчы Паспалітай. Спачатку ён асабіста не падтрымліваў прэтэнзіі Жыгімонта III Вазы на шведскі трон, таму што разумеў верагоднасць вайны са Швецыяй, а таксама непадрыхтованнасць дзяржавы да такой вайны [4, с. 44]. Як адзначае С.В. Марозава канцлер даволі асцярожна адносіўся да польскай авантуры выкарыстоўвання Ілжэдзімітрыя I, таму што яна магла разбурыць здабытую ў 1600 г. мірную дамову з Масквой на 20 гг. і гэта не спрыяла яго планам стварэння уніятыўнай дзяржавы з Каралеўства Польскага, Вялікага Княства Літоўскага і Расійскай дзяржавы. Калі ён зразумеў, што праект уніі дыпламатычна не створыцца, то імкнуўся замацаваць пазіцыі ВКЛ на ўсходзе праз даданне страчаных ў XVI ст. тэрыторый. І зрабіў гэта вельмі паспяхова [5, с. 23 – 24].

У вайне Рэчы Паспалітай з Расіяй 1609-1618 гг. Леў Сапега намагаўся, акрамя набыцця тэрыторый, распаўсюдзіць уплыў ВКЛ на Расію і замацаваць геапалітычныя інтарэсы дзяржавы. Гэта прадугледжвалася калі менавіта канцлер Сапега прапанаваў абраць на расійскі трон сына караля – Владыслава Вазу [5, с. 24]. Ідэя стварэння агульнай дзяржавы ў гэтым рэгіёне набыла новы характар – унійны, калі дзяржавамі кіруюць прадстаўнікі адной дынастыі, а яшчэ лепш калі гэта бацька і сын, і калі другі можа спадчыць першаму. Пры гэтым трэба адзначыць момант, звязаны з месцам Вялікага Княства Літоўскага і ўвогуле тэрыторыі Беларусі у тагачаснай ідэе. Праект быў накіраваны на тое, каб зрабіць Княства і беларускія землі цэнтрам перспектыўнай дзяржавы [5, с. 113]. З геапалітычнага погляду ідэя здавалася вельмі добрай, але не быў прыняты ва ўвагу яшчэ больш важныя моманты. Гэта былі адрозніванне светапогляду тагачасных жыхароў Расіі, Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага. Каб аб’яднацца ў адну дзяржаву двум апошнім дзяршкам трэба

было інтэгравацца на працягу амаль 200 гг. (адлічваючы ад Крэўскай уніі 1385 г.). Гэта прадугледжвала працэс пераняцця найбольш істотных грамадскіх норм і юрыдычных момантаў з мадэлі дзяржавы Каралеўства Польскага на Вялікае Княства Літоўскае. У асноўным гэта адбылося дзякуючы правам шляхты, якіх у Расіі не было, а калі і былі дробныя прадстаўнікі яе аналогіі, то яны не мелі таго патэнцыялу для ўніятыўных працэсаў, ва ўсякім разе ў той час. Таму невыпадкова, што ўніятыўная ідэя Льва Сапегі не была рэалізавана ў рэчаіснасці.

Варта адзначыць вось што, калі пасля вайны 1609 – 1618 гг. пачаўся працэс далучэння тэрыторый да Рэчы Паспалітай, стала актуальным пытанне, да якой часткі Рэчы Паспалітай яны будуць аднесены: да Княства ці да Кароны? Прэцэдзент існаваў у Лівоніі, якая з’яўлялася адначасова пад кіраўніцтвам і Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага (ўлічваючы ўсю спецыфіку далучэння гэтых тэрыторый). С.В. Марозава піша аб тым, што Л. Сапега заняў даволі рашучую пазіцыю ў гэтым пытанні супраць польскіх магнатаў і патрабаваў вяртання тэрыторыі адабранай Польшчай [5, с. 24]. Канцлер дамогся ўключэння у Дэўлінскае перамір’е артыкулаў, звязаных з вяртаннем Смаленскай зямлі ў склад Княства.

Сістэматычная барацьба с палякамі па поўнаму колу пытанняў можа успрымацца за “ліцвінскі сепаратызм” з боку Льва Сапегі. З другога боку, калі гэта і было, то абараняліся выключна інтарэсы ВКЛ, як у складзе Рэчы Паспалітай, так і міжнароднага суб’екта. Даследчыкі адзначаюць, што польскія магнаты не цяпелі канцлера за яго палітыку, а ў Княстве ён карыстаўся павагай ў шляхты, што гарантавала палітычны пакой у ВКЛ [5, с. 24; 9, с. 26 – 27, 36.], што хутчэй за усё было своеасаблівай палітычнай ілюзіяй.

Сышоўшы з пасады канцлера, Леў Сапега, які заставаўся гетманам актыўна браў удзел у палітычным жыцці дзяржавы. Яму хапала палітычнага аўтарытэту, каб не падтрымліваць дынастычныя прэтэнзіі Вазаў у Швецыі і ў 1627 г. гетман падпісаў сепаратны мір са Швецыяй без дазволу караля і сойма Рэчы Паспалітай, хаця Княства павінна было зацвярджаць свае дыпламатычныя стасункі разам з Каронай [8, с. 3 – 5].

Іншым выбітным прадстаўніком роду Сапег, ужо ў другой палове XVII ст. можна назваць Казіміра Яна Сапегу.

За сваю палітычную кар’еру дадзены чалавек паспеў пабываць на пасадах чашніка вялікага літоўскага (1656 – 1661 гг.), падстоля вялікага літоўскага (1661 – 1663 гг.), падскарбія надворнага літоўскага (1661 – 1670 гг.), ваяводы полацкага (1670 – 1681 гг.), гетмана польнага літоўскага (1681

– 1682 г.), старасты жамоіцкага і брэсцкага (магчыма, з 1681/82 г., дакладна невядома), ваяводы віленскага (у 1682 – 1703 і 1705 – 1720 гг.) і гетмана вялікага літоўскага (1682 – 1703 і 1705 – 1708 гг.). [16, с. 164–169.]

Дадзены дзяржаўны дзеяч небезпадстаўна лічыўся адным з найбольш уплывовых у Вялікім княстве Літоўскім і ўсёй Рэчы Паспалітай [13, с. 37 – 48].

Трэба адзначыць, што дадзеная з’ява не была выпадковай – так, у другой палове XVII ст. назіраецца кар’ерны рост родзічаў Казіміра Яна (брат Павел Бенедыкт – падстолі вялікі літоўскі, стольнік вялікі літоўскі, краўчы вялікі літоўскі, падскарбі надворны літоўскі, падскарбі вялікі літоўскі (двойчы), іншы брат Францішак Стэфан – чашнік вялікі літоўскі, канюшы вялікі літоўскі, апошні брат Леў Васіль – стольнік вялікі літоўскі, падскарбі надворны літоўскі, генерал артылерыі літоўскай), выкліканы тым, што ў барацьбе магнацкіх групавак у Рэчы Паспалітай (і асабліва ў Вялікім княстве Літоўскім) з цягам часу пачаў перамагаць род Сапегаў.

Асновы для станаўлення вышэйзгаданай “гегемоніі” Сапегаў заклаў яшчэ бацька Казіміра Яна – Павел Ян Сапега, які ў розныя перыяды часу займаў пасады абознага, ваяводы віленскага, ваяводы віцебскага і гетмана вялікага літоўскага [15, с. 99 – 113.].

Што ж датычыцца Казіміра Яна, то, нарадзіўшыся ў сям’і з такім бацькам, ён ужо меў пэўныя кар’ерныя перспектывы і ваявалі ўплыву, якімі паспяхова скарыстаўся пазней.

Казімір Ян Сапега належаў да сёмага пакалення роду Сапегаў герба Ліс, і, як ужо было згадана, вырас у шматдзетнай сям’і вялікага гетмана і яго жонкі Ганны Барбары Копеч, з’яўляючыся старэйшым сынам [3, с. 545 – 551].

Казімір атрымліваў адукацыю ў лепшых установах навучання і скончыў яе выпускніком універсітэтаў Граца і Лёвена.

Незадоўга да смерці бацькі пачынаецца ўзвышэнне старэйшага сына – у 1664 ён упершыню абіраецца паслом на сойм, пасля чаго будзе абраны таксама на перыяд 1665 – 1666 і 1668 – 1670 гг. [12, с. 217 – 229].

Трэба адзначыць, што Казімір Сапега вёў актыўную палітычную барацьбу амаль з першага свайго ўдзела ў працы сойма – за час сваёй дзейнасці ў сойме ён паспеў падтрымаць дзейнасць манарха Рэчы Паспалітай Міхала Карыбута Вішнявецкага і ўзначаліць апазіцыю гегемоніі Пацаў у Вялікім княстве Літоўскім, якая хутка і скончылася, змяніўшыся на гегемонію Сапегаў.

Хаця ў далейшым Казімір паступова адыйшоў ад дзейнасці ў сойме, два яго малодшыя браты – Павел Бенедыкт і Францішак Стэфан – прадстаўлялі яго інтарэсы ў сойме і нават кіравалі яго пасяджэннямі ў 1674 (выбранне Яна III Сабескага) і 1678 гг., прычым абодва сойма прайшлі добра і не былі сарванымі, што было дзіўным з’яўленнем для Рэчы Паспалітай другой паловы XVII – пачатку XVIII стст. [11, с. 107 – 118].

Парламенцкую дзейнасць старшыня роду Сапегаў хутка замяніў вайскавай: так, у 1673, 1674, 1689, 1691 і 1694 гг. ён прымаў актыўны ўдзел у баявых дзеяннях супраць туркаў-асманаў, а пік яго вайскавай дзейнасці прыйшоўся на славеты для войскаў Рэчы Паспалітай 1683 г., калі ён кіраваў дзесяцітысячным літоўскім войскам, якое дзейнічала супраць асманскіх войскаў у славацкіх землях [10, с. 136 – 159].

Больш за тое, ужо ў хуткім часе Казімір Ян Сапега здолеў тройчы стаць маршалкам Трыбунала Вялікага Княства Літоўскага ў 1686, 1689 і 1708 г. [18, с. 722].

Аднак не гледзячы на такое хуткае ўзвышэнне роду Сапегаў, якім гэты род быў забавязаны перш за ўсё Казіміру Яну, у хуткім часе і ў Казіміра, і ў яго рода пачынаюцца сур’ёзныя праблемы.

Так, з 1684 г. Казімір Сапега апынуўся ў стане канфлікта з манархам Янам III Сабескім, які жадаў павелічэння сваіх паўнамоцтваў і ўвядзення спадчыннасці перадачы ўлады, а таксама абмежавання моцы Сапегаў, у чым не сустракаў падтрымкі ні ў саюзнага манарху імператара Святой Рымскай імперыі, ні ўнутры краіны [1, с. 259 – 277].

Узначаліўшы апазіцыю да вялікага князя, Казімір Ян заклаў фундамент для барацьбы з родам Сапегаў, якая неўзабаве пачалася, аформіўшы варожыя да Сапегаў магнацкія роды ў групоўку “Рэспубліка” (Вішнявецкія, Агінскія, Пацы, Радзівілы).

Істотную ролю ў паслабленні пазіцыяў Казіміра Сапегі адыграў і канфлікт 1693 – 1696 гг. з Канстанцінам Казімірам Бжастоўскім, які займаў пасадку епіскапа віленскага і ў 1694 ўвогуле адлучыў Казіміра Яна Сапегу ад царквы [17, с. 383 – 401.]

Канфлікт завершыўся Грамадзянскай вайной у Вялікім княстве Літоўскім 1696 – 1702 гг., фармальным прывадам для якой сталі выбары новага манарха пасля смерці Яна III Сабескага.

Трэба адзначыць, што дадзеныя выбары фактычна раскалолі вялікакняжацкую шляхту: Казімір Ян Сапега, а за ім і ўсе іншыя Сапегі падтрымалі французскага прынца Луі дэ Конці, а іх праціўнікі – саксонскага

курфюрста Фрыдрыху Аўгуста, неўзабаве абранага каралём пад імём Аўгуста II.

Пасля абрання новага вялікага князя даручыў Рыгору Агінскаму пазбавіць Сапегаў рэальнай улады над войскамі Вялікага княства Літоўскага і звярнуўся за ваеннай дапамогай да Расіі (толькі прызнанне Сапегамі новага караля зняло пагрозу рускага ўварвання). У 1698 г. Аўгуст II зацвердзіў Рыгору Агінскага старастам жамойцкім, пачаўшы працэс барацьбы з Сапегамі.

Асноўныя ваенныя дзеянні адбываліся ў гэты час у Жамойці і вакол яе: бітвы пад Коўна, пад Жыжмаравам, пад Юрборкай. Гэты этап супрацьстаяння завяршыўся 21 снежня 1698 г. падпісаннем дагавора пад Пузевічамі.

Фактычна Казімір Сапега прызнаваў ураўнанне правоў шляхты, па гэтай жа дамоўленасці армія ВКЛ (а кантраляваў яе менавіта Казімір) скарачалася напалову.

Да 1699 г. ў Вялікім княстве Літоўскім склалася фактычнае двоеўладдзе сапеганцаў і рэспубліканцаў, што не задавальняла абодва бакі.

Гэта выклікала тое, што ўжо ў 1700 г. Казімір Ян Сапега, выкарыстоўваючы неабходнасць паставіць Аўгусту II дапаможны корпус у распачатай вайне са Швецыяй (Другая Паўночная вайна), аднавіў баявыя дзеянні ў вялікім княстве, у выніку чаго рэспубліканцы склікалі паспалітае рушэнні і далі бой гетману [1, с. 255 – 287].

У бітве пад Алькенікамі 18 лістапада 1700 г. прадстаўнікі радыёў Вішнявецкіх і Агінскіх здолелі разграміць войска Казіміра Яна, чым фактычна здабылі перамогу над родам Сапегаў.

Казіміру Яну давялося назіраць уцёкі сваіх родзічаў і захоп яго супраціўнікамі Чарэзі, Дуброўна, Бышава, разгром Ружанскага палаца.

Паўстанне на Падняпроўі, узнятае Сапегамі, фактычна пацярпела паразу праз дзейнасць рэспубліканцаў і полацкага кашталяна Мікалая Шэмета [2, с. 15 – 21; 6, с. 270 – 290; 7, с. 55 – 61].

Гэтыя падзеі вымусілі Казіміра Яна ў 1703 г. падтрымаць шведскага караля Карла XII і прыняць удзел у змяшчэнні Аўгуста II у 1706 г.

Тым не менш незадоўга да разгрому шведаў, у 1708 г. Казімір Ян перадаў пасаду гетмана свайму пляменніку Яну Казіміру, а ўжо ў 1709 г. падтрымаў Аўгуста II, які здолеў перамагчы падтрыманага Сапегамі раней Станіслава Ляшчынскага.

За гэта Казімір Ян быў прызначаны ваяводам віленскім і здолеў пазбегнуць істотнага пакарання.

У 1710 г. ён і іншыя Сапегі дамагліся частковага вяртання маёнткаў і іншай маёмасці, аднак гегемонія Сапегаў, якая пачалася ў час жыцця Казіміра Яна, пры ім жа і скончылася.

Апошнія гг. жыцця Казіміра Яна праходзілі пад цяжарам гэтага факта, што вяло да змяншэння палітычнай актыўнасці былога гетмана.

Тым не менш, у 1710 г. ён прыняў удзел у Варшаўскай вальнай радзе, а ў 1716 г. далучыўся да генеральнай канфедэрацыі Вялікага княства Літоўскага ў Вільні (пры гэтым Казімір Ян не прынёс прысягі).

У 1720 г. Казімір Ян Сапега памёр у Гродна і быў пахаваны ў Бярозе.

Безумоўна, сучасная гістарычная памяць патрабуе далейшага вывучэння жыцця і дзейнасці як усяго роду Сапегаў у цэлым, так і жыцця і дзейнасці Льва Іванавіча Сапегі і Казіміра Яна Сапегі ў прыватнасці.

Спіс літаратуры

1. Віцько, Д. Зборы паспалітага рушэння шляхты ВКЛ у 1702 г. / Д. Віцько // Вялікае княства Літоўскае і суседзі. Права. Вайна. Дыпламатыя / рэд. С. Сокал, А. Янушкевіч. – Мінск, 2012. – С. 255 – 287.
2. Віцько, Д. Паўстанне на ўсходзе Беларусі ў 1701–1702 гг. / Д. Віцько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 4. – С. 15 – 21.
3. Грыцкевіч, А. Сапегі // Вялікае Княства Літоўскае : энцыкл. : у 3 т. – Т. 2 – Мн., 2006. – С. 545 – 551.
4. Лазутка, С. Леў Сапега (1557–1633). Жыццё, дзяржаўная дзейнасць, палітычныя і філасофскія погляды / С. Лазутка. – Магілёў: ГАМТ «Брама», 2004. – 104 с.
5. Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час : зб. навук. арт. / ГрДУ імя Я. Купалы / С.В. Марозава [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2007. – 422 с.
6. Мацук, А. Владения рода Шеметов и Сангушек и участие их представителей в общественно-политической жизни Речи Посполитой XVII – XVIII ст. // Друцк: Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX–XII вв., летопись древних слоев, князя Друцкие и их владения в XIII – XVIII вв., ремесло, промыслы, торговля (по данным археологии, нумизматики, письменных источников), памятники культуры и объекты туризма / О.Н. Левко [и др.] ; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О.Н. Левко. – Минск, 2014. – С. 270 – 290.
7. Мацук, А. Полацкі кашталян Мікалай Шэремет у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай у першай трэці XVIII стагоддзя / А. Мацук // Вестник Полоцкого государственного университета / Гуманитарные науки. Исторические науки: № 9 – Полоцк, 2016. – С. 55 – 61.
8. Саверчанка, І. Леў Сапега – палітык, юрыст і пісьменнік / І. Саверчанка // Гісторыя: праблемы выкладання. 2006. – № 8. – С. 3 – 5.

9. Саверчанка, І.В. Канцлер Вялікага княства: Леў Сапега / І. В. Саверчанка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 63 с.
10. Codello, A. Litwa wobec wojny z Turcją 1672–1676 r. / A. Codello. – „Studia i Materiały Do Historii Wojskowości”, 1968. – XIV, s. 136 – 159.
11. Malejka, A. Z dziejów nominacji kanclerskich na Litwie w dobie Jana III Sobieskiego / A. Malejka. – Katowice; Czasy Nowożytne, 2001. – X, s. 107 – 118.
12. Rachuba, A. Hegemonia Sapiechów na Litwie jako przejaw skrajnej dominacji magnaterii w życiu kraju / A. Rachuba. – Białystok; Władza i prestiż. Magnateria Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku, 2003. – s. 217-229.
13. Rachuba A. Sapieha Kazimierz Jan Paweł / A. Rachuba. – Warszawa–Kraków; 1994. – XXXV, s. 37 – 48.
14. Sawicki, M. Konflikt biskupa wileńskiego Konstantego Kazimierza Brzostowskiego z Kazimierzem Janem Sapiehą w latach 1693–1696 / M. Sawicki. – Warszawa; Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego (XVI–XVIII wieku), 2014. – s. 383-401.
15. Ziober, A. Kazimierz Jan Sapieha jako wzorzec osobowy magnata w świetle „Życi Sapiechów” autorstwa Kazimierza Kognowickiego. / A. Ziober. – Wrocław; Wschodni Rocznik Humanistyczny, 2019. – XVI., s. 99 – 113.
16. Ziober A. Sapiehas estate document from the end of the 17th century as a source of the family’s economic and political history / A. Ziober. – Open Political Science, 2018. – p. 164 – 169.

Рубисов Д. О., студент III курса

**ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
В XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВВ.**

Научный руководитель:

А. В. Любый,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается историография истории Православной Церкви Великого Княжества Литовского XIV – первой половины XVI в. Затрагивается проблема развития сложившихся и формирования новых в межвоенной историографии версий истории Православной Церкви в Восточноевропейском регионе в XIV – XVI вв. Обращается внимание на интерпретацию событий, разработку старых и введение новых источников исследователями в межвоенный период. Анализируются основные проблемы историографии истории Православной Церкви на территории Великого Княжества Литовского, в частности, проблема устройства православных митрополий в

Восточнославянском регионе в XIV – XVI вв., попытки заключения церковных уний на территории Великого Княжества Литовского до Брестской церковной унии 1596 г., изучение персоналий XIV – XVI вв., связанных с историей церкви (святые, митрополиты, князья).

Ключевые слова: история Церкви, историография Великого Княжества Литовского, история Православной Церкви, межвоенная историография, конфессиональная история Беларуси.

История Белорусской Православной Церкви XIV – XVI вв. является важным компонентом изучения истории Великого Княжества Литовского, учитывая все разнообразие религиозных традиций государства и сложность взаимоотношения католической и православной конфессий в истории княжества. Однако, стоит отметить, что количество специальных нарративов, посвященных этой теме, и особенно истории церкви данного периода и данного региона, не велико.

Стоит отметить, что изучение истории Православной Церкви на территории Великого Княжества Литовского XIV – XVI вв. особенно активно начинает развиваться в XIX в. Начало этому положили архиепископ Георгий (Конисский) и протоиерей Иоанн Григорович. Большой вклад в изучение истории Белорусской Православной Церкви внесли М.О. Коялович и его последователи: П.Н. Жукович, С.Г. Рункевич, В.З. Завитневич, К.В. Харлампович.

С последней четверти XIX – начала XX вв. в историографии церковной истории Беларуси наблюдается особый расцвет. В частности, данному периоду были посвящены такие работы, как «Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве» (1895 г.) Г.Я. Киприановича, «Очерки истории западнорусской церкви» (1884 г.) И. Чистовича, «К истории православной западно-русской церкви до пол. XVIII в.» (1908 г.) Д.И. Довгялло. Кроме того, важно упомянуть труд русского историка церкви Е.Е. Голубинского «История Русской Церкви» (1880 – 1911 гг.) в двух томах, где история белорусского православия рассматривается в контексте Русской Православной Церкви. В частности, важно подчеркнуть, что в межвоенной историографии исследования и выводы Е.Е. Голубинского стали отправной точкой в датировании тех или иных событий в истории церкви, а также в решении вопроса о епархиальной структуре митрополий XIV – XVI вв.

В межвоенный период, несмотря на то, что после октябрьских событий 1917 г. в России произошла переориентация на марксистско-

ленинские идеи, и наблюдалось ослабевание интереса к истории Церкви как данного региона, так и в целом, изучение истории Православия, в частности, на территории Беларуси, не было прекращено. В 20-е – 30-е гг. XX в. эстафету в исследовании церкви переняли польские историки и русские историки-эмигранты.

Стоит отметить, что тематика изучения истории Белорусской Православной Церкви XIV – XVI вв. приобретает большую актуальность в межвоенный историографии. Анализируя работы исследователей, можно указать три основные проблемы, на которые обращают внимание историки рассматриваемого периода. Идеи исследователей, их интерпретация событий, разработка старых и введение новых источников в межвоенный период стали основой формирования последующих поколений исследователей-интерпретаторов и оформили основные проблемные векторы исследований.

Самой главной темой, которую можно выделить в общем нарративе работ межвоенного периода, является устройство Православной Церкви в восточнославянском регионе. Еще в дореволюционные годы, подходу к проблеме устройства православных митрополий на территории восточноевропейского региона, исследователями был выделен самостоятельный сюжет, связанный с процессом становления социально-политической истории и церковно-политической проблематики. Многие российские историки работали над моделью устройства северо-восточных княжеств и роли Православной Церкви в устройстве и формировании единого Российского государства.

Традицию такого подхода продолжают профессора-эмигранты А.В. Карташев, Н. Тальберг. Особую значимость имеет двухтомное сочинение профессора А.В. Карташева «Очерки по истории по истории русской церкви», где история Белорусской Православной Церкви XIV – XVI вв., в частности, рассматривается в первом томе. Важно подчеркнуть, что утверждение Московской митрополии в XIV в. раскрывается А.В. Карташевым через контекстуализацию этого вопроса в рамках учреждения Литовской митрополии [9].

К данному вопросу в межвоенный период обращаются и украинские исследователи. В частности, большой вклад в развитие исследования данной проблематики внесли профессор Н.С. Грушевский в своем многотомном труде «Історія України-Руси», где в общем нарративе украинской истории рассматривает также религиозный аспект, а также профессор церковного права А.И. Лотоцкий в своей двухтомной работе

«Автокефалія: Нарис історії автокефальних церков». В частности, стоит отметить, что в работах украинских историков большое внимание уделяется событиям, происходившим на территории современной Украины, а также истории Галицкой митрополии в конце XIV – начале XV вв. [5, 14, 15].

Кроме того, важно отметить труд архиепископа-эмигранта Афанасия Мартоса. Несмотря на то, что его работа была издана уже после Второй мировой войны в 1947 г, процесс создания его труда относится именно к межвоенному периоду. В своем исследовании «Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни» архиепископ Афанасий попытался дать краткие исторические сведения о Беларуси, в том числе и истории Православной Церкви. Стоит подчеркнуть, что особенностью его подхода является стремление рассмотреть события церковной истории, концентрируя внимание на событиях, происходивших в Великом Княжестве Литовском, на территориях современной Беларуси [1].

В советский период преобладала марксистская интерпретация исторического развития, в рамках которой основное внимание уделялось экономическому развитию государства, производительным силам и производственным отношениям. Единственной работой, вышедшей в СССР в 1930-х г., посвященной истории церкви, стал труд профессора Белорусского государственного университета Н.М. Никольского «История Русской церкви». Общая направленность его работы была выдержана в господствующей тогда марксистской идеологии. В частности, профессор Н.М. Никольский представлял формирование Московского государства с позиции развития денежного хозяйства в борьбе с удельным пратрикуляризмом. Н.М. Никольский отмечал, что в этот период церковь и светская власть шли на встечу друг другу, видя в друг друге естественных союзников. В этот период церковь должна была неизбежно сближаться с властью, санкционируя самодежавие московских князей. При этом стоит отметить, что автор в своем труде подчеркивал идентичность социальной природы церкви и создающегося государства [16].

Важной историографической проблемой истории Белорусской Православной Церкви XIV – XVI вв. является тема попыток заключения церковной унии между Православной и Католической конфессиями на территории Великого Княжества Литовского до Брестской Церковной унии 1596 г. В дореволюционной историографии не сложилось полноценной концепции относительно причин и последствий попыток заключения церковной унии в XV – XVI вв. в Великом Княжестве Литовском. Каждое событие в большей степени рассматривалось отдельно и не связывалось в

единый процесс истории княжества. Основным объяснением причин церковных уний в истории Великого Княжества Литовского было рассмотрение ее в контексте завоевательной политики Западной Католической Церкви, стремившейся охватить все христианское пространство. Такую традицию продолжил выпускник Литовской духовной семинарии, протоирей Константин Иоанович Зноско в своей компилятивной работе «Исторический очерк церковной унии. Ее происхождение и характер», где исследователь рассматривал указанный период в рамках всего контекста противостояния Восточной и Западной церкви. Однако более подробно к проблематике попыток заключения церковной унии до Берестейского собора 1596 г. подошел украинский историк, ректор Духовной академии Б. Гудзяк в своей работе «Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський Патріархат і генеза Берестейської унії». В своей работе автор затронул не только проблему папского натиска на восточную церковь и, в частности Киевскую митрополию, расположенную на территории Великого Княжества Литовского, но и культурную проблему, связанную с неполным пониманием различий православных и католических догм на территории княжества [6, 7].

Кроме того, важной темой историографии Белорусской Православной Церкви в межвоенный период является проблема изучения персоналий, связанных с историей Церкви. Особенно важно отметить изучение святых Белорусского Собора, прославленных в этот период. В этом отношении показательна статья профессора К. Ходыницкого, посвященная изучению святых Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, где особое внимание уделяется анализу письменных сведений о святых. Кроме того, в этот период также привлекает внимание исследователей житие Иулиании Ольшанской, в частности, в труде П.Г. Фдотова «Святые Древней Руси», где автор рассматривает почитание святых жен в рамках традиции всего Восточнославянского региона [20, 22].

Стоит отметить, что в межвоенной историографии большой интерес у исследователей вызывают личности литовских митрополитов. Однако важно подчеркнуть, что конкретно специальных исследований по данному вопросу не создается. Проблематика персоналий литовских митрополитов раскрывается в основном нарративе истории Церкви, в контексте исторических событий. Особое внимание привлекает личность митрополита Григория Цамблак, к анализу деятельности которого прибегают профессор А.В. Карташев, архиепископ Афанасий (Мартос), К. Ходыницкий,

Н.С. Грушеский и др. В межвоенной историографии развернулись дискуссии по оценке деятельности Григория Цамблака, в частности, принятие им сана митрополита без благословения патриарха и участие в деятельности Констанцкого собора 1414 – 1418 гг. [1, 4, 9, 22].

Кроме того, в межвоенной историографии прослеживается интерес исследователей к деятельности светских лиц, связанных с историей церкви. Стоит отметить, что важным аспектом многих работ является попытка дать оценку деятельности того или иного князя в отношении церкви. В этой связи особой интерес имеют работы польских исследователей, в том числе профессора К. Ходыницкого, который обращается к общему нарративу, заостря внимание на отношении представителей Ягелонов к Православной Церкви на территории княжества [22].

Не обошли исследователи также биографию князя Константина Константиновича Острожского. Интерес к личности князя Константина Острожского связан с его ролью в подготовке Брестского церковного собора, а также с борьбой против унии. В российской историографии личность князя, особенно в литературе православного направления, где долгое время практически не привлекалось новых источников, все более и более принимала идеологизированный облик. Начало этого процесса положил еще Н.И. Костомаров в своей работе «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». Установившуюся традицию продолжил в межвоенный период протоирей Константин Зноско в своей компилятивной работе «Князь Константин Константинович Острожский и его деятельность в пользу Православия». Данная работа является больше популярно-исторической и в меньшей степени представляет научный интерес [8].

Примерно в то же время в Польше вышло два крупных труда, посвященных личности князя Константина Острожского. Один из них, труд К. Левицкого «Książę Konstanty Ostrogski a Unja Brzeska 1596 r.», продолжал уже установившуюся православную традицию рассматривать деятельность князя как защитника и устроителя Православной Церкви в Великом Княжестве Литовском. Другой важной работой, не вписывавшейся ни в одну из «традиций», был уже упомянутый труд профессора К. Ходыницкого, где в соответствующих главах рассматривался вопрос личности князя в общем очерке истории православной церкви. Благодаря этим работам в историографии стали известны новые на тот момент факты деятельности князя Острожского. Среди них – переговоры князя с папскими нунциями и участие князя в общественно-политической и религиозной

борьбе в Великом Княжестве Литовском с 70-х гг. XVI в. Тем не менее, ранний период жизни князя по-прежнему остается мало изученным, и описывается очень кратко и поверхностно [22, 30].

Таким образом, в межвоенный период продолжается изучение истории Белорусской Православной Церкви XIV – XVI вв. В частности, исследователи 20-х – 30-х гг. XX вв. сделали шаг в развитии уже сложившихся исторических концепций. Большое количество работ историков данного периода носило компилятивный характер. Особенно сильное влияние в этом направлении оказал профессор Е.Е. Голубинский. В то же время историки межвоенного периода создали свои интерпретации событий, ввели в оборот новые источники и тем самым заложили основу для последующих исторических интерпретаций рассматриваемого вопроса.

Список литературы

1. Афанасий (Мартос), архиеп. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни / Афанасий (Мартос), архиеп. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2000. – 300 с.
2. Вернадский, Г. В. «Соединение церквей» в исторической действительности / Г.В. Вернадский // Россия и Латинство. – Берлин, 1923. – 120 с.
3. Глубоковский, Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии / Н. Н. Глубоковский. – Москва. : Изд-во Свято-Владим. Братства, 2002 – 189 с.
4. Грушевський, М.С. Історія України-Руси. Том V. Суспільно-політичний і церковний устрій і відносини в Українсько-руських землях XIV - XVII в. / М.С. Грушевський - Київ: Наукова думка, 1991 – 704 с.
5. Грушевський, М. Історія української літератури. Том 5. Книга 2 / М. Грушевський - Упоряд. О. В. Дідух; Приміт. С. К- Росовець-кого. / К.: Либідь, 1995.— 352 с.
6. Гудзяк, Б. Криза і реформа. Київська митрополія, Царгородський Патріархат і генеза Берестейської унії / Б. Гудзяк – Львів, 200 – 447 с.
7. Зноско, К. Исторический очерк церковной унии / К. Зноско – Москва: Отдел по благотворительности Московского Патриархата, «Мартис», 1993 – 233 с.
8. Зноско, К. Князь Константин Константинович Острожский и его деятельность в пользу Православия / К. Зноско - Варшава: Варшавская синодальная типография, 1933. – 60 с.
9. Карташев, А. В. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: Очерки по истории по истории русской церкви / А. В. Карташев – Москва: ТЕРРА, 1992 – 686 с.

10. Лапіцкі, М. Праваслаўе ў Вялікім княстве Літоўскім за часоў панавання Уладзіслава Ягайлы / М.Лапіцкі. – Нью-Йорк : ЗШПА Амерыкі, 1978. – 153 с.
11. Лаппо, И.И. Западная Россия и ее соединение с Польшей в их историческом прошлом: исторические очерки / И. И. Лаппо - Прага : Пламя, 1924. – 225 с.
12. Ластоускі, В. Гісторыя беларускай (крыускай) кнігі. / В. Ластоускі – Коўна: Адціснута ў друкарні Саклоўскага ш Лана, 1926 – 466 с.
13. Липинський, В. Релігія і церква в історії України. – Львів: Дружина, 1933. – 133 с.
14. Лотоцький, О. Автокефалія. Том I: Засади автокефалії / О. Лотоцький. – Варшава, 1935. – 203 с.
15. Лотоцький, О. Автокефалія. Том II: Нарис історії автокефальних церков / О. Лотоцький. – Варшава, 1938. – 560 с.
16. Никольский, Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – Москва: Политиздат, 1985. – 448 с.
17. Пичета, В.И. История Литовского государства до Люблинской унии / В.И. Пичета. – Вильно: Литва, 1921. – 76 с.
18. Пушкарев, С.Г. Роль православной церкви в истории России / С.Г. Пушкарев. – 2. изд. – New York : Possev-USA, 1985. – 123 с.
19. Тальбергъ, Н.Д. История Русской Церкви. – Jordanville: Типографія преп. Іова Почаевскаго. Свято-Троїцкій монастырь, 1959. – 928 с.
20. Федотов, Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 8: Святыя Древней Руси (X – XVII вв.) / Г.П. Федотов. – Москва: Мартис, 2000. – 268 с.
21. Федотов, Г.П. Собрание сочинений в 12-ти т. Т. 11. Русская религиозность. Часть II. Средние века. XIII-XV вв / Г.П. Федотов - Москва: Мартис, 2004. – 367 с.
22. Chodynicki, K. Geneza i rozwój legendy o trzech męczennikach wileńskich / K. Chodynicki. – Wilno: Tlochnia “Lux”. – Wilno: Portova 7, 1928 – 35 s.
23. Chodynicki, K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska: zarys historyczny, 1370 – 1632 / K. Chodynicki - Warszawa : Kasa im. Mianowskiego Instytut Popierania Nauki, 1934 – 632 s.
24. Chodynicki, K. Legenda o męczeństwie czternastu Franciszkanów w Wilnie / K. Chodynicki. – Wilno: Tlochnia “Lux”. – Wilno: Portova 7, 1927 – 26 s.
25. Chodynicki, K. Przyczynek do dziejów unji kościelnej na Litwie w w. XV / K. Chodynicki. – Poznań: Druk. Uniw. Poznańskiego, 1932 – 3 s.
26. Chodynicki, K. T. z. prawo "podawania" w cerkwi prawosławnej na ziemiach Rzeczypospolitej w XV i XVI w. / K. Chodynicki – Poznań: Druk. Uniw. Poznańskiego, 1932. – 4 s.
27. Chodynicki, K. Zygmunt August wobec wyznania grecko-wschodniego / K. Chodynicki. – Moskva, 1916 – 6 s.

28. Lapiński, A. Zygmunt Stary a kościół prawosławny / A. Lapiński. – Warszawa: 1937. – 206 s.

29. Lewicki, K. Geneza idei Unji Brzeskiej / Kazimierz Lewicki. – Lwów : nakł. Seminarjum Historji Polski Uniw. J. K., 1929. – 14 s.

30. Lewicki, K. Książę Konstanty Ostrogski a Unja Brzeska 1596 r. / Kazimierz Lewicki - Lwów : Towarzystwo Naukowe, 1933. – 224 s.

31. Lewicki, K. Sprawa Unji Kościoła Wschodniego z Rzymskim w polityce dawnej Rzeczypospolitej / Kazimierz Lewicki - Warszawa: nakł. Instytutu Badań Spraw Narodowościowych, 1934. – 41 s.

32. Woliński J. Polska i Kościół Prawosławny: Zarys historyczny / J. Woliński – Lwów: Publisher: Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, 1936. – 152 s.

33. Ziegler, Adolf. Die Union des Konzils von Florenz in der russischen Kirche / A. Ziegler. – Wuerzburg, 1938. – 160 s.

Хобня Д. Г., студент III курса

**СЛОВЕНСКОЕ СЕЦЕССИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ: ОТ
САМООПРЕДЕЛЕНЧЕНСКОГО ПОРЫВА «НОВОЙ РЕВИИ» ДО
ПРОВАЛА XIV СЪЕЗДА СОЮЗА КОММУНИСТОВ ЮГОСЛАВИИ
(ЯНВАРЬ 1987 – ЯНВАРЬ 1990 ГГ.)**

Научный руководитель:

А. П. Сальков,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается процесс эволюции словенского сецессионного движения в период января 1987 – января 1990 гг.: от публикации в журнале «Нова Ревия» «приложений к Словенской национальной программе», в которых говорилось о необходимости демократизации Югославии, а также о необходимости построения суверенного словенского государства, до провала XIV съезда Союза коммунистов Югославии, который завершил процесс распада единой югославской партийной организации и дал толчок к распаду Югославии на отдельные государства. На основании анализа источников, среди которых присутствуют решения словенского парламента, публикации в журналах «Нова Ревия» и «Младина», а также видеозапись XIV съезда Союза коммунистов Югославии, анализируются дезинтеграционные процессы, которые проходили в 1987 – 1990 гг. в Югославии в целом, и в Словении в частности.

Ключевые слова: Союз коммунистов Югославии, Югославия, XIV съезд Союза коммунистов Югославии, журнал «Младина», республика Словения, журнал «Нова Ревия».

После смерти главы СФРЮ Й. Б. Тито в 1980 г. страна потеряла в его лице своеобразного «объединителя» государства. Лишившись лидера, который выстроил систему, завязанную на нём, страна медленно начала разлагаться. Экономический кризис, рост националистических настроений в республиках привели к системному кризису, который парализовал страну. Полная власть после смерти Й. Б. Тито перешла к Президиуму СФРЮ, который должен был представлять из себя «коллективного» Тито, но он быстро дискредитировал себя в глазах общества. В 1986 г. в белградской газете «Вечерние новости» публикуется меморандум Сербской академии наук и искусств, ставший манифестом сербских националистов. Несмотря на то, что меморандум был осуждён властями Сербии, он нарушил хрупкий баланс между разными народами Югославии. В Словении ответом на меморандум стала публикация в феврале 1987 г. в журнале «Нова Ревия» «приложений к Словенской национальной программе» [1]. На 250 страницах авторы главным образом призывают к демократизации словенской политической жизни и построению суверенного государства. «Приложения» спровоцировали скандал в Югославии, и, хоть редакторы журнала были вынуждены уйти, никакого уголовного преследования не последовало. Такая сдержанная позиция руководства Союза коммунистов Словении и его непосредственного главы М. Кучана не могла удовлетворять союзные власти в целом и представителей федеральной власти в Словении в лице Югославской народной армии (ЮНА), особенно её главы в Словении адмирала Б. Мамулы. Адмирал обвинил руководство Словении в том, что оно не видит того, что авторы «Приложений» «отрицают национальную революцию» и «используют католическую церковь для захвата власти» [2, с. 38].

Такое отношение армии не увеличило её поддержку среди словенского общества, которое в условиях развития альтернативных организаций и увеличения степени политизации общества видело в ЮНА структуру, которая тормозила процессы демократизации Словении. Началась дискредитация ЮНА в СМИ, среди которых центральное место занял журнал «Младина» – главный оппозиционный журнал в Словении того времени. В журнале была опубликована информация о роскошной вилле на курорте Опатия, которая принадлежала адмиралу Б. Мануле

[2, с. 39]. Публикация сильно подорвала имидж ЮНА среди общественности. Власти Словении никак не препятствовали деятельности «Младины», поэтому армия решила действовать самостоятельно.

Весной 1988 г. журналисты «Младины» получили секретные документы с заседания ЦК Союза коммунистов Югославии, где оказывалось давление на М. Кучана с требованием остановить деятельность независимых СМИ, а также произвести аресты журналистов и диссидентов. Эти документы были опубликованы в материале под названием «Ночь длинных ножей», как позже говорил главный редактор журнала Ф. Заврл «для того, чтобы понять, насколько глубоко мы можем зайти» [2, с. 41 – 42; 3]. Союзное руководство отреагировало на это отставкой Б. Мамулы и назначением на его место контрразведчика полковника А. Васильевича. После назначения А. Васильевича последовали неразумные действия, которые усугубили положение ЮНА в Словении. Были арестованы сержант ЮНА И. Борштнер, который передал документы, журналисты «Младины» Я. Янша и Д. Тасич, а также главный редактор журнала А. Заврл. Процесс проводился военным трибуналом, поэтому руководство Словении не имело к нему отношения.

Словенская общественность мгновенно отреагировала на аресты, сразу после ареста журналистов был основан Комитет по защите прав человека. Суд проводился на сербскохорватском языке, а не на словенском, как того требовала республиканская конституция. Аресты и процесс стали катализатором общенационального движения за независимость Словении. Каждый день под зданием суда происходили многотысячные митинги и демонстрации, а с ростом поддержки осуждённых среди населения начало меняться и руководство республики, которое стало на путь оппозиции федеральному и армейскому руководству. Глава президиума Словении Я. Становник официально принял представителей Комитета по защите прав человека и заявил, что он «обязуется предпринять все необходимые шаги на союзном уровне» [2, с. 44]. После того, как журналисты были осуждены на различные тюремные сроки он и другие лидеры Словении (М. Кучан, Я. Дрновшек, А. Маринц) неоднократно подавали прошения о помиловании. При этом условия, в которых содержались гражданские заключённые, были максимально лёгкими.

«Суд над четырьмя» стал определяющим событием в отношениях между Словенией и федерацией, главным образом Сербией, которая стремилась к централизации Югославии. Во время противостояния между руководством автономного края Косово и белградскими властями

словенское общество стало на сторону албанцев. В 1989 г. с принятием поправок к конституции Союзной республики (СР) Сербия был нарушен хрупкий компромисс между республиканскими конституциями [4, с. 752]. В ответ на эти поправки в марте 1989 г. руководство Словении предложила внести поправки в словенскую конституцию. 27 сентября 1989 г. Скупщина Словении приняла 68 поправок в республиканскую конституцию, часть из которых закрепляли право выхода Словении из состава Югославии без согласия остальных союзных республик, говорили о необходимости члена Президиума от Словении руководствоваться республиканской конституцией, а не союзной, различным образом ограничивали полномочия союзных органов власти на территории Словении [5, с. 115–146]. Конституционный суд СФРЮ, однако, не мог каким-либо образом отменить эти поправки, а только указать на несоответствия между республиканской и союзной конституциями и призвать эти несоответствия убрать.

Вместе с государственным кризисом начался кризис в партийной структуре СФРЮ – Союзе коммунистов Югославии (СКЮ). Срачивание государственного и партийного аппарата привело к тому, что с ростом национализма в обществе в целом, произошёл рост национализма и среди членов СКЮ. Неэффективные решения и неспособность СКЮ как властной структуры справиться с усугубляющимся кризисом содействовали резкому падению авторитета СКЮ среди населения. Также не могли пройти бесследно для Югославии и СКЮ преобразования в странах восточной Европы, где после «бархатных революций» коммунистические партии теряли монополию на власть. Вместе с потерей влияния среди общества, в партийном руководстве также усиливались националистические настроения. Происходила изоляция республиканских Союзов коммунистов, которые зачастую выступали друг против друга.

Усугубляющийся кризис выдвинул на повестку необходимость реформирования партии вместе с государством. В 1988 – 1989 гг. в республиканских и краевых Союзах коммунистов начинается поиск вариантов выхода из кризиса, в результате которого вырабатывается две совершенно противоречащие друг другу концепции реформирования СКЮ [6]. Первая концепция, главным проводником которой был Союз коммунистов Словении, предполагала политический плюрализм, отход от догматизма, и, самое главное, отход от принципа демократического централизма и преобразование СКЮ в конфедерацию республиканских СК [6; 7, с. 23]. Принцип демократического централизма сильно ущемлял

возможности Словении и других небольших республик противостоять доминированию Союза коммунистов Сербии и его главы С. Милошевича, который, после изменений в руководстве автономных краёв Воеводина и Косово, а также в СР Черногория, доминировал в федеральном Союзе коммунистов. Другая концепция, олицетворяемая Союзом коммунистов Сербии и С. Милошевичем, предполагала сохранение принципа демократического централизма, руководящей роли СКЮ в стране, а также политики «один человек – один голос», которая закрепляла доминирование Сербия в СКЮ [7, с. 23].

С такими идеологическими разногласиями республиканские организации подошли к XIV Чрезвычайному съезду СКЮ, который состоялся в январе 1990 г. Предшествовавшие партийному съезду форумы в республиках не способствовали поиску компромисса между двумя программами, а наоборот, представители двух концепций искали союзников среди неопределившихся, вырабатывали возможные сценарии действий на съезде СКЮ, разрабатывали формы реализации своих концепций. На съезде СКЮ в Белграде всего было 1655 делегатов: из Сербии 564 (вместе с делегациями Косово и Воеводины), Боснии и Герцеговины 248, Хорватии 216, Македонии 141, Словении 114 и Черногории 99. Были делегаты от ЮНА, федеральных властей (68 и 198 соответственно), а также 7 членов Президиума СФРЮ [7, с. 26].

Во время конгресса все иллюзии, касающиеся единого фронта СКЮ, были разрушены. С самого начала развернулась полемика между словенскими и сербскими делегатами. Словенская делегация выдвинула требование о том, чтобы были учтены её предложения. В заявлении Союза коммунистов Словении говорилось о том, что необходимо реформировать СКЮ в социал-демократическую партию в виде добровольного объединения республиканских организаций, то есть в союз союзов. Глава Союза коммунистов Сербии С. Милошевич, однако, раскритиковал этот проект, сказав: «Предложение превращения СКЮ в союз союзов в интересах бюрократических элит этих СК. Из них строятся планы войны между югославскими коммунистами, и, я бы сказал, югославскими народами» [7, с. 27].

В результате двухдневной полемики между двумя лагерями ни одно предложение словенской делегации не было принято, и финал противостояния пришёлся на второе пленарное заседание, которое должно было выработать положения основного документа съезда «Новый проект за демократический социализм и Югославию». Первое предложение было

внесено делегатом от СК Словении Я. Коциянчичем, согласно которому СКЮ должен был превратиться в добровольный союз республиканских СК. Предложение было отклонено. Второе предложение о преобразовании СКЮ в единую демократическую партию также было отклонено. Предложения о преобразовании СКЮ в две партии (коммунистическую и социалистическую) и в демократическую социалистическую партию также не были приняты [7, с. 28; 8]. Сербская делегация могла легко продавить своё предложение о сохранении СКЮ как единой организации простым большинством делегатов, что, однако, не могло удовлетворить делегацию СК Словении.

22 января в 22:30 во время своего выступления председатель ЦК СК Словении Ц. Рибичич заявил о том, что словенская делегация не может продолжать участие в заседании съезда, т. к. не учтены не только требования СК Словении по преобразованию СКЮ в союз союзов, но даже «тот минимум, который бы обеспечил автономию, самостоятельность и равноправие словенской республиканской организации» [7, с. 28–29; 8]. Он также подчеркнул, что повторное голосование будет лучшим способом развала СКЮ и в этом случае решения, принятые на пленуме, никаким образом не обязывают к чему-либо словенскую делегацию [7, с. 28]. Сразу после речи Ц. Рибичича словенская делегация покинула зал заседаний. Слово взял председатель ЦК СК Хорватии И. Рачан, заявивший о том, что без словенской делегации съезд не может продолжать работу. Глава СК Сербии С. Милошевич в ответ на предложение И. Рачана предложил сформировать новый состав съезда, который продолжил бы работу без словенской делегации, однако это предложение вызвало ещё больший протест среди делегатов, в результате чего съезд покинула делегация СК Хорватии, а после неё делегации Боснии и Герцеговины и Македонии [8].

В результате после XIV съезда СКЮ перестал существовать, что открыло путь к демократическим преобразованиям в Словении и получению ей независимости. СК Словении был преобразован в Партию демократических преобразований, а бывшие коммунисты возглавили движение за получение Словенией независимости [9, с. 418; 10]. 2 июля 1990 г. была принята декларация о государственном суверенитете Республики Словения [5, с. 163]. Однако без единой партии в Югославии образовался вакуум, в котором не появилось какой-либо личности или организации, которая могла бы привести страну к компромиссу. В то же время в Словении, в отличие от других СР, среди всех политических элит от коммунистов до некоммунистических интеллектуалов сформировался

консенсус о будущем, к которому должна стремиться Словения – к независимости.

Список литературы

1. Prispevki za slovenski nacionalni program / ur. N. Grafenauer, D. Rupel, C. Jeraša. – Ljubljana : Cankarjeva založba u Ljubljani, 1987. – 250 s. – (Nova Revija, št. 57).
2. Silber, L. Smrt Jugoslavije / L. Silber, A. Little; s engleskoga prevela Anka Katušić-Balen. – Opatija: Otokar Krcšovani, 1996. – 384 str.: ilustr.: 24 cm.
3. The Death Of Yugoslavia 1/6 Enter Nationalism - BBC Documentary [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=vDADy9b2IBM>. – Date of access: 09.05.2021.
4. Югославия в XX веке: Очерки политической истории / Ответственный редактор К. В. Никифоров. – М.: Индрик, 2011. – 888 с.
5. Словения. Путь к самостоятельности. Документы. / Ответственный редактор Е. Ю. Гуськова. – М.: Индрик, 2001. – 552 с. + 8 ил.
6. Janša, J. The making of the Slovenian state: the collapse of Yugoslavia / J. Janša. – Ljubljana: Mladinska knjiga, 1994. – 251 p.
7. Pauković, D. Posljednji kongres Saveza komunista Jugoslavije: uzroci, tijek i posljedice raspada / D. Pauković // Suvremene Teme. – 2008. – God. 1, Br. 1. – s. 21–33.
8. Kongres SKJ + TV Dnevnik 2 (23.01.1990) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=8ySnqKJKgVw>. – Date of access: 08.05.2021.
9. История Словении / Л. А. Кирилина, Н. С. Пилько, И. В. Чуркина; отв. ред. И. В. Чуркина. – СПб.: Алетейя, 2011. – 480 с.
10. Slovenska novejša zgodovina: od programa Zedinjena Slovenija do mednarodnega priznanja Republike Slovenije 1848-1992 : v 2 zv. / Ljubljana: Mladinska knjiga: Inštitut za novejšo zgodovino, 2005. – 2 zv. – 2005. – 705 s.

Хомич Д. А., студентка III курса

ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ С БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В 1939–1945 ГГ.

Научный руководитель:

А. Е. Веремейчик,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Воссоединение Западной Беларуси с Белорусской Советской Социалистической Республикой – длительный и сложный исторический процесс. Важным аспектом данной темы является правовое оформление воссоединения Беларуси.

В историографии правовое оформление воссоединения белорусских земель раскрыто не полностью: зачастую исследуемые в данной статье законодательные документы авторы рассматривают по-отдельности.

Цель статьи – наиболее комплексно через анализ законодательных документов и сложившихся дипломатических отношений исследовать процесс правового оформления воссоединения Западной Беларуси с Белорусской Советской Социалистической Республикой. Ценность результатов исследования заключается в определении новых проблемных полей для дальнейшего изучения данной темы. Результаты исследования значительно дополняют сложившуюся историческую картину по данному вопросу и помогают раскрыть другие аспекты данной темы.

Ключевые слова: Западная Беларусь, линия Керзона, Народное собрание, дипломатические отношения, демаркация польско-советской границы.

После военного похода Красной армии на территорию Западной Беларуси необходимостью стало правовое закрепление произошедших территориальных изменений. 1 октября 1939 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «Вопросы Западной Украины и Западной Беларуси» из 33 пунктов, первый пункт обязывал руководство Белорусской Советской Социалистической Республикой созвать Белорусское Народное собрание в Белостоке [5]. Правом выбора в Народные собрания должны были пользоваться все граждане мужского и женского пола, достигшие 18 лет, независимо от социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности. Данный факт свидетельствует о демократическом характере выборов.

Выборы депутатов в Народное собрание состоялись 22 октября 1939 г. Право выдвижения кандидатов в депутаты Народного собрания получили временные управления городов, крестьянские комитеты, собрания рабочих на предприятиях, интеллигенции, отрядов Рабочей гвардии [7, с. 25]. Накануне выборов была развернута большая агитационная компания, которая также поспособствовала большой активности населения.

В результате было избрано по социальному составу: 563 крестьянина, 197 рабочих, 12 представителей интеллигенции, 29 служащих, 25 ремесленников, по национальному составу – 621 белорус, 127 поляков, 72 еврея, 53 украинца, 43 русских и 10 представителей других национальностей [7, с. 25]. Таким образом, можно сделать вывод, что большинство избранных кандидатов являлись крестьянами белорусами.

Работа Народного собрания началась 28 октября 1939 г. в Белостоке и была завершена 30 октября 1939 г. За этот период прошло пять заседаний.

На Народном собрании были рассмотрены вопросы о государственной власти, о вхождении Западной Беларуси в состав БССР, о земле, а также о национализации банков и крупной промышленности.

29 октября 1939 г. была принята декларация о государственной власти, где Белорусское Народное собрание единогласно высказались за установление советской власти на всей территории Западной Беларуси. В этот же день была принята декларация о вхождении Западной Беларуси в состав БССР. Согласно воле белорусского народа Белорусское народное собрание постановляло: «Просить Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик и Верховный Совет Белорусской Советской Социалистической Республики принять Западную Беларусь в состав Советского Союза и Белорусской Советской Социалистической Республики, воссоединить белорусский народ в едином государстве и положить тем самым конец разобщению белорусского народа» [4]. 30 октября 1939 г. на Народном собрании были приняты декларации «Об изъятии помещичьих земель» и «О национализации банков и крупной промышленности».

По итогам Народного собрания была избрана уполномоченная комиссия из 66 человек для командирования в Москву с целью передачи решения о вступлении Западной Беларуси в состав СССР [3, с. 53].

Таким образом, Белорусское Народное собрание имеет большое значение в процессе правового оформления воссоединения Западной Беларуси с БССР. На заседаниях собрания была принята только небольшая часть законодательных документов, необходимых для правового закрепления данного процесса, что свидетельствует о постепенном правовом оформлении, которое включило в себя несколько этапов.

Процесс юридически-правового оформления воссоединения Западной Беларуси с БССР был продолжен на V внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября – 2 ноября 1939 г. На третьем заседании 2 ноября 1939 г. был принят закон о включении Западной Беларуси в состав СССР и воссоединении ее с БССР.

Закон постановил Президиуму Верховного Совета назначить день выборов народных депутатов в Верховный Совет СССР от Западной Беларуси, а также предложить Верховному Совету БССР принять Западную Беларусь в состав БССР [1].

14 ноября 1939 г. на III сессии Верховного Совета БССР был принят закон о принятии Западной Беларуси в состав БССР. Данный документ

юридически закрепил воссоединение Западной Беларуси с БССР в единое белорусское государство.

Таким образом на основе принятых постановлений в состав Белорусской ССР вошла территория площадью 100 тыс. км² с населением 4,7 млн человек. Площадь республики увеличилась с 125,6 тыс. км² до 225,6 тыс. км², население – с 5,6 млн до 10,3 млн человек [3, с. 54].

Таким образом, правовое оформление воссоединения Западной Беларуси с БССР заняло более 2-х месяцев. Однако процесс воссоединения в данный период не был окончательно завершен, так как необходимо было время для формирования высших органов власти.

С учетом нового административно-территориального деления в избирательных участках западных областей БССР 24 марта 1940 г. состоялись первые выборы в Верховные Советы СССР и БССР. Формирование местных органов советской власти в западных областях БССР завершилось 15 декабря 1940 г., когда в результате выборов были созданы сельские, районные, городские и областные Советы.

Однако после изменения внешнеполитической ситуации с началом Великой Отечественной войны проблема легитимации западной границы БССР оставалась не решенной. 30 июля 1941 г. между правительством СССР и Польским эмиграционным правительством было заключено соглашение о восстановлении дипломатических отношений, получившее название «Соглашение Сикорского-Майского» [3, с. 136]. Правительство СССР признало советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу.

Таким образом, в условиях войны и возобновления дипломатических отношений СССР и Польского эмиграционного правительства правовое оформление воссоединения Западной Беларуси с БССР оказалось под вопросом.

26 февраля 1943 г. И. В. Сталин принял польского посла Т. Ромера, где заявил, что осенью 1939 г. произошло воссоединение украинского и белорусского народов. Сталин подчеркивал, что украинцы и белорусы не являются поляками [6].

Таким образом, правительство СССР публично озвучило свое видение сложившейся ситуации, что свидетельствует о желании СССР добиться пересмотра соглашения о советско-польской границе.

На Тегеранской конференции 23 ноября – 1 декабря 1943 г. СССР, США и Великобритания приняли за основу советско-польской границы линию Керзона. Данное решение было согласовано без участия

представителей польского эмиграционного правительства. Тегеранская конференция начала процесс дипломатического закрепления советско-польской границы, что в свою очередь свидетельствовало о закреплении правового статуса за воссоединением Западной Беларуси с БССР.

Тем не менее, в данный период советско-польская граница значительно отличалась от установленной линии Керзона. Необходимостью стало определение статуса г. Белосток. 27 июля 1944 г. в Москве В. Молотов и Э. Осубко-Моравский подписали договор между правительствами СССР и ПКНО договор о советско-польской границе, где за основу была принята линия Керзона с отступлением в пользу Польши Белостокской области и части Беловежской пуши [2, с. 36]. Несмотря на то, что данный договор вызвал неоднозначную реакцию населения Белостокской области, он имел большое значение в процессе стабилизации дипломатических отношений Союза Советских Социалистических Республик и Польского комитета национального освобождения (ПКНО).

Важнейшее значение для правового урегулирования вопроса о советско-польской границе имела Ялтинская конференция 4 – 11 февраля 1945 г. Определение советско-польской границы по линии Керзона было подтверждено, однако дополнительно устанавливалось, что в некоторых районах будут произведены отступления на 5 – 8 км от линии Керзона в пользу Польши [8, с. 333].

На Потсдамской конференции 17 июля – 2 августа 1945 г. участники переговоров постановили, что восточная граница Польши была определена на Ялтинской конференции. Таким образом, вопрос о советско-польской границе был рассмотрен и решен на международном уровне. Данный факт имел большое значение для урегулирования вопроса о статусе Западной Беларуси. За счёт поддержания устойчивых дипломатических отношений правовое закрепление установленной советско-польской границы и воссоединения Западной Беларуси с БССР получили международное признание.

Принятая советско-польская граница была закреплена договором о государственной границе между СССР и Польшей 16 августа 1945 г. Точная граница между государствами была определена по линии Керзона с отступлением в пользу Польши в некоторых районах от пяти до восьми километров. По договору СССР уступил Польше территорию на восток от линии Керзона до реки Западный Буг и реки Солокия, на юг от г. Крылов, а также часть Беловежской пуши [8, с.334]. После данного договора начался процесс демаркации советско-польской границы.

Таким образом, правовое оформление воссоединения Западной Беларуси с БССР стало последовательным историческим процессом, включающим в себя несколько этапов. На начальном этапе активное участие принимало непосредственно население Западной Беларуси. С началом Великой Отечественной войны и обострением внешнеполитической обстановки статус Западной Беларуси находился под вопросом. Однако установленные дипломатические отношения благоприятно повлияли на правовое оформление воссоединения Западной Беларуси с БССР. Установленная по итогам работы Ялтинской конференции советско-польская граница получила международное признание.

Список литературы

1. Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР. 31 окт. – 2 ноября 1939 г.: Стеногр. отчет. – М. : Верховный Совет СССР и Госполитиздат, 1939. – 102 с.
2. Вялікі, А. Ф. На раздарожжы. Беларусы і палякі ў час перасялення (1944–1946) / А. Ф. Вялікі. – Мн.: БДПУ, 2005. – 319 с.
3. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Кн. 2. / М. У. Смяховіч [і інш.]; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус.навука, 2012. – 654 с.
4. Декларация Белорусского народного собрания по вопросу о вхождении Западной Беларуси в состав Белорусской советской социалистической республики // Польша–Беларусь (1921–1953): сб. документов и материалов / сост.: А. Н. Вабищевич [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2012. – 224 – 225 с.
5. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопросы Западной Украины и Западной Беларуси // «Ты з Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі...». Верасень 1939 г. – 1956 г.: дакументы і матэрыялы: у 2 кн. Кн.1. Верасень 1939 г.–1941 г. /склад.: У. І. Адамушка [і інш.]. – Мінск: Беларус. Навука, 2009. – 20–25 с.
6. Прием И.В. Сталиным польского посла Т. Ромера. Москва, 26 февраля 1943 г. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. Документы и материалы. – М., 1944. – 369 с.
7. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн. Кн. 2. / Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т історыі / редкол.: А. А. Каваленя [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2014. – 335 с.
8. Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. – Минск: Экономпресс, 2011. – 416 с.

Будо М. Ю., студент II курса

АДРИАНОПОЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР И ЗАВЕРШЕНИЕ ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА 1820-Х ГГ.

Научный руководитель:

В. В. Сергеенкова,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Данное исследование посвящено проблеме обострения российско-турецких отношений в 1820-х гг., которое привело к войне 1828 – 1829 гг. В статье анализируется содержание Адрианопольского мирного договора, определившего территориальные изменения между Россией и Турцией на Балканах и на Кавказе, повлиявшего на положение балканских народов и сыгравшего свою роль в признании независимости Греции. Доказывается, что Адрианопольский мир стал крупной победой России.

Ключевые слова: Восточный кризис 1820-х гг., Россия, Османская империя, война 1828 – 1829 гг., И. И. Дибич, Адрианопольский мирный договор, балканские народы, независимость Греции.

Отношения между Россией и Османской империей на протяжении многовековой истории были достаточно сложными. Нередко политические противоречия разрешались военным путем. Итог в военных конфликтах подводился путем заключения договоров. Эти внешнеполитические документы часто определяли дальнейшую судьбу целых народов, проживавших на границах Российской и Османской империй. К числу таких договоров относится и Адрианопольский мирный договор.

Российско-турецкие отношения с середины 1820-х гг. постоянно обострялись. Российский император Николай I не мог не отреагировать на враждебные действия Порты. В итоге 14 апреля 1828 г. Россия официально объявила войну Турции. Уже через десять дней 6-й пехотный корпус Ф. К. Гейсмара вступил в Молдавию, а 27 мая началась переправа через Дунай. Позже русскими войсками была осаждена Варна. Параллельно с этим велись бои у Анапы и на азиатских территориях Турции. Так, 23 июня 1828 г. был взят Карс, а затем пали или сдались без сопротивления Ахалкалаки, Ахалцихе, Ацхур, Ардаган, Поты и Баязет. Практически везде русские войска встречали радушный прием, так как большинство населения регионов, где шли военные действия, составляли греки, болгары, сербы, армяне, грузины, румыны и представители других народов,

исповедовавших христианство и надеявшихся на освобождение от османского ига [1].

В начале 1829 г. главнокомандующим русской армией был назначен И. И. Дибич. Он, располагая относительно слабыми средствами, предпринимал лишь то, что, было необходимо для достижения цели войны. И. И. Дибич дал одно большое сражение при Кулевче, взял одну крепость Силистрию. Успехи русской армии сломили сопротивление турецкой армии. Русские войска вплотную подступили к Балканским горам, считавшимся непреодолимыми. И. И. Дибич с минимальными потерями перешел через Рог Старой Планины и привёл русскую армию к Адрианополю. Смелые и решительные действия И.И. Дибича ускорили заключение выгодного для России мира. И. И. Дибич докладывал императору: «Балканы, считавшиеся непроходимыми в течение стольких веков, пройдены в три дня, и победоносные знамена Вашего Величества развеваются на стенах Миземврии, Ахиолы и Бургаса, среди населения, которое встречает наших храбрецов как освободителей и братьев!». За эту военную кампанию И. И. Дибич получил титул Забалканского, а 22 сентября 1829 г. – чин генерал-фельдмаршала [2].

7 августа 1829 г. русская армия из 25000 человек подошла к Адрианополю. Начальник гарнизона не ожидал такого маневра и сдал город, а через некоторое время пал также и Эрзерум. Сразу после этого в ставку к графу И. И. Дибичу прибыл представитель султана с предложением заключить соглашение, известное как Адрианопольский мирный договор. Предложение о мире исходило от Турции. Однако Порты старалась затянуть переговоры, надеясь на поддержку Англии и Австрии. И. И. Дибич сообщил турецким посланникам, что если мир не будет заключен до 1 сентября, он начнет масштабное наступление на Константинополь. Султан был напуган возможной осадой столицы и направил в ставку русских войск посла с просьбой начать подготовку к подписанию соглашения о прекращении боевых действий.

2 сентября 1829 г. в ставку к И. И. Дибичу прибыли бешдефтердар (хранитель казны) Мехмед Садык-эфенди и главный военный судья Османской империи Абдул Кадыр-бей. Они были уполномочены Портой подписать Адрианопольский договор. От имени Николая I документ был заверен подписями графа А. Ф. Орлова и временного управляющего Дунайскими княжествами Ф. П. Палена [1].

Адрианопольский договор был подписан между двумя враждующими империями 2 (14) сентября 1829 г. Это был важнейшим документом,

который подвел итог русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг. Сразу следует заметить, что переговоры были весьма нелегкими для османской стороны. На турецкую делегацию оказывалось очень серьезное давление, в первую очередь со стороны Англии, которая по идее должна была выступить в качестве посредника на переговорах. Давление на турков оказывалось по вопросам территориальных компенсаций России на Кавказе и независимости Греции. Подробный обзор и анализ процесса переговоров и условий мира содержится в различных работах российских историков, например, в исследованиях Л. Н. Фадеева [3], Н. С. Киняпиной [4].

Текст Адрианопольского договора состоит из 16 статей. В Статье I говорилось: «Всякая вражда и несогласие, существовавшие доселе между обеими империями, отныне прекращаются на суше и на морях; и да будет на веки мир, дружба и доброе согласие» [5, с. 624]. Подчеркивалось, что обе стороны будут в точности исполнять все условия договора и наблюдать за тем, чтобы договор не нарушался ни прямым, ни косвенным образом.

Анализ этого исторического источника показывает территориальные изменения, которые происходили между двумя странами. Россия возвращала Османской империи все ее европейские территории, занятые в ходе войны 1828–1829 гг., города, селения и крепости. К Порте отходили Болгария, Добруджа от Дуная до моря, Силистрия, Гирсово и другие города и местечки, весь Балканский хребет и все места, занятые в Румелии российскими войсками [5, с. 624].

Договор четко определял границы России и Турции на Балканах по р. Прут и далее по р. Дунай до впадения Георгиевского гирла в море. Все острова, образуемые различными рукавами Дуная, должны принадлежать России, а правый берег Дуная по-прежнему оставался во владении Порты. Купеческим судам обеих держав предоставлялось свободное плавание по Дунаю. Вместе с тем отмечалось, что российские военные суда не будут ходить вверх по Дунаю выше его соединения с Прутом [5, с. 625]. Таким образом, устье Дуная вместе с островами отходили к России. Учреждалась карантинная линия на Дунае.

Статья IV определяла границу на Кавказе, которая «следуя по нынешнему рубежу Гурии от Черного моря» шла до границы Имеретии, и далее «в прямом направлении до точки, где граница Ахалцыхского и Карсского пашалыков соединяются с Грузией». Город Ахалцых и крепость Ахалкалаки оставались на севере от этой черты и отходили к России. К ней же отходили крепости Анапа, Поты, Суджук-кале. Земли на юг и запад от пограничной черты признавались владением Порты. Земли же на север и на

восток от пограничной линии «к стороне Грузии, Имеретии и Гурии», «весь берег Черного моря от Кубани до пристани Св. Николая включительно», признавались владением Российской империи на вечные времена. Таким образом, Османская империя официально признавала переход к России Имеретии, Картли-Кахетинского царства, Гурии и Мингрелии, а также переданных Ираном Эриванского и Нахичеванского ханств по Туркманчайскому мирному договору 1828 г. В итоге, Османская империя признавала территории России в Закавказье, уже ранее присоединенные к ней. Турция возвращались часть Ахалцыхского пашалыка, Карс, Баязед, Арзерум [5, с. 625]. Таким образом, несмотря на военное поражение Турции, Россия уступила ей многие территории, захваченные в ходе войны русскими войсками.

Оттоманской империи возвращалось Княжество Молдавия, Княжество Валахия в тех границах какими они были до войны. Молдове и Валахии предоставлялись свобода Богослужения, «безопасность, народное независимое управление и право беспрепятственной торговли» [5, с. 625]. Турция подтвердила абсолютно все привилегии и права, полученные ранее дунайскими княжествами, в эти права в том числе входили пожизненное избрание господарей и создание собственного земского войска. Тогда же, 2 (14) сентября 1829 г. был утвержден отдельный трактат относительно преимуществ для Княжеств Молдавия и Валахия [6, с. 629–633].

Адрианопольский договор касался и положения балканских народов. Так, Статья VI относилась к вопросу о Сербии. Турция должна была вернуть Сербии шесть округов, отторгнутых от нее. В результате она должна была обеспечить «спокойствие и благосостояние верного и покорного народа сербского» [5, с. 626]. Турция фактически подтверждала принятые по Аккерманской конвенции 1826 г. обязательства по соблюдению автономии Сербии.

Нельзя не отметить то, что условия Адрианопольского мира были очень выгодны Греции, да и в целом балканским народам. Хотя Адрианопольский мир прямо не касался положения Греции, но он повлиял на то, что вскоре Греция получила независимость. Так, в феврале 1830 г. конференция великих держав в Лондоне признала независимость Греции, как свободного государства.

Согласно Адрианопольскому договору Российские подданные получали право пользоваться во всей Оттоманской империи, на суше и на морях, полной свободой торговли. Эта свобода не могла быть нарушаема и стесняема. Российские подданные, их суда и товары ограждались от всякого

насилия и притязания. Порта обязывалась наблюдать за тем, чтобы торговля и плавание по Черному морю не подвергались каким-либо препятствиям. Проход через Босфор и Дарданеллы был совершенно свободен и открыт для российских судов под купеческим флагом. Как и для российских судов, проход через Босфор и Дарданеллы объявлялся свободным и открытым для купеческих судов всех держав, дружественных Порте. Порта обещала впредь никогда не останавливать суда, принадлежащие России и другим государствам, задерживать их проход через проливы, если Турция не состояла с ними в объявленной войне [5, с. 626-627].

Однако Турция должна была понести и серьезные денежные затраты. Так, статья VIII признавала, что Порта возместит российскому купечеству все ранее, с войны 1806 г., и ныне понесенные убытки в размере 1 млн 500 тыс. голландских червонцев в течение 18 месяцев. Предусматривалось, что Турция еще обязуется заплатить России компенсацию, размер которой будет установлен в специальном обоюдном согласии [3, с. 627].

После подписания договора военные действия обеих стран прекращались, предусматривалось, что все, что завоевано в этот период, подлежит немедленному возвращению [5, с. 628].

Всем участникам в военных действиях с обеих сторон даровалось общее прощение и полная амнистия, никто из них не подвергался преследованиям. Им предоставлялось право вступить во владение прежней собственностью или продать ее в течение 18 месяцев, если кто-либо желал переселиться в другую страну по выбору. Также подданным, проживавшим в областях, возвращенных Турции, или отошедших к Российской империи, разрешалось переехать со своими капиталами и движимым имуществом в одну из договаривающихся стран [5, с. 628].

Все военнопленные, независимо от звания и пола, сразу после ратификации договора должны быть выданы без какого-либо выкупа или платы. Исключением признавались христиане, принявшие в Турции ислам, и мусульмане, принявшие добровольно христианство в России [5, с. 628 – 629].

Предполагалось, что после ратификации договора и начала выполнения его решений (это касалось прежде всего статей о границах в Европе и Азии, а также о Княжествах Молдавия и Валахия, Сербии), Россия приступит к выводу своих войск из всех владения Оттоманской империи. Однако управление и порядок, установленные там благодаря Российской империи, будут сохранены. [5, с. 627-628]. Все прежние трактаты с Портой

признавались в полной силе. Адрианопольский договор было условлено ратифицировать не позже 16 месяцев после его подписания [5, с. 629].

Таким образом, Адрианопольский мир стал крупной победой России. Договор укрепил её позиции на Балканах и Кавказе, благодаря открытию проливов расширилась черноморская торговля, а также культурное и экономическое развитие кавказских и балканских народов. Договор продолжил процесс присоединения народов Кавказа к Российской империи. Неценима его роль и в восстановлении независимости Греции, хотя это требование формально не оговаривалось в условиях Адрианопольского договора. Договор стал крупной победой не только русской армии, но и русской дипломатии. Он завершил присоединение к Российской империи основных территорий Закавказья и создал благоприятные условия для развития черноморской торговли. После заключения мира ближайшей задачей внешней политики Российской империи стало восстановление дружественных отношений с Османской империей. Главной внешнеполитической задачей Николай I ставил сохранение стабильности и неприкосновенности границ России и дружественных стран. Он считал предпочтительным сохранение мира с Турцией, вместо ее ликвидации.

Таким образом, заключение Адрианопольского договора завершило восточный кризис 1820-х гг. Российская империя стала самым влиятельным государством на всем Ближнем Востоке. Естественно, такое положение дел заставило султана всеми силами выстраивать лояльное отношение с этим гигантом. Это в свою очередь способствовало укреплению мира на Ближнем Востоке.

Список литературы

1. Русско-турецкая война (1828–1829). [Электронный ресурс] // Российская империя. История государства Российского. – Режим доступа: www.rusempire.ru. – Дата доступа: 06.04.2021.
2. Дибич-Забалканский, Иван Иванович. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dic.academic.ru. – Дата доступа: 10.04.2021.
3. Фадеев, А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века / А. В. Фадеев. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 396 с.
4. Киняпина, Н. С. Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII – начало XX в. / Н. С. Киняпина, В. А. Георгиев [и др.]. – М.: Наука, 1978. – 434 с.
5. Отдельный акт трактата, заключенного в Адрианополе между Российской империей и Оттоманской Портой, об утверждении преимуществ для Княжеств Молдавии и Валахии. Сентября 2 [1829 г.]. // Полное собрание законов Российской империи. –

Собрание второе. – Т. IV. 1829. – СПб.: Типография II Отделения собственной его величества канцелярии, 1830. – № 3128. – С. 629–633.

б. Трактат, заключенный в Адрианополе между Российской империей и Оттоманской Портой. Сентября 2 [1829 г.] // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание второе. – Т. IV. 1829. – СПб.: Типография II Отделения собственной его величества канцелярии, 1830. – № 3128. – С. 622–629.

Валент А. Д., студэнтка II курса

ВОБРАЗ МІФІЧНАЙ ІСТОТЫ ВІЛЫ Ў БАЛКАНСКАЙ МІФАЛОГІІ

Навуковы кіраўнік:

С. С. Александровіч,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Анатацыя. Язычніцтва заўсёды з’яўлялася вельмі важным пластам жыцця нашых продкаў, таму так важна вывучаць і больш глыбока старацца разабрацца ў гэтай тэме. У дадзенай працы прапануецца разгледзець тое, як цесна перапляталася жыццё людзей з міфічнымі з’явамі на прыкладзе жаночай міфічнай істоты Вілы.

Ключавыя словы: Віла, язычніцтва, славяне, міфалогія, Юда.

Славянскае язычніцтва з’яўляецца багатай крыніцай для даследвання культуры і маральных каштоўнасцей пражываючых на гэтай тэрыторыі народаў. Праз даследванне абрадаў і вераванняў язычніцтва мы можам прасачыць далейшае развіццё рэлігійнай думкі на гэтых землях. У рэшце рэшт нават зараз, пры хрысціянскай рэлігіі, мы можам адмеціць некаторыя захаваныя абрады, якія прыйшлі да нас з язычніцкіх вераванняў.

Паняцце славянскай міфалогіі ўключае ў сябе мноства сфер жыцця нашых продкаў. Славянская міфалогія – гэта цэлы пласт духоўнай культуры, які ўключае ў сябе рэлігію, светапогляд і культурнае жыццё старажытных народаў. У кожнага народа свой узровень вывучэння і дасведчанасці аб сваёй міфалагічнай культуры, але зыходзячы з інфармацыі, якая ў нас ёсць, мы можам, нягледзячы на тое, што міфалагічныя культуры адрозніваюцца ад краіны да краіны, зрабіць вынікі аб схожых рысах ва ўсёй славянскай міфалогіі. Па-першае, гэта, канечне, неадрыўная сувязь міфалагічнай культуры і абрадаў з земляробчым цыклам. Па-другое, адушаўленне прароды і надзяленне яе боскай сілай [1].

Вілы – гэта жаночыя духі ў паўднёvasлавянскай міфалогіі. Вілу, ці самавілу, часцей за ўсё параўноваюць з рускімі русалкамі. Вілы з’яўляюцца пераважна станоўчымі персанажамі, часта да Вілы адносяць

эпітэт “белая”. Аблічча ў Вілы даволі прыемнае: вілы юны, бледналіцы, з залатымі дліннымі валасамі. Але часам у некаторых адсутнічае нос. Ходзяць у тонкіх белых альбо срэбранных, ці залатых адзеннях. Плацця ў Віл заўсёды длінною да зямлі, каб была магчымасць схваць свае звярыныя ногі. Ногі ў Віл маглі быць ад казы, каня ці асла. У Віл ёсць крылы, дзякуючы якім яны лятаюць па паветры. Калі адабраць у Вілы яе крылы, то яна пераўтвараецца ў простую жанчыну. Гэтым маглі скарыстацца мужчыны і такім чынам абрацца шлюбам з Вілай. Трэба адзначыць, што такі шлюб добра не скончваўся, і Віла, якая ўсё ж такі дабіралася да сваіх крылаў, злятала ад мужа, пакідаючы на яго дзіцё. Некаторыя разы магла дзіцё забраць з сабой.

Вілаў падзяляюць на вадзяных, лясных і горных у залежнасці ад месца іх пражывання. Аднак, не гледзячы на тое, што Вілы жывуць на зямлі, яны ўсёж такі лічацца нябеснымі істотамі. Вілы здольныя насылаць навальніцы, дажджы, град ці іншае дрэннае надвор’е. Таксама яны могуць насіцца па паветры і сабіраць аблокі. Вілы нават могуць дапамагаць людзям будаваць будынкi. Увогуле Вілы цесна звязаны з чалавечым жыццём і могуць паўплываць амаль на любую падзею чалавечага жыцця ў добрым альбо благім сэнсе. Вілы могуць быць нават хроснымі мацярамі для чалавечых дзяцей. Але, канечне, калі раззлаваць Вілу, то яна вельмі жорстка адпомсціць, і помста яе можа распаўсюджвацца на мноства людзей. З тягам часу Вілы ў фальклоры эвалюцыянавалі да абаронцаў палітычнай свабоды і грамадскіх інтарэсаў паўднёвых славян. Вілы вельмі любяць танцы і нават могуць захапіць у свае танцы сустрэлых юнакоў і ў выніку топяць іх ці мучаюць да смерці. Але калі юнак адгадае загадку Віл, то яны адпусцяць яго са шматлікімі дарами [2].

Яшчэ адна міфічная істота, якая жыве ў гарах і ў азёрах – гэта Юды. Юда з’яўляецца разнавіднасцю Віл. Юда, у адрознінні ад Вілы, да чалавека ставіцца выключна адмоўна і калі пабачыць кагосці, напрыклад, у возеры, то апутае сваімі дліннымі валасыма і патопіць. Асабіста падабаецца Юдзе выдзіраць сваёй жэртве вочы [2].

Такім чынам, мы можам бачыць, наколькі цесна было звязана жыццё тагачаснага насельніцтва з міфалогіяй. Міфалагічныя істоты існавалі не дзесьці за межамі пасялення ці ў цёмных вуглах хаты, а нават маглі абірацца шлюбам с простымі людзмі. Гэта можна вызначыць як паказчык нераздельнасці паняццяў міфалагічнага, таго, што выдумаў чалавечы розум, і рэальнага. Для людзей таго часу рэальнасць была менавіта такая, што ў ёй маглі існаваць звышнатуральныя сілы.

Спис літаратуры

1. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. – Москва: Современный писатель. – Т. 1. – 1995. – 808 с.
2. Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишнината отъ рождението му / Makedonskiiia Nauchenu Institutu. – София: Издание на Македонския наученъ институтъ, 1933. – 687 с.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Институт славяноведения РАН; редкол.: Н. И. Толстой (гл. ред.) [и др.]. – Москва: Межд. Отношения. – Т. 1. – 1995. – 488 с.

Довматович К. Д., студент II курса

САЙТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ «СОЛИГОРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Научные руководители:

В. А. Латышева,

кандидат исторических наук, доцент;

А. А. Приборович,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. XXI век является переломным в научной сфере. Появляются новые технологии, которые внедряются в научный оборот. На развитие исторической науки значительное влияние оказало распространение всемирной сети Интернет. Возможности и преимущества данной технологии постепенно распространились и в исторических научных работах. В настоящее время Интернет используется не только в рамках классического исторического исследования, он стал также объектом научных изысканий историков и источниковедов. Интернет и связанная с ним информационная революция XXI в. содействуют распространению новых исторических научных отраслей.

Цель данной статьи – определить роль и значение государственного сайта как исторического источника. В виду ограниченности данного исследования обозначенная проблема рассматривается на примере одного учреждения.

Ключевые слова: исторический источник, государственный сайт, Солигорский краеведческий музей, история, источниковедение.

Изучение исторических источников является важным направлением исторической науки. К определению термина «исторический источник» каждая историографическая школа подходит неоднозначно. Поскольку

дефиниция этого понятия не является объектом нашего исследования, мы будем придерживаться следующего определения: исторический источник – это объект, который содержит информацию о жизни людей в прошлом и включен в процесс исторического исследования [7, с. 6]. В нашем случае мы сосредоточим внимание на сайте – комплексе веб-страниц, содержащих определенную информацию и находящихся во всемирной сети Интернет, в частности, веб-страницах государственного учреждения Республики Беларусь – Государственного учреждения культуры «Солигорский краеведческий музей» (2010) [1]. При этом анализируется русскоязычный интерфейс веб-старницы, так как белорусско- и англоязычный разделы представляют меньший объем информации [1]. Значимость сайтов в рамках деятельности государственных учреждений подтверждается определенными мерами со стороны правительства Республики Беларусь, которые регламентируют организацию веб-страниц [6].

Сайт ГУК «Солигорский краеведческий музей» создавался в рамках общереспубликанского Интернет-пространства музеев Республики Беларусь – «Музеи Беларуси» (Museum.by) [1; 3]. Museum.by объединяет все веб-страницы музеев Республики Беларуси [3]. Разработкой сайта Солигорского краеведческого музея занимался научно-информационный отдел Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника при помощи веб-студии по созданию сайтов Dekart.org [1; 2; 4;]. Целями создания этого Интернет-ресурса являлась популяризация ГУК «Солигорский краеведческий музей» среди населения, а также внедрение новых технологий в деятельность данной организации.

Отметим, что сайт Солигорского краеведческого музея имеет определенную структуру, для которой характерны наличие гипер-ссылок. Веб-страница включает следующие гипер-ссылки: «Главная», «Посетителю», «О музее», «Новости», «Афиша», «Экспозиция», «Коллекции», «Основы безопасности жизнедеятельности», «Здоровый образ жизни», «Метрика» [1]. Помимо этого, каждый структурный элемент также включает в себя ряд ссылок на определенные ресурсы (в зависимости от тематики) [1].

Информация исторического содержания имеется в ряде разделов. В частности, история ГУК «Солигорский краеведческий музей» содержится в разделе «О музее». Данное учреждение культуры берет свое начало в 1976 г., когда было принято решение о создании музея в городе Солигорске. Открылся музей только 11 августа 1986 г. [1; 5, с. 15].

Определенную информацию об истории музея предоставляют вкладки «Новости» и «Афиша». Данные этих вкладок показывают мероприятия, которые так или иначе затронули Солигорский краеведческий музей за последние годы. В основном это события 2018 – 2021 гг. [1]. При этом отметим, что на сайте самая ранняя опубликованная новость датируется 4 ноября 2014 г., но последующая за ней новость только – 22 марта 2018 г. [1]. Таким образом, существует определенный разрыв между датами опубликованной информации. Данный фактор показывает нерегулярность публикуемых новостей на определенном этапе существования сайта.

Вкладки «Экспозиция» и «Коллекции» включают информацию о фондовых материалах музея на конкретном этапе его развития. Так, если на 1 января 2020 г. в фонде музея насчитывалось 18073 экспоната, то на 1 января следующего года – 18219. При этом Солигорский краеведческий музей производит комплектование по 24 коллекциям от артефактов археологии до этнографических материалов («Коллекции») [1].

Одним из интереснейших и уникальных Интернет-проектов ГУК «Солигорский краеведческий музей» является оцифровка метрической книги второй половины XIX в. Метрическая книга – это реестр (список) официальной записи гражданских актов в жизни общества (рождение, бракосочетание, смерть), которые составлялись в России с начала XVIII до начала XX вв. [1]. В данном случае в представленной метрической книге собрана информация о 600 браках, заключенных в 1857 – 1881 гг. в населенных пунктах западной части современного Солигорского района Республики Беларусь [1]. Данная метрика является историческим источником по истории XIX в. Оцифровка метрической книги и размещение ее на веб-странице музея облегчает ее использование как со стороны историков-профессионалов, так и со стороны интересующихся людей в рамках генеалогических исследований и поисков («Метрика»).

Интернет-ресурсы (в том числе и сайты государственных учреждений) являются неотъемлемой частью исторического исследования XXI в. Сайты государственных учреждений в полной мере можно считать историческими источниками в рамках изучения определенной тематики. В данном случае сайт ГУК «Солигорский краеведческий музей» может предоставить информацию об истории самого учреждения. Помимо этого, из представленной информации веб-страниц можно проследить определенные события из новейшей истории города Солигорска (например, публичные мероприятия в рамках музея). Также сайт этого учреждения

предоставляет возможность в изучении генеалогии, истории брака, демографии и других исторических тем по западным областям Солигорского района второй половины XIX в. Таким образом, данный Интернет-ресурс является весомым историческим источником в изучении различных аспектов истории как Солигорщины, так и в рамках более глобальных исторических проблем.

Список литературы

1. Государственное учреждение культуры «Солигорский краеведческий музей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://soligorsk.museum.by/>. – Дата доступа: 27.04.2021.
2. Декарт веб-студия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dekart.org/>. – Дата доступа: 23.04.2021.
3. Музей Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museum.by/>. – Дата доступа: 26.04.2021.
4. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polotsk.museum.by/>. – Дата доступа: 27.04.2021.
5. Памяць: Гіст.-дакум. Хроніка Салігорскага раёна / рэдкал. Л. М. Драбовіч [і інш.] ; уклад. М. З. Балашоў [і інш.]. – Мінск: БЕЛТА, 2004. – 576 с.
6. Постановление Совета Министров Республики Беларусь 29 апреля 2010 г. № 645 «О некоторых вопросах интернет-сайтов государственных органов и организаций и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 11 февраля 2006 г. № 192» / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21000645> – Дата доступа: 28.04.2021.
7. Ходзін, С. М. Крыніцазнаўства гісторыі Беларусі : дапаможнік / С. М. Ходзін. – Мінск: БДУ, 2012. – 255 с.

Даўматовіч К. Д., студэнт II курса

АФАРМЛЕННЕ ПАНОЎ-РАДЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў 1440–1492 ГГ.

Навуковы кіраўнік:

У. А. Падалінскі,

кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Анатацыя. У 30-я гг. XV ст. у Вялікім Княстве Літоўскім супрацьстаялі Жыгімонт Кейстутавіч і Свідрыгайла. Па выніку ваенага канфлікту на велікакняжацкім прастоле зацвердзіўся Жыгімонт. Аднак ужо пасля вайны на палітычнай арэне Вялікага Княства свае першыя крокі робіць новая палітычная сіла дзяржавы – радныя паны. Менавіта гэтая палітычная эліта ў сярэдзіне XV – сярэдзіне XVI стст. будзе адыгрываць не менш значную ролю ў гістарычных падзеях, чым вялікі князь літоўскі.

Мэта дадзенага артыкула – выяўленне асаблівасцей станаўлення Паноў-рады як дзяржаўнага органа ўлады Вялікага Княства Літоўскага. Пры гэтым разглядаецца перыяд, калі радныя паны ўпершыню ў гісторыі Вялікага Княства адыгралі самастойную ролю ў падзеях 1440 г. і да заканадаўчага афармлення гэтага кола найбольш уплывовых асобаў у дзяржаўны інстытут прывілеем Аляксандра Ягелончыка 1492 г.

Ключавыя словы: Вялікае Княства Літоўскае, Паны-рада, дзяржаўны орган улады, прывілей, палітычная эліта.

Пасля ваенага канфлікту 30-х гг. XV ст. у Вялікім Княстве Літоўскім (*далей – ВКЛ*) афармляецца новая палітычная сіла дзяржавы – Паны-рада. І ў далейшы час гэтае кола асобаў будзе адыгрываць важную ролю ў палітычным жыцці краіны. Ужо ў 1440 г. віленскі ваявода Даўгерд і трокскі ваявода Лелюш «возвали к соби в раду [вылучана намі – К. Д.] князя Черторыскаго» для арганізацыі змовы супраць вялікага князя літоўскага Жыгімонта Кейстутавіча: «А князь Жыкгимонт в тот час живота доконал троцкого повелением воеводы виленского Довкгирда а воеводы троцкого Лелюшы, а князя [Аляксандра – К. Д.] Чарторыскаго, и от руки Скобейка киянина убиен бысть у вербную неделю м[еся]ца [марта 20 дня]» [5, с. 181, 184, 401]. Пасля гэтых падзей у Вялікім Княстве на пэўны час зноў склалася нестабільная палітычная сітуацыя. У сувязі з гэтым адбыліся некаторыя змены ў асабовым складзе той рады, якая арганізавала змову супраць Жыгімонта Кейстутавіча. Калі паўстала пытанне аб выбранні наступнага вялікага князя літоўскага, то «панове-рада...» ў складзе Юрыя Гальшанскага, Кезгайлы, Яна Гаштальда, Мікалая Неміровіча і Крысціна Осціка «...поднесли королевича Казимира на Великое княство Литовское» [5, с. 184]. Менавіта ў перыяд кіравання Казіміра радныя паны канчаткова аформляюцца як дзяржаўны орган улады.

Роля радных паноў падкрэслівалася не толькі на ўнутранай арэне, але і ў міждзяржаўных адносінах. Напрыклад, у дагаворнай грамаце ад 9 лютага 1442 г. ад малдаўскага гаспадара, ваяводы Ілы Аляксандравіча да Казіміра адзначаліся паны-рада, як прадстаўнік усяго Вялікага Княства («з его [Казіміра – К. Д.] милостью быти у прязии и в единочестве и з его паны и

з его радою Литовское земли») [1, с. 53]. У адказным акце Казімір таксама асобна вылучаў велікакняжацкую раду [1, с. 54–55]. У наступнай дагаворнай грамаце з малдаўскім ваяводам Стэфанам ад 25 чэрвеня 1447 г. таксама адзначаюцца Паны-рады [1, с. 60].

Пасля смерці ў 1444 г. польскага караля Уладзіслава Варненчыка ў Польшчы абвастрылася барацьба вакол спадчынніка каралеўскай улады. Польская палітычная эліта «прыслалі послов своих великих до ... Казимира и до панов литовских» для таго, каб Ягелон стаў наступным польскім каралём [5, с. 192]. У сувязі з гэтымі падзеямі выяўляецца роля велікакняжацкіх радных паноў, якія да 1447 г. утрымлівалі Казіміра ў Вялікім Княстве [9, с. 115]. Аднак пасля прыняцця прывілея 1447 г. Казімір змог выехаць у Польшчу. Менавіта ад'езд вялікага князя стварыў у ВКЛ такую сітуацыю, што радныя паны ператварыліся ў асноўную палітычную сілу ў дзяржаве. Дзякуючы гэтым абставінам, кола самых уплывовых асобаў дабілася паступовага юрыдычнага афармлення сваіх правоў. Важна падкрэсліць ролю заканадаўчага акта 1447 г. у працэсе станаўлення Паноў-рады.

Справа ў тым, што згодна з 14 артыкулам прывілея 1447 г. «...а любо некоторыи *вряды* [вылучана намі – К. Д.] а либо чти, не маем дать в честь никоего чужоземца, але только родичам тых земель наших предреченых Вел. кн. Лит. дамо, и наши после будущии дадут в держание в володенье» [2, с. 127]. Так, супольнасць радных паноў была абмежавана ад іншаземцаў, бо найчасцей менавіта трыманне значнай пасады ў дзяржаве спрыяла пранікненню ў кола палітычнай эліты. Такім чынам, гэтым прывілеем былі зроблены першыя крокі для афармлення пэўнай карпаратыўнай закрытасці Паноў-рады.

Ужо Судзебнік 1468 г. вялікі князь літоўскі Казімір прымаў разам «и с паны радою нашею ...» [2, с. 128]. У дакуменце падкрэслівалася роля Паноў-рады ў судовых справах (напрыклад, толькі разам з раднымі панамі можна было выносіць смяротнае пакаранне) [2, с. 129–130]. Радныя паны таксама ўдзельнічалі ў міждзяржаўных адносінах. Так, у 1470 г. было заключана пагадненне паміж Казімірам і Ноўгарадам, згодна з якім у час адсутнасці вялікага князя літоўскага дапамогу наўгародцам павінны былі аказваць Паны-рада ВКЛ [7, с. 277]. Ужо ў 1474 г. менавіта Паны-рада, а не Казімір, паведамлялі прадстаўнікам крыжаносцаў аб тым, што ў выпадку маравога паветра з'езд для заключэння міра не зможа адбыцца [6, с. 329; 7, с. 277].

Склад Паноў-рады ВКЛ у другой палове XV ст. дакладна вызначыць даволі складана. М.К. Любаўскі адзначыў наступныя пасады, якія маглі спрыяць уваходу ў гэтае кола асоб: віленскі біскуп, віленскія ваевода і кашталян, трокскія ваевода і кашталян, жамайцкі стараста, маршалак, намеснік і іншыя ўплывовыя асобы дзяржавы [6, с. 327–329]. Дадзены склад рады мог вар’іравацца ў залежнасці ад сітуацыі, але ў асноўным на пасяджэннях не абыходзілася без сталічных і трокскіх прадстаўнікоў.

Пасля смерці Казіміра ў 1492 г. радныя паны зноў выбралі новага вялікага князя літоўскага. На гэты раз ім стаў Аляксандр Казіміравіч, які 6 жніўня 1492 г. новым прывілеям заканадаўча замацаваў становішча Паноў-рады ў палітычнай сістэме Вялікага Княства [4, с. 80; 8, с. 193]. Прывілей зацвердзіў сацыяльны статус землеўладальнікаў, у тым ліку і радных паноў (напрыклад, не ўзвышаць падатнага чалавека да шляхты) [3, с. 430–435]. З гэтага часу найбольш важныя справы (набілітацыя, г.зн. увядзенне ў шляхецтва; суд над землеўладальнікамі; прызначэнне на пасады і г.д.) вялікі князь літоўскі павінен быў вырашаць у згодзе з Панами-радай [3, с. 430–435]. Тэкст гэтага дакумента паказвае імёны тых асоб, якія з’яўляліся палітычнай элітай з канца праўлення Казіміра да пачатку праўлення Аляксандра: віленскі біскуп Альберт, віленскі ваевода, канцлер Мікалай Радзівіл; трокскі ваевода, земскі маршалак Пётр (Яновіч Мантыгердавіч Белы); трокскі кашталян, полацкі намеснік Ян Забярэзінскі, жамайцкі стараста Станіслаў Янавіч (Кезгайла), гарадзенскі намеснік Аляксандр Гальшанскі і іншыя прыдворныя ўраднікі князя [3, с. 430–435]. У часы княжання Аляксандра раднымі панами будуць з’яўляцца найбольш уплывовыя ў дзяржаве асобы, чый палітычны статус у далейшым пацвердзіць новы кароль і вялікі князь Жыгімонт Стары сваім прывілеем 1506 г.

Такім чынам, перыяд 1440 – 1492 гг. можна лічыць часам станаўлення новай палітычнай сілы ў ВКЛ – Паноў-рады. Напачатку, гэта было слаба арганізаванае кола асобаў, якія, тым не менш, значна ўплывалі на ўнутраную і знешнюю палітыку Вялікага Княства. Менавіта на працягу сярэдзіны – другой паловы XV ст. радныя паны паступова афармляюцца ў палітычную стурктуру. Частая адступнасць вялікага князя літоўскага з 1447 г. у дзяржаве спрыяла канцэнтрацыі ўлады радных паноў, што, у сваю чаргу, адбілася ў паступовым юрыдычным замацаванні іх правоў. Ужо ў 1492 г. прывілеем вялікага князя Аляксандра Паны-рада канчаткова была аформлена ў якасці дзяржаўнага органа ўлады, які ў наступныя часы адыгрываў значную ролю ў гісторыі ВКЛ.

Спіс літаратуры

1. Акты, относящиеся к истории Западной России: в 5 т. / Арх. комиссия, Спб.: тип. II отделения Е. И. В. Канцелярии, 1848–1853. – Т. 1: 1340–1506 / И. Григорович. – 1848. – 428 с.
2. Белоруссия в эпоху феодализма: сборник документов и материалов в трех томах / АН БССР. – Мн.: из-во АН БССР. – Т. 1: с древних времен до XVII века / [сост. З.Ю. Копыцкий, М.Ф. Залого]. – 1959. – 517 с.
3. Вялікае Княства Літоўскае: энцыклапедыя / Т. У. Бялов (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн.: Бел. Эн. ім. П. Броўкі, 2010. – 690 с.
4. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / Беларус. Энцыкл., Нац. арх. Рэсп. Беларусь; Пер з рус. Т.М. Бутэвіч [і інш.]. – Мн.: БелЭн, 1994. – 510 с.
5. Летапісы і хронікі Вялікага Княства Літоўскага (XV – XVII стст.) / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Філ. “Ін-т мовы і літ. Імя Якуба Коласа і Янкі Купалы”; уклад., прадм., камент. В.А. Чамярыцкага. – Мн.: Беларуская навука, 2015. – 479 с.
6. Любавский, М. К. Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М.К. Любавский. – М.: Москов. Ун-т, 1901. – 1160 с.
7. Любавский, М. К. Очерк Литовско-русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский; подгот. к печати Д.В. Карев; авт. вступ. ст. Д.В. Карев. – Мн.: Беларуская навука, 2012. – 397 с.
8. Пятраўкас, Р. Літоўская знаць у канцы XIV – XV ст.: Склад – структура – улада / Р. Пятраўкас; пер. з літоўскай мовы А. Мікус. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 386 с.
9. Akta unji Polski z Litwą 1385 – 1791 / S. Kutrzeba, W. Semkowicz. – Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1932. – 570 s.

Есис В. А., студентка II курса

ЯЗЫЧЕСТВО НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Научный руководитель:

Е. Г. Денисова,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме исследования языческих верований на белорусских землях в современной отечественной историографии (труды, издаваемые с 2000-х гг.). Ввиду малочисленности источников, работ по указанной теме

относительно мало. В статье представлены отдельные труды белорусских исследователей и выделены позиции авторов по таким актуальным вопросам, как языческий пантеон, картина мира древних славян, народный календарь. Выявляются аспекты, которые в них не были рассмотрены или недостаточно проработаны. Хронологические рамки охватывают период с IX в. по середину XIII в. Цель исследования состоит в том, чтобы определить основную проблематику в изучении язычества на территории Беларуси в отечественной историографии последних 20 лет.

Ключевые слова: языческие верования, отечественная историография, белорусские земли.

Религиозные верования на протяжении тысячелетий играли значимую роль в жизни общества. Само слово «религия» подразумевает изучение не только богов, духов, священных текстов и ритуалов, но также исследование менталитета, взглядов на жизнь, понимание добра и зла и отношение к смерти в обществе определенного периода.

На становление религиозных представлений на территории Беларуси влияли многие факторы, в том числе и географические. Так, именно выгодное географическое положение на пограничье Востока и Запада обусловило формирование на данных землях уникальной и очень богатой мифологии, а также смешение разных культур и представлений.

Если говорить о проблеме языческого пантеона на территории Беларуси, то следует отметить, что ввиду малочисленности источников, определить с точностью, каких языческих богов почитали наши предки, достаточно сложно. Основными источниками по данному вопросу выступают «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», а также многочисленные слова и поучения против язычества – «Слово некоего Христолюбца и ревнителя по правой вере» о языческих божествах, «Слово Иоанна Златоуста о том, как первые поганые веровали в идолы и требы им клали» и др. [5; 10; 9; 8]. Так, в «Повести временных лет» первые упоминания о языческих богах, в частности о Перуне и Велесе, относятся к правлению князя Олега [5]. В «Слове о полку Игореве», кроме вышеназванных богов, упоминаются Стрибог, Дажьбог, Хорс и др. [10, с. 51-97].

Отрывочность и запутанность сведений, а также недостаточная информативность источников обусловили малочисленность исследований по вышеупомянутой проблеме. Так, в первом томе научного издания «Гісторыя Беларусі», изданном в 2000 г. под редакцией М. Костюка, рассматриваются первобытный и раннесредневековый периоды истории

Беларуси на основе различных археологических материалов. Раздел «Культура. Вытокі беларускага этнасу», над которым работали Г. Штыхов, С. Тарасов, И. Ганецкая и М. Гурин, затрагивает в том числе и проблему языческих верований, а также процесс христианизации белорусских земель в X – XIII вв. В нём перечисляются имена и некоторые функции богов, а также основные культы, характерные для территории Беларуси. В разделе не освещается вопрос о процессе формирования языческого пантеона, больше внимания уделяется народному календарю и обрядовому творчеству [12].

Энциклопедический словарь «Беларуская міфалогія», изданный в 2004 г., является первой попыткой системного и полного описания традиционного культурного наследия белорусов. В труде нашлось место реконструкции архаических мифов, языческим поверьям, приметам, предписаниям, заговорам и т.д. Энциклопедический словарь очень удобен для поиска и уточнения отдельных терминов, но составить по нему определенные представления о языческом пантеоне IX – середины XIII в. затруднительно [2].

В третьем томе «Археалогіі Беларусі» размещены данные по исследуемой теме [1]. Во второй книге монографии «Славяне на территории Беларуси в догосударственный период» представлены новейшие научные разработки в области археологии, связанные с раннеславянской проблематикой на территории Беларуси, в том числе посвященные вопросам религиозных представлений, пантеона и культов славянского населения белорусских земель второй половины I тыс. н.э. [7].

Одним из трудов, который затрагивает проблему языческого пантеона на территории Беларуси, является монография Д.В. Скворчевского «Паслядах багоў: нарысы беларускай міфалогіі», изданная в 2019 г. Автор попытался на основе данных фольклора, исторических источников и других материалов воссоздать образы богов, почитаемых на белорусских землях, таких как Диевас, или Отец Неба, Перун, Велес, Доля, Сулука, Заря, Овсень и др. [6].

Довольно сложным для изучения является вопрос о картине мира древних славян. В источниках нет прямых сведений о том, как они представляли устройство окружающего мира и свое место в нем. Можно предположить, что у славян существовало понятие «Мировое древо», или «Древо жизни» [2, с. 152]. Следует отметить, что данная проблема в белорусской историографии рассматривается либо поверхностно, либо не рассматривается вовсе.

Космогонии и мифологической топографии посвящена отдельная глава в работе А. Шамака «Міфалогія беларусаў». Монография была издана в 2013 г. Автор подробно описывает процесс сотворения мира и три его части, иерархию богов, которые властвуют в них, а также белорусскую народную демонологию. Однако следует отметить, что А. Шамак опирается на этнографические сведения, причем не самые точные. Так, в списке использованных источников можно найти работы П. Шпилевского, в которых много вымысла. Вызывает сомнения и материал из частного архива А. Шамака, в частности, легенды и мифы о богах и героях [11].

Восточные славяне почитали не только богов и духов, но и различные природные объекты. О водных источниках и их почитании писал Э.М. Зайковский в книге «Жыватворныя крыніцы Беларусі», изданной в 2001 г. [4]. О почитании озер и болот говорят их языческие названия – Валовое, Тур, Поганское, Балваны, Дедово, Лебедь, Лось и др. Сохранилось множество местных легенд и поверий о происхождении водных объектов. Но данные материалы достаточно поздние, что не позволяет опираться на них как на исторический источник в полной мере [4, с. 66-67].

В учебно-методическом пособии «Этналогія Беларусі: традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве» описаны образы белорусской народной демологии: домашние, лесные духи, духи водных просторов и духи-болезни [13]. Много сведений по данному вопросу можно найти в энциклопедическом словаре «Беларуская міфалогія». Здесь представлены мифические существа, которые встречаются в белорусских поверьях и легендах [2].

Важным аспектом язычества является народный календарь. Одним из подробных описаний различных обрядов, обычаев и праздников, связанных с земледельческим календарем и уходящих корнями в глубокую древность, является научная работа Т.В. Володиной и Т.И. Кухаренок «“Ядраное жыта гаспадара кліча...”: каляндарны год у абрадах і звычаях», изданная в 2015 г. Труд основан на богатом этнографическом материале, что позволяет не только составить представление о календарных обрядах и обычаях наших предков, но и рассмотреть их региональные особенности: песни, варианты костюмов, местные рецепты праздничных блюд и т.д. [3].

Таким образом, в настоящее время тема язычества на белорусских землях активно прорабатывается: выходят новые монографии, статьи. Однако некоторые ее аспекты остаются не изученными или недостаточно проработанными. При этом следует учитывать, что на многие вопросы

сложно дать однозначные ответы, что приводит к появлению среди ученых разных точек зрения, каждая из которых по-своему аргументирована.

Список литературы

1. Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 3. Сярэднявяковы перыяд (IX – XIII стст.) / Я. Г. Звяруга, Т. М. Каробушкіна, П. Ф. Лысенка, Г. В. Штыхаў; Навук. рэд. П. Ф. Лысенка. – Мінск: Беларуская навука, 2000. – 554 с.: іл.
2. Беларуская міфалогія: Энцыклапед. слоўн./ С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мінск: Беларусь, 2004. – 592 с.
3. Валодзіна, Т.В. “Ядраное жыта гаспадара кліча”: каляндарны год у абрадах і звычаях/ Т.В. Валодзіна, Т.І. Кухаронак. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – 365 с.: іл. – (Традыцыйны лад жыцця).
4. Зайкоўскі, Э. М. Жыватворныя крыніцы Беларусі/ Э. М. Зайкоўскі, Л. У. Дучыц. – Мінск: Ураджай, 2001. – 110 с.
5. Повесть временных лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: knigosite.org/library/read/77814. – Дата доступа: 20.01.2021.
6. Скварчэўскі, З. Па слядах багоў: нарысы беларускай міфалогіі / З. Скварчэўскі ; ілюстрацыі Ганны Шчуко. – Мінск : Медысонт, 2019. – 160 с.
7. Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя. В 2 кн. Кн. 1/ О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук. Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларуская навука, 2016. – 410 с.: ил. – (Славянские древности Беларуси).
8. Слово Иоанна Златоуста о том, как первые поганые веровали в идолы и требы им клали// Памятники общественной мысли древней Руси: в 3-х т. – Т.1: Домонгольский период/ [Сост., автор вступ. Ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 247–250. – (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX в.).
9. Слово некоего Христолюбца и ревнителя по правой вере о языческих божествах// Памятники общественной мысли древней Руси: в 3-х т. – Т.1: Домонгольский период / [Сост., автор вступ. Ст. и коммент. И.Н. Данилевский]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 238–242. – (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX в.).
10. Слово о полку Игореве / Предисл. Д. С. Лихачева; Стихотв. перевод, комментир. прозаич. перевод и послесл. А. Ю. Чернова; Реконструкция древнерус. текста и примеч. А. В. Дыбо; Ил. С. К. Русакова. – СПб. : Вита Нова, 2006. – 360 с.
11. Шамак, А. А. Міфалогія беларусаў / А. А. Шамак. – Мінск : Інстытут культуры Беларусі, 2013. – 256 с.
12. Штыхаў, Г.; Тарасаў, С., Ганецкая І.; Гурын М. Культура. Вытокі беларускага

этнасу/ Г. Штыхаў, С. Тарасаў, І. Ганецкая, М. Гурын// Гісторыя Беларусі: у 6 т./ рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т.1: Старажытная Беларусь (ад першага засялення да сярэдзіны XIII ст./ В. Вяргей [і інш.]. – 2000. – С. 280 – 323.

13. Этналогія Беларусі: традыцыйная культура насельніцтва ў гістарычнай перспектыве: вучэб.-метаад. дапам. / Т.А. Наваградскі [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2009. – 355 с.: іл.

Кононова Е. Е., студэнтка II курса
**ЛИЧНОСТЬ БОРИСА ГОДУНОВА В ОЦЕНКЕ
СОВРЕМЕННОКОВ И ИСТОРИКОВ**

*Навуковы кіраўнік:
В. В. Сяргееўкава,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт*

Аннотация. В статье представлена оценка личности царя Бориса Годунова современниками, дореволюционными российскими историками (Н. И. Костомаровым, С. М. Соловьёвым, В. О. Ключевским), советскими исследователями и современными российскими учеными. На основе источникового и историографического анализа автор представляет реконструкцию фигуры Б. Годунова, включая его внешность, характер, окружение, общественную и политическую деятельность.

Ключевые слова: Борис Годунов, личность, характер, современники, историография.

Свидетельства, характеризующие личность Б. Годунова, можно найти на страницах трудов современников Бориса Фёдоровича, в исследованиях дореволюционных, советских и современных историков.

Следует отметить, что на основании записей современников можно вполне обстоятельно и подробно узнать о личности Б. Годунова. Так, являясь английским дипломатом, Дж. Горсей такими словами описал его личность: «У него красивая наружность; он хорошо сложен, обходителен, охотно выслушивает дурные советы; ... от природы хороший оратор, говорит прекрасно и внятными голосом. Ловкий, хитрый и мстительный, он не особенно сластолюбив, умерен в еде, отличается величественной осанкой» [1, с. 219]. Дж. Горсей оставил характеристику периода правления Бориса Фёдоровича: «Борис, желая достигнуть власти и наибольшего могущества для себя и своей семьи, постепенно подавлял, притеснял и удалил значительную часть бояр самых знатных и древних родов, ловко

расправлялся с ними и долго и безнаказанно мучил их, чтобы сделаться грозным и внушить к себе страх» [1, с. 219]. Николай Варкочь, который был отправлен посланником Рудольфа II в Москву, так описал Б. Годунова: «Борис жил в деревянном дворце и имел около себя большой и блестящий придворный штат. На голове Борис носил высокую бобровую шапку, на которой был огромный алмаз, окруженный жемчугом. Под этою шапкою была на нем Московская шапочка, с крупным жемчугом и множеством драгоценных камней. Одежда его была из золотой парчи с красными и зелеными цветами по бархату... Пальцы обеих рук украшены были множеством драгоценных камней, по большей части сапфиров» [2, с. 263 – 264]. На основании этих данных можно представить внешний облик Бориса Фёдоровича. Таким образом, можно говорить о том, что в работах современников Бориса Годунова преобладало стремление как можно точнее описать эту политическую фигуру. Неудивительно, что такого рода исследования стали своеобразной источниковой базой для дальнейших исследований.

Следует принять во внимание труды дореволюционных историков, например, Н. И. Костомарова, С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского. Данные работы получили наибольшее распространение и популярность среди современных историков и исследователей, на основании дореволюционных источников и исследований уже наши современники составляли свои монографии.

По мнению известного российского историка Н. И. Костомарова, Б. Годунов представляется таким: «... красивый собой, он отличался замечательным даром слова, был умен, расчетлив, но в высокой степени себялюбив. Все цели его деятельности клонились к собственным интересам, к своему обогащению, к усилению своей власти, к возвышению своего рода. Он умел выжидать, пользоваться удобными минутами, оставаться в тени или выдвигаться вперед... показывать доброту и милосердие, а где нужно – строгость и суровость. Постоянно рассудительный, никогда не поддавался он порывам увлечения и действовал всегда обдуманно... не останавливался ни перед каким злом и преступлением, если находил его нужным для своих личных выгод, в особенности же тогда, когда ему приходилось спасать самого себя» [3].

Известный историк С. М. Соловьёв писал о Б. Годунове: «Человек очень умный бесспорно, быть может, более всех других вельмож способный к правительственному делу, быть может, яснее других понимавший

потребности государства, главную из них – потребность просвещения, сближения с народами Западной Европы» [4].

Профессор Московского университета, известный российский историк В. О. Ключевский дал такую характеристику Борису Годунову: «Борис принадлежал к числу тех злосчастных людей, которые и привлекали к себе, и отталкивали от себя, – привлекали видимыми качествами ума и таланта, отталкивали незримыми, но чуемыми недостатками сердца и совести. Он умел вызвать удивление и признательность, но никому не внушал доверия; его всегда подозревали в двуличии и коварстве и считали на все способным» [5, с. 211–212].

Следует отметить, что среди работ дореволюционных историков можно выделить высокую степень критики как внешней, так и внутренней политики Бориса Годунова. Однако встречается выделение как общих черт характера личности исследуемой фигуры, например, щедрость, ум, талант, так и отрицательных, например, нерешительность.

Среди советских историков можно выделить работы Р. Г. Скрынникова, Г. В. Эрлиха, Л. Н. Гумилёва; статьи и монографии А. Н. Сахарова, которые являются самыми критикуемыми, получили огромнейшую популярность. Так, в произведении Л. Н. Гумилёва можно встретить критику знаменитой исторической драмы «Борис Годунов» А. С. Пушкина, а именно слов:

Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмёт венец и бармы Мономаха...

Л. Н. Гумилёв сообщает: «В этой характеристике Пушкин многое упустил, хотя в дальнейшем он, как тонкий мыслитель и гениальный поэт, рисует образ Годунова, весьма близкий к историческому прототипу» [6]. Он объясняет, что «Борис Годунов происходил из татар, но его предки вышли из Орды еще при Иване Калите, то есть за 200 лет до его рождения, и, конечно, его происхождение не могло иметь решающего значения. «Вчерашний раб» принадлежал к крупному боярскому роду и сам был окольниковым при Иване Грозном... Так называли доверенных людей, находившихся около царя, его советников. Борис Годунов был умный человек, прекрасный волевой администратор, именно поэтому он выдвинулся при Иване Грозном...» [6]. Также Лев Николаевич делает такой вывод относительно личности Бориса Годунова: «Борис Годунов был настоящим реформатором и по-своему справедливым, хотя и крутым

человеком: он хотел, чтобы всем было одинаково плохо... Никто не чувствовал себя ни на одну минуту в безопасности... Правительство Бориса Годунова, несмотря на очень разумную внешнюю политику, несмотря на то, что была налажена хозяйственная жизнь страны... было мало популярно в народе. Недовольство политикой Бориса зрело во всех сословиях и было вызвано прежде всего «пережитками прошлого» [6].

Г. В. Эрлих считает Бориса значительной фигурой в эпоху правления Ивана IV Грозного, Фёдора Ивановича и, собственно, во время его правления. Г. В. Эрлих отмечал: «Он и был главной звездой трех последовательных царствований – позднего Ивана Грозного, Фёдора Иоанновича и своего собственного» [7].

Так, следует выделить также высокую степень критики, которая прослеживается в советских работах.

К произведениям современного периода следует отнести работы В. В. Казарезова, В. Н. Козлякова, Е. Левкиной, Л. Е. Морозовой, А. Н. Боханова. Следует отметить, что уже постсоветские историки более глубоко описывают рассматриваемую проблему, так как они имеют доступ практически ко всем произведениям, посвященным периоду конца XVI – начала XVII в.

Так, писатель, экономист, исследователь истории российского крестьянства В. В. Казарезов сравнивает Бориса Годунова с Иваном III. Он подмечает некоторое сходство в отношении государственных дел между двумя царями: «Можно усмотреть некоторое сходство Бориса Годунова с Иваном III, который также не отличался воинственностью, также обвинялся в нерешительности, но при этом сумел добиться очень многого для русского государства» [8].

По словам современного историка В. Назарова, «это была очень яркая, неординарная и трагическая фигура. Он был, безусловно, очень опытным, взвешенным, иногда мудрым политиком, склонным к разумным компромиссам, но не всегда вовремя успевавшим принимать необходимые решения» [9].

Л. Е. Морозова делает такой вывод: «Утверждая свою собственную династию, он старался сделать все возможное, чтобы память о прежней поскорее стерлась в людских умах и сердцах» [10, с. 289]. Также следует уделить внимание таким словам Л. Е. Морозовой «... становилось очевидным, что все попытки царя Бориса укрепить трон ни к чему не привели. Опору следовало искать не вне, а внутри страны... частые опалы на различных представителей знати... тщеславие, чванство, мнительность и

подозрительность, поощрение доносов, любовь к иностранцам существенно подорвали репутацию выборного царя... Можно с уверенностью сказать, что к моменту появления самозванца нелюбовь к Борису достигла в русском обществе высшего предела. Многие были готовы поменять его на любого другого претендента на корону, даже с сомнительными правами и сомнительной репутацией» [10, с. 309–310].

На основании слов современников Б. Годунова есть возможность представить себе внешний образ Бориса, то есть во что он был одет, как он разговаривал, какие украшения были на нем. Также не менее важным является представление о том, кто его окружал и какими, соответственно, были люди при нем. Стоит отметить, что внешний образ Бориса Фёдоровича в тот период времени вполне соответствовал образу настоящего русского царя. Если учитывать мнения историков, можно заметить, что в характере Бориса присутствовали как положительные стороны, так и отрицательные. Положительные заключались, вероятно, в его отношении к государственным и внешнеполитическим делам: так, мнения историков сходятся на выделении таких качеств, которые были присущи исследуемой фигуре, как ловкость, хитрость, расчётливость, «дар слова», рассудительность. Таким образом, этими качествами Борис Федорович умело пользовался, когда, к примеру, вел переговоры, принимал участие в собраниях и на заседаниях. Отрицательные стороны его характера, в свою очередь, заключались в отношении, прежде всего, к самому себе, например, двуличие, себялюбие. По всей видимости, он всеми способами стремился возвысить свой род, усилить свою власть и, наконец, привлечь на свою сторону выгодных для себя людей. Несомненно, что личность Б. Годунова была крайне противоречивой, сочетавшей в себе и положительные, и отрицательные человеческие качества. Личность этого царя привлекала и, до настоящего времени, привлекает внимание и литераторов, и историков. В каждой новой работе, посвященной Б. Годунову, появляются новые подходы к оценке и его личности, и к его внутренней и внешней политике.

Список литературы

1. Горсей, Дж. Сокращённый рассказ или Мемориал путешествий / Дж. Горсей. // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Ю. А. Лимонова. – Л.: Лениздат, 1986. – С. 151–224.
2. Аделунг, Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений / Ф. Аделунг. – В 2 ч. / Пер. с нем. А. Клеванова. – М., 1864. – Ч. 1. – 301 с.

3. Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. – В 3 т. – Репр. воспр. изд. (1873 – 1888 гг.), 1992. – Т. 3. – 350 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolay_Kostomarov/russkaja-istorija-v-zhizneopisanijah-ee-glavnejshih-dejatelej/3_3. – Дата доступа: 25.01.2021.
4. Соловьёв, С. М. История России с древнейших времён / С. М. Соловьёв. – В 29 т. – Изд. 5-е. – М.: Унив. тип, 1874 – 1889. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Solovev/istorija-rossii-s-drevnejshih-vremen/8. – Дата доступа: 28.01.2021.
5. Ключевский, В. О. Исторические портреты / В. О. Ключевский. – М.: Эксмо, 2008. – 1312 с.
6. Гумилёв, Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории / Л. Н. Гумилёв. – М.: Экспресс, 1992. – 336 с.
7. Эрлих, Г. В. Хроники грозных царей и смутных времён / Г. В. Эрлих. – Т. 2. Царь Борис, прозваньем Годунов. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://libking.ru/books/sf/sf-history/273159-genrih-erlih-tsar-boris-prozvanem-godunov.html>. – Дата доступа: 27.01.2021.
8. Казарезов, В. В. Самые знаменитые реформаторы России / В. В. Казарезов. – М.: «Вече», 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.libfox.ru/542095-vladimir-kazarezov-samy-znamenitye-reformatory-rossii.html>. – Дата доступа: 02.03.2021.
9. Назаров, В. «Борису Годунову незначем было убивать царевича Дмитрия» / В. Назаров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2015/03/29/godunov/>. – Дата доступа: 25.01.2021.
10. Морозова, Л. Е. Два царя: Фёдор и Борис / Л. Е. Морозова. – 2-е изд. – М.: Русское слово, 2006. – 432 с.

Мядзведзева А.А., студэнтка II курса
**РЭКАНСТРУКЦЫЯ НАВАРЫНСКАЙ БІТВЫ
ПА СВЕДКАХ СУЧАСНІКАЎ**

*Навуковы кіраўнік:
В. В. Сяргеева,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт*

Анатацыя. Артыкул прысвечаны рэканструкцыі Наварынскай бітвы па сведчаннях удзельнікаў. Сцвярджаецца, што Наварынская бітва, адна з вялікіх бітваў XIX ст., стала адной з прычын руска-турэцкай вайны 1828 – 1829 гг. Даказваецца, што Наварынская бітва стала адным з вынікаў прыняцця Лонданскай канвенцыі 1827 г. Наварынская бітва прывяла да разрыву дыпламатычных адносін паміж вялікімі дзяржавамі і Портай. Вынікам стала разуменне, што вайны Расіі з Турцыяй не абмінуць.

Ключавыя словы: Наварынская бітва, сведкі сучаснікаў, рэканструкцыя, злучаная эскадра Расіі, Вялікабрытаніі і Францыі, знішчэнне турэцкага флоту, вынікі Наварынскай бітвы.

Наварынская бітва – гэта адна з вялікіх бітваў XIX ст. Яна стала вынікам дамовы Расіі, Англіі і Францыі наконт Грэцкага пытання. Менавіта гэта бітва стала адной з прычын руска-турэцкай вайны 1828–1829 гг.

16 жніўня 1827 г. паслы саюзных дзяржаў (Англіі і Францыі) азнаёмілі Порту з умовамі Лонданскага дагавора 1827 г. Яны далі ёй 15 дзён на азнаямленне з дадзенай нотай, аднак турэцкі ўрад быў не згодны з такім становішчам спраў. Тады 31 жніўня 1827 г. дыпламаты папярэдзілі Порту, што яны вымушаны пачаць выкананне ўмоў сакрэтнага пратаколу, а менавіта будзе дадзены пачатак для ўзброенага ўмяшальніцтва ў канфлікт паміж Портай і Грэцыяй. Адказ Порты быў такім: «Высокая Порта не прымае ніякай прапановы, што датычыцца грэкаў і пастараецца абараніць свае інтарэсы ўласнымі сіламі» [1, с. 40]. Тады саюзныя дзяржавы пачалі дзейнічаць згодна з умовамі дамовы.

У 1827 г. злучаная эскадра Расіі, Вялікабрытаніі і Францыі пад камандаваннем старэйшага ў чыне англійскага віцэ-адмірала Эдварда Кадрынгтона падышла да Наварынскай бухты. Там знаходзіўся турэцка-егіпецкі флот пад камандаваннем Махарема-бея. Галоўнакамандуючым турэцка-егіпецкімі войскамі і флотам быў Ібрагім-паша [1, с. 42]. Э. Кадрынгтон 5 (17) кастрычніка 1827 г. накіраваў Ібрахім-паше

ўльтыматум з патрабаваннем спыніць ваенныя дзеянні супраць грэкаў, які не быў прыняты. Тады, як паведамляў Л. П. Гэйдэн Мікалаю I, «кастрычніка 8 (20) у гадзіну папаўдні злучаны флот, які быў пабудаваны ў дзве калоны, увайшоў у Наварын, каб стаць на якары супраць турэцкіх караблёў. Ледзь палова флоту ўвайшла ў порт, як туркі першыя адкрылі ружэйны агонь з аднаго з 6 сваіх брандэраў па англійскаму фрэгату, прызначанаму для адвядзення ад гэтых лінейных караблёў, і хутка потым турэцкі фрэгат пачаў страляць з гармат па французскаму контр-адміралу, а ўслед за сім неадкладна напрыканцы агульная кананада» [2, с. 320–322].

У адказ Э. Кадрынгтон накіраваў да Махарэм-бея парламенцёраў з патрабаваннем прыняць умовы саюзнікаў, але туркі забілі парламенцёраў і абстралялі французскія караблі. Пасля гэтага саюзная эскадра адкрыла артылерыйскі агонь па караблям суперніка [3, с. 198]. Патрэбна адзначыць, што з самага пачатку саюзная эскадра не хацела нападаць. Ададзены перад гэтым загад Э. Кадрынгтона абвясчаў: «ніводнай гарматы не павінна быць выпалена са злучанага флоту перш, чым будзе зроблены на тое сігнал, хіба толькі ў такім выпадку, калі агонь адкрыецца з турэцкага флоту» [4, с. 238]. Аднак бітва пачалася і цягнулася чатыры гадзіны і скончылася поўным разгромам турэцка-егіпецкага флоту. [5] Гэта быў адзін з самых крываваых і разбуральных баёў таго часу. П. С. Нахімаў³ так пісаў свайму сябру М. Ф. Рейнеке ў лісце ад 4 (16) лістапада 1827 г.: «больш кровапралітнай і пагібельнай чым гэта бітва ці ледзь калі флот меў. Самі англічане прызнаюцца, што ні пры Абукіры, ні пры Трафальгаре нічога падобнага не бачылі» [4, с. 240].

Са слоў А. І. Рыбап'ера, рускага пасла ў Канстанцінопалі, нам вядома, што «на другі дзень пасля бітвы паслана была да егіпецкіх і турэцкіх кіраўнікоў ад саюзных адміралаў аб'ява, каб папярэдзіць іх аб наступствах, якія пацягне ўсякае новае з іх боку няпрямальскае дзеянне. Услед за сей аб'явай Тагір-паша, які ўжо ранкам прыязджаў для перамоў на карабель адмірала Э. Кадрынгтона, паспяшыў зноў з'явіцца да яго з тлумачэннем, што ні ён, ні сябры яго не будуць больш прадпрымаць ніякіх непрыязных замахаў. Злучаныя эскадры заставаліся ў Наварынскай гавані да 14 (26) кастрычніка і не былі патрывожаны. На другі дзень бітвы ўсе палонныя, узятыя падчас баявых дзеянняў, былі адпушчаны» [6, с. 179–180].

Наварынскі бой скончыўся амаль поўным знішчэннем турэцкага флоту. З 60 ваенных судоў Турцыі ацалеў толькі адзін фрэгат і некалькі

³ Падчас Наварынскай бітвы камандаваў батарэяй на лінейным караблі «Азоў».

дробных караблѣй. Злучаная ж эскадра не страціла ні аднаго судна, толькі некаторыя былі пашкодзаныя, у асабліваці карабель «Азоў». [2, с. 199].

Для Порты параза пад Наварынам была вялікай трагедыяй, бо яна разлічвала на перамогу. Параза ў бітве прывяла султана Махмуда II у лютасць. Ён то збіраўся заключыць еўрапейскіх дыпламатаў у Сямівежавы замак, то прапаноўваў забіць іх. З успамінаў А. І. Рыбап'ера нам вядома, што «Наварынская бітва раздражніла султана да таго, што ён задумаў без абвяшчэння вайны нас усіх забіць у адплату за знішчэнне турэцкага флоту» [7, с. 23]. Але потым султан крыху супакоіўся, бо яго прыбліжаныя пераканалі яго ў тым, што Наварынская перамога таксама была нечаканай і для саюзных дзяржаў. Пазней паслы Англіі і Францыі афіцыйна прынеслі Турцыі шкадаванні ад імя сваіх урадаў з нагоды дадзенага здарэння. Пасля гэтага турэцкі бок запатрабаваў спынення ўмяшання ў іх унутраныя справы і матэрыяльнай кампенсацыі за панесеныя страты. У адказ на гэта паслы прадставілі Турцыі ноту, у якой ультыматыўна казалі аб неадкладным заключэнні перамір'я з грэкамі. Аднак Порта не дала адказу. Пасля гэтага паслы пакінулі Канстанцінопаль. Дыпламатычныя адносіны трох дзяржаў з Турцыяй былі перапыненыя [8, с. 215].

У 20-х чыслах снежня 1827 г. Махмуд II звярнуўся да сваіх падданных з заклікам, у якім сказаў, што менавіта Расія вінавата ў цяжкасцях, якія напаткалі Асманскую імперыю, бо Расія арганізавала паўстанне ў Грэцыі. Султан абвясціў, што падпісаная па яго загаду Аккерманская канвенцыя паслужыла перадышкай для імперыі, сваё назначэнне яна выканалі і ня лічыцца больш дзеючай. Усе мусульмане імперыі заклікаліся быць гатовымі да джыхаду («свяшчэннай вайны з нявернымі») [1, с. 87].

Наварынская бітва стала вынікам супярэчак вялікіх дзяржаў, а падставай для яе і штуршком да баявых дзеянняў стала Лонданская канвенцыя 1827 г., бо Порта не пагадзілася з яе умовамі і вялікія дзяржавы пачалі выконваць умовы сакрэтнага пратакола. У выніку баявых дзеянняў, турэцкі флот быў знішчаны і туркі атрымалі паразу, што вельмі раззлавала Махмуда II, і ён аб'явіў джыхад Расіі, падставай для гэтага паслужыла ўпэўненасць султана ў тым, што Расія – арганізатар паўстання ў Грэцыі. Яшчэ аднім вынікам дадзенай бітвы стаў разрыв дыпламатычных адносін паміж вялікімі дзяржавамі і Портай. Стала зразумела, што вайны Турцыі з Расіяй не абмінуць.

Спис літаратуры

1. Киняпина, Н. С. Восточный вопрос во внешней политике России: конец XVIII – начало XX в. / Н. С. Киняпина, В. А. Георгиев [и др] – М.: Наука, 1978. – 434 с.
2. Из рапорта Л. П. Гейдена Николаю I о Наваринском сражении // Лазарев, М П. Документы. / М. П. Лазарев. – Т. 1 – М.: Воен.-мор. изд-во, 1952. – 524 с.
3. Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. – М.: Воениздат МВС СССР, 1948. – 492 с.
4. Письмо П. С. Нахимова М. Ф. Рейнеке о сражении в Наваринской бухте от 4 ноября 1827 г. / Нахимов, П. С. Документы и материалы / П. С. Нахимов. – СПб.: Петербургский институт печати, 2003. – 896 с.
5. Ташлыков, С. Л Наваринское сражение 1827 года / С. Л. Ташлыков // Большая Российская энциклопедия [Электронный ресурс] – Т. 21. – Режим доступа: https://bigenc.ru/military_science/text/2243202. – Дата доступа: 09.04.2021.
6. Богданович, Е. В. Наварин 1827–1877 / Е. В. Богданович. Наварин [Электронный ресурс] // Морские сражения русского флота: воспоминания, дневники, письма – М.: Военное издательство, 1994. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Bogdanovic_E_V/text1.htm – Дата доступа: 09.04.2021.
7. Рибопьер, А. И. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера / А. И. Рибопьер. / Предисл. и примеч. А. А. Васильчикова. // Русский архив. – 1877. – Кн. 1. – Вып. 4. – С. 460–506.
8. Андриенко, В. Г. До и после Наварина / В. Г. Андриенко. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 510 с.

Пясецкий, Д. В., студент II курса

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ФЕДЕРАЦИИ ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ – ПОЛЬСКОЕ КОРОЛЕВСТВО В КОНТЕКСТЕ ДИНАСТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ЯГЕЛЛОНСКОЙ УНИИ

Научный руководитель:

А. В. Любый,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Статья посвящена Ягеллонской унии между Великим Княжеством Литовским и Польским Королевством в 1492 – 1569 гг. Рассматриваются династический и личностный факторы создания Речи Посполитой. В работе доказывается, что создание Речи Посполитой явилось одним из этапов формирования Ягеллонской унии. Кроме

того, в исследовании анализируются также особенности реализации Ягеллонской унии на данном этапе. Поднимается вопрос о связи титула “наивысший князь Литвы” и династической унии Ягеллонов, а также дается оценка роли Ягеллонов в отношениях между Королевством Польским и Великим Княжеством Литовским.

Ключевые слова: династия Ягеллонов, Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая, межгосударственные объединения, “наивысший князь Литвы” Королевство Польша, Ягеллонская идея, Ягеллонская уния.

Одним из ключевых пунктов в формировании Ягеллонской федерации и продвижении Ягеллонской идеи являются условия унии между Великим Княжеством Литовским и Королевством Польским. Историческая связь этой унии идет со времен правления Ягайло и усиливается при его потомках. Немаловажную роль в формировании союза между государствами сыграло наличие общей правящей династии. Помимо распространения польских институтов на территории Великого Княжества Литовского, стоит сказать о значительном ослаблении королевской власти в Королевстве Польша и княжеской власти в ВКЛ в пользу шляхты. В условиях доминирующего политического положения в княжестве, шляхтичи смотрели в сторону Польского королевства, где было право “золотых шляхетских вольностей”, что сыграло на руку унии.

Нужно иметь ввиду, что первый, кто не использовал по наследству титул «*supremus dux Lithuaniae*» [наивысший князь Литвы – Д.П.] был Казимир Ягеллон [1, с. 1]. Для понимания сложившейся ситуации следует обратить внимание на политические взаимоотношения между двумя государствами после смерти Казимира. Дело в том, что Казимир умер в Гродно, то есть на территории Великого Княжества Литовского, и перед смертью он указал наследников для Королевства Польши и Великого Княжества Литовского. Можно предположить, что назначение наследников было сфальсифицировано. В результате смерти Казимира личная уния разрывается. Был ли заинтересован сам Казимир в этом, вопрос до сих пор не решен. Однако одно мы можем сказать наверняка – панам Великого Княжества Литовского по разным причинам было выгодно иметь отдельного от Королевства Польши правителя. Основная выгода состояла в том, что за время отсутствия Казимира в Великом Княжестве Литовском Паны-рада исполняли обязанности великого князя и не желали быть в подчинённом положении, а тем более утрачивать свой политический статус [2, с. 482].

В этой связи особый интерес представляет мнение Э. Гудавичюса, который пишет о том, что избранный на трон Александр должен был упрочить положение Великого Княжества Литовского в отношениях с Короной, однако выросший в польском окружении, воспитанный Я. Длугошем, «воспринимал политические связи Литвы и Польши в плоскости аннексионных притязаний последней и полагал Яна Ольбрахта своим сюзереном» [2, с. 483].

Титул «наивысший князь Литвы» не переходит и к Сигизмунду Старому после его коронации. Это можно проследить даже в документах, которые издаются от имени монарха [1. с. 9-15]. По нашему мнению, в данном случае можно говорить о ликвидации такого титула в принципе, поскольку в дальнейшем он не используется ни польскими королями, ни великими князьями литовскими. На этом основании можно сделать вывод о том, что наличие самого титула и присваивание его исключительно королю Польши может свидетельствовать о том, что титул использовался для юридического и формального подчёркивания зависимости Великого Княжества Литовского от Королевства Польского.

В 1522 г. в Вильно собрался Сойм. Он должен был решить многие вопросы, связанные с земской обороной и внешнеполитическими отношениями, однако на нём встал вопрос династийного наследования власти. Сигизмунд Старый воспользовался Соймом для упрочнения положения Ягеллонов и обеспечения будущего положения своего малолетнего сына Сигизмунда Августа, который родился в 1520 г. 4 декабря великий князь в большом собрании Панов-рады, духовных и светских лиц, вынес предложение, в соответствии с которым в случае смерти нынешнего короля не признавали и не принимали никакого другого своим государем, кроме его сына [4, с. 229-230]. Таким образом, сейм утвердил Сигизмунда Августа как наследника своего отца в Великом Княжестве Литовском. Остаётся открытым вопрос, зачем на юридическом уровне нужно было признавать наследника великого князя. Если мы посмотрим на предыдущие правления великих князей из династии Ягеллонов, то обычно такие моменты решались по завещанию. В династии Гедиминовиче обычно наследником великого князя признавался старший сын отца, хотя бывали исключения в том случае, если кто-то из сыновей был ближе к господарю. Однако в 1522 г. Сигизмунд посчитал, что сыну необходимо юридически зафиксировать свое положение [4, с. 230-231]. Совершенно очевидно, что таким образом Сигизмунд Старый пытался гарантировать Сигизмунду Августу официальный статус ещё при своей жизни. Конечно, практика

признания старшего сына правителем при живом отце существовала и активно использовалась во многих европейских державах, однако остаётся не до конца понятным, зачем со стороны сейма юридически фиксировать «очевидную» вещь. М.К. Любавский высказывает мнение о том, что этим признанием великий князь гарантировал трон своему сыну [4, с. 231].

Выше была описана деятельность Сигизмунда Старого по вопросу унии между двумя государствами. Безусловным и скорее, необычным для Великого Княжества Литовского остаётся факт прижизненного избрания Сигизмунда Августа на трон Великого Княжества Литовского и Королевства Польши в 1529 и 1530 гг. соответственно. М.К. Любавский пишет о том, что желание Сигизмунда Старого возвести на престол своего сына было «заветным желанием». Для шляхты это было более чем очевидно, поэтому произошёл своеобразный обмен прав, вылившийся в издание Статута 1529 г. [4, с. 252].

В годы правления Сигизмунда Августа участились совместные польско-литовские сеймы, где неоднократно поднимался вопрос об унии. Ситуации способствовало и нарастание влияния шляхетского сословия в Великом Княжестве Литовском. Стоит отметить, что даже после окончания Люблинского Сейма и создания Речи Посполитой процесс унификации и объединения так и не закончился. Это объяснялось, прежде всего, государственно-правовыми особенностями, которые на тот момент сохранялись в обоих политических субъектах.

Кульминацией формирования Ягеллонской федерации стало создание нового государства – Речи Посполитой на Люблинском Сейме 1 июля 1569 г. В тяжелых условиях внутренней политической нестабильности, внешних факторов в лице Русского царства, послы от княжества просто вынуждены были подписать акт унии. Важную роль здесь играл сам король и великий князь, который в самый тяжелый для Великого Княжества Литовского момент передал как спорные территории Волыни, так и Подляшье, Подолье и Киевщину в состав Королевства Польши. Этим действием Сигизмунд Август фактически нарушал действующее законодательство ВКЛ – Статут 1566 г., в котором четко прописывалась обязанность князя соблюдать территориальную целостность державы и всячески ее защищать. Совершенно очевидно, что Сигизмунд преследовал не только династические цели, но и конкретно цели польской стороны, ослабив вес ВКЛ на переговорах [6, с. 21]. Действия монарха можно рассматривать как измену по отношению к своему государству, поскольку он преследовал интересы другой державы.

Исходя из этого, следует обозначить особенности осуществления Ягеллонской идеи на рассматриваемом этапе. Во-первых, следует отметить, что интеграционные процессы данного периода были бы невозможны без предшествующего периода польско-литовских отношений. Во-вторых, в сравнении с предыдущим периодом, где польско-литовские отношения были представлены объединением, скорее политическим, но не институциональным, здесь можно констатировать роль личности монарха двух государств, который определил личную унию Великого Княжества Литовского и Королевства Польского. Можно также утверждать тот факт, что в рассматриваемый период (XV в.) Польша поменяла свою стратегию объединения с Великим Княжеством Литовским [8, с. 276]. Как отмечает исследователь Г. Лавмянский, государственная уния между обозначенными странами в XV в. была невозможна из-за разного уровня социально-экономических и политических отношений [8, с. 270]. В-третьих, поляки начинают распространение своего культурного влияния через институты и нормы польского государства на Великое Княжество Литовское. Этот процесс мы обозначаем как институционализация общественных норм. В-четвёртых, шляхта Великого Княжества Литовского была социальной опорой для объединительной политики Ягеллонов, поскольку они были заинтересованы в занятии преобладающего статуса на политической арене ВКЛ и получении «золотых шляхетских вольностей». В-пятых, можем говорить о полноценной политике Ягеллонов в объединении двух государств в одно. Это один из уникальных случаев, когда роль династии играет ключевую роль в создании государственной унии между двумя странами. Подобное влияние можно проследить через политику Габсбургов на формирование их империи. Однако в случае с Ягеллонской унией ситуация уникальна, потому что решающую роль в формировании федерации сыграл последний представитель рода Ягеллонов по мужской линии. В-шестых, хоть мы и придаём значительную роль в окончательном заключении унии Сигизмунду Августу, следует заметить, что после его смерти созданное государство не развалилось, что подчёркивает деятельность общих институциональных норм, которые сплачивали два государства. При этом особенно ярко прослеживается желание крупных политических сил Великого Княжества Литовского, а именно панов-радных, сохранить своё политическое влияние, что проявляется в Статуте 1588 г., в составлении которого существенную роль играли Паны-рада [6, с. 4].

Династия Ягеллонов внесла в историю Великого Княжества Литовского существенные изменения. Во-первых, произошла политическая переориентация с востока на запад. Это начинает проявляться с первых союзных актов ВКЛ и Королевства Польского и продолжается в период правления Казимира Ягеллончика и его потомков. Во-вторых, фиксируются социальные изменения: формируются социальные группы магнатов и шляхты, оформляются новые отношения между социальными группами, в том числе крепостное право. В-третьих, политические изменения выражены в переходе власти от аристократии в XV в. к власти шляхетского сословия в XVI в. и всех вытекающих из этого последствий. В-четвёртых, происходит правовое изменение: в источниках фиксируется титулатура монархов и название определённых социальных групп (бояре, князья, паны и т.д.).

Список литературы

1. Белорусский архив древних грамот / под ред. И. И. Григоровича, Ч. 1. – Москва: Типография С. Селивановского, 1824. – 148 с.
2. Гудавичюс, Э. История Литвы / Э. Гудавичюс. – Т.1. с древнейших времен до 1569 года. М.: BALTRUS, 2005. – 679 с.
3. Любавский, М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский. – Минск: Беларус. Навука, 2012. – 397 с.
4. Любавский, М.К. Литовско-Русский сейм / М.К. Любавский. – Москва: Университетская типография, 1901. – 1100 с.
5. Падалінскі, У.А. Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага Люблінскім сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай / Уладзімір Падалінскі ; навук. рэд. А.А. Радаман. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2017 – 240 с.
6. Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430- годдзя выдання : зб. навук. арт. па матэрыялах канф. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. А. Балашэнка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2018. – 255 с.
7. Akta unji Polski z Litwą 1385 – 1791 / S. Kutrzeba, W. Semkowicz, Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1932. – 570 s.
8. Łowmiański H. Polityka Jagiellonów / do dr. przygot. Krzysztof Pietkiewicz. – Poznań: Wyd. Poznańskie, 1999. – XII, 673 s.

Черкас Е. Э., студентка II курса

АВТОПОРТРЕТЫ А. ДЮРЕРА: ЭВОЛЮЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

Научный руководитель:

И. Г. Томашева,

кандидат искусствоведения, доцент

Аннотация. Статья посвящена эволюции художественного образа в автопортретах немецкого живописца А. Дюрера. Рассматривается наследие великого художника, которое позволяет проследить изменения в изображении его внешности и проанализировать трансформацию статуса мастера в обществе. В статье представлена авторская типология автопортрета, показывающая композиционно-смысловые инварианты архитектоники автопортретного произведения. Целью исследования является раскрытие роли Альбрехта Дюрера в развитии жанра автопортрета на основе анализа изменений в его изображении себя.

Ключевые слова: автопортрет, Альбрехт Дюрер, автопортреты А. Дюрера, эпоха Возрождения, эволюция художественного образа.

Альбрехт Дюрер является одним из первых художников эпохи Возрождения, который занимался автопортретом как самостоятельным жанром. Сегодня благодаря сохранившемуся наследию автопортретов А. Дюрера, мы имеем возможность проследить то, как рост популярности и становление художника влияли на изменения в его изображении себя.

В первых сохранившихся автопортретах XV в., которые можно классифицировать как «вставные автопортреты», наблюдается изображение художника в сложной сюжетной композиции, где он, как герой, является участником происходящего и в то же время выступает фигурой, которая обозначает его авторство. Такие автопортреты мы наблюдаем, например, в творчестве Мазаччо, Сандро Боттичелли, Доменико Гирландайо. Однако, в конце того же века в творчестве Альбрехта Дюрера мы видим произведения автопортретного жанра с совершенно новой стороны: они представляют тип «естественного автопортрета», где художник представлен один, а не в групповой композиции и часто на совершенно нейтральном фоне [2, с. 569- 570]. В таких автопортретах внимание специально сконцентрировано на изображении лица, фигуры и образе художника. Таким образом А. Дюрер расширяет возможности автопортретного жанра, показывая, что автопортрет, где художник изображён один, является, как и

«вставные автопортреты», живым и содержательным произведением, которое рассказывает больше, чем просто историю: оно раскрывает внутренний мир и ощущения автора в конкретный момент времени.

Автопортрет для Дюрера является не просто изображением себя, а скорее самоутверждением и самоидентификацией своей личности. Такой автопортрет является типом «автопортрет-самосозерцание», когда произведение раскрывает духовный облик автора, его взгляд на себя «со стороны», фиксирует конкретное психологическое состояние художника, мимическое выражение или «момента лица» во времени. Проанализировав эволюцию жанра автопортрета, можно увидеть то, как меняется художественный образ художника во времени, его ощущения самого себя и своё понимание истинного положения в обществе, а также трансформацию стиля мастера и его эксперименты с изображением собственной фигуры. Обратимся к автопортретам Дюрера, которые доказывают и своим количеством, и своим качеством то, что автопортрет – это самостоятельный жанр живописи.

Стоит начать анализ с рисунка, который позже удивил самого А. Дюрера. Это «Автопортрет» 1484 г., (Галерея Альбертина, Вена), что подтверждает подпись в верхнем правом углу: «Это я сам нарисовал себя в зеркале в 1484 году, когда был ещё ребёнком. Альбрехт Дюрер». Сегодня благодаря сохранившимся источникам нам известно, что в Германии конца XV в. не был распространён жанр автопортрета. Поэтому можно говорить, что 13-летний Дюрер создавал свой автопортрет, отталкиваясь только от своих ощущений и внутреннего видения своего образа. Нужно заметить, что мастер, фиксируя своё лицо и тело, не имеет цели приукрасить его: мы видим растрёпанные волосы, детские, ещё наивные глаза, устремлённую к отражению руку. Создание данного автопортрета становится для Дюрера некоторым способом познания своей красоты и своего изображения, а также возможностью понять свои внутренние ощущения относительно себя – мы видим, что данный автопортрет является достаточно личным и не подразумевает под собой обращение к публике [5, с. 33]. Необходимо сказать, что уже первый автопортрет А. Дюрера свидетельствует о мастерстве и способностях художника, которые проявляются ещё в детстве: удивляет то, как точно юный мастер передаёт формы и пропорции своей фигуры, а также то, как объёмно и реально-ощущаемо изображаются его волосы и объём его одежды.

Два следующих автопортрета А. Дюрера представляют этап юношеского становления художника, когда он познаёт своё мастерство в

изображении объектов, и оттачивает ранее приобретённые навыки посредством создания новых произведений. И в автопортрете 1491 г. (Галерея Альбертина, Вена) и в автопортрете 1493 г. (Лувр, Париж) мы видим значительные изменения в изображении лица мастера: теперь оно представлено не в профиль, а близко к анфасу. Кроме того, наблюдаются изменения в расстановке акцентов на деталях автопортрета: мы видим, как тщательно художник прорисовывает черты лица и как слегка обозначает лишь контур волос и одежды. Такие изменения свидетельствуют о том, что в данный период мастер активно учится фиксировать особенности лица в моменте, а не прорабатывать образ целиком. Интересна проявляющаяся уверенность художника в создании своих произведений: больше нет потёртостей и явных исправлений, теперь каждая линия и каждый штрих находятся на своём месте и не подлежат исправлению. Удивляет также и то, что художник не создаёт ни предметную среду вокруг своего изображения, ни фиксирует окружающее его пространство. Можно сказать, что всё это он познаёт, работая подмастерьем в Нюрнберге, создавая натюрморты, портреты, гравюры.

Таким образом, юношеские автопортреты показывают то, как происходило изучение А. Дюрером своего изображения в зеркале. Мы видим активное стремление к профильному изображению и фиксации лицевых особенностей, а также некоторое соревнование со своим зеркальным отражением и обозначение схожести видимого и существующего, однако, нужно сказать, образ художника во всей полноте ещё не раскрыт, а красота мастера ещё не подчёркнута.

В период своего продолжающегося обучения А. Дюрер создаёт три автопортрета, которые сегодня являются самыми популярными сохранившимися изображениями художника. Часто искусствоведы замечают, что ни один портрет Дюрера не сравнится с ними по красоте и сложности образа.

«Автопортрет с остролистом» 1493 г. (Лувр, Париж), известен также под названием «Портрет жениха», был создан как изображение художника для его будущей невесты. Целью данного автопортрета не является разговор с публикой, однако он имеет информативно-направленный характер. Это свидетельствует о том, что А. Дюрер начинает отходить от типа «автопортрет-самосозерцания» и закладывает черты «автопортрета-самоописания». Данный тип отличается тем, что художник, познав своё изображение, стремится не просто описать себя, а представить зрителю. Таким образом мы видим, что А. Дюрер теперь не только анализирует свою

внешность и познаёт свою красоту, но и делится ею со зрителем. Нужно сказать, что в последующих автопортретах мы также встречаем изображение художника, которое направлено на зрителя, что говорит о начале создания автопортрета с развивающим сюжетным началом, то есть «автопортрета-самоописания». Примерами такого типа являются автопортреты XVII – XVIII вв.: Н. Пуссена, Л. Давида, Ж.-Б. Шардена и др.

В автопортрете 1493 г. заметна яркая проработанность образа, декоративность, обилие деталей, которые ярко подчёркивают и усиливают красоту и молодость художника [4, с. 233]. Кроме того, просматривается усложнение произведения автопортретного жанра посредством проступающего символизма (чертополох как символ верности) и наличие черт будущего представительского автопортрета: художник наряжен, красив, непорочен, причёсан – его образ идеален.

В работе 1498 г. (музей Прадо, Мадрид) автопортрет художника окончательно трансформируется в сложное, структурированное и проработанное произведение. Мы видим костюм и отличительную черту образа Дюрера – длинные завитые кудри. В XVIII в. идеализацию образа и вычурность наряда художника можно наблюдать в «парадном автопортрете». Важное значение имеет в данном произведении изображение перчаток, которые являются не просто элементом одежды, а символом того, какой статус приписывал себе художник: создатель искусства (нам известно, что в Германии в то время, живопись считается ещё ремеслом, а не искусством, что конечно огорчает и ужасает Дюрера, который всегда восхвалял живопись и её возможности). На то, что данный автопортрет является произведением нового этапа мастерства художника, который начинает активно бороться за авторское право, указывает его подпись, заканчивающаяся именной монограммой «А. Д.».

Самым популярным и спорным автопортретом, который заканчивает великую триаду автопортретов художника, является произведение «Автопортрет в возрасте двадцати восьми лет» 1500 г. (Пинокатека в Мюнхене). Данный автопортрет особо привлекает внимание своим сходством с принятыми в то время в искусстве изображениями Христа: симметрия композиции, краски тёмных тонов, поворот анфас и рука, поднятая к середине груди, можно сказать, в жесте благословения, а также надписи на чёрном фоне по обе стороны от Дюрера как бы парящие в пространстве. Лёгкие тона предыдущих автопортретов теперь сменяются приглушённой гаммой, а одежда, отделанная мехом, окончательно воспекает высокий социальный статус художника. Такой порыв

самоутверждения и набожного отождествления себя с Христом приводит к изменению в трактовке привычного изображения художника и дезорганизации канонов автопортрета в искусстве. Ведь одно дело, когда образ другого человека подобен святому существу, и совсем другое, когда ты, как создатель, осознаёшь себя в качестве творения бога и ощущаешь свою способность стоять с ним на одном уровне. Пронзительный взгляд, символическое обожествление, волнистые волосы и совершенные пропорции лица – всё это делает образ художника революционным для того времени.

Активно осуждается обществом также и другой автопортрет А. Дюрера 1509 г. (Веймарский замок, Веймар), где он изобразил себя обнажённым. Данный автопортрет удивляет не столько изображением наготы художника, сколько тем, что он имеет авторскую подпись, а это означает, что А. Дюрер создаёт первый подписанный обнажённый автопортрет. Кроме того, мы видим, что художник выступает в данном автопортрете в роли позирующей модели, что также обозначает проявляющиеся черты будущего вида автопортретного жанра «автопортрет за работой».

Нужно сказать, что после данных автопортретов художник заканчивает разговор о себе напрямую, но продолжает изображать себя в своих произведениях. Например, героем в больших сложно-сюжетных произведениях, как в произведении «Алтарь Иова (Алтарь Ябаха)» 1504 г. (Музей Вальрафа-Рихарца, Кёльн). А. Дюрер изобразил себя в образе барабанщика. Мы видим, что он единственный герой произведения, чей взгляд направлен на зрителя. Данный автопортрет является типом «автопортретом-самоописанием», так как мы видим развитое сюжетное начало и развитые косвенные характеристики личности (одежда, предметная и пейзажная среда). Кроме того, А. Дюрер изображает себя в образе художника, стоящего позади происходящего действия и держащего или свиток, или табличку, которые указывают на авторство художника. Таким произведением является картина «Праздник венков и роз» 1506 г. (Национальная галерея, Прага). Также мы видим художника в образе, подобном изображению Христа, как в произведении «Муж скорбей» 1522 г. (Бременская картинная галерея, Бремен), где художник изображён с плетью и клещами (эмблемами мученика), являющимися символическими элементами. Данный автопортрет является последним автопортретом, который показывает нам, что, несмотря на то, что А. Дюрер изображал себя на всех своих автопортретах прекрасным и молодым человеком – что,

конечно, могло провоцировать идеи о приукрашивании своего образа художником, – мы видим, что под конец жизни, он изображает все возрастные изменения и не скрывает их. Мы видим и уже редящие волосы, и опущенные плечи, и исхудавшее лицо, и торчащий живот – всё это говорит о том, что, несмотря на любовь, которую художник испытывает к себе, он остаётся честным в своих произведениях. Таким образом, можно сказать, что всю жизнь А. Дюрер изображает себя только так, как ощущает и видит себя в зеркале: мы видим не совсем ровный цвет кожи художника в юности и совсем исхудавшее лицо в старости. Нужно сказать, что А. Дюрер закладывает основы будущих типов автопортрета «самосозерцание» и «самоописание», которые имеют целью фиксирование художником особенностей своей личности. Однако, если первый тип представляет обращение художника сугубо к самому себе, то второй направлен на зрителя (происходит раскрытие образа художника публике). Художник гордится своей внешностью и не скрывает это, однако он не приукрашивает её, а транслирует через живопись.

Таким образом мы видим, что за свою жизнь А. Дюрер создал большое количество автопортретов, которые по праву послужили толчком к развитию жанра и представлению художника публике. Живописный автопортрет для Дюрера – это средство подчеркнуть свой статус и зафиксировать определённый этап его жизни и творческого пути. На своих полотнах он представлен человеком, стоящим по интеллектуальному и духовному развитию выше того уровня, который был определён его сословным положением. Альбрехт Дюрер закладывает основы символизма и разрабатывает новые типы автопортрета – «автопортрет за работой», «автопортрет в обнажённом виде», а также «парадный автопортрет».

Список литературы

1. Васильева-Шляпина, Г.Л. Автопортретный жанр в мировом изобразительном искусстве / Г.Л. Васильева-Шляпина. – Красноярск: Искусство, 2005. – 240 с.
2. Гуковский, М.А. Итальянское Возрождение / М.А. Гуковский. – Л.: изд. ЛГУ, 1990. – 624 с.
3. Дюрер, Альбрехт. Дневники, письма, трактаты: в 2 т. / сост.: Н. Семенникова (гл. ред.) [и др.]. – Л.: "Искусство", 1957. – Т.1. – 228 с.
4. Изобразительное искусство: история зарубежной, русской и советской живописи: учебное пособие для вузов / Г. Л. Васильева-Шляпина. – Москва: Академический Проект, Фонд "Мир", 2007. – 526 с.

5. Сидоров, А.А. Альбрехт Дюрер / А.А. Сидоров. – М.: "Изобразительное искусство", 1937. – 142 с.

Сидорович Я. Д., студент I курса

КТО БЫЛ ИСТИННЫМ ОБЪЕДИНИТЕЛЕМ ЕГИПТА В III ТЫС. ДО Н.Э.?

Научный руководитель:

О. В. Перзаишевич,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме идентификации первого правителя объединённого Египта в III тыс. до н.э. В качестве главного объединителя Верхнего и Нижнего Египта в научной литературе и учебных пособиях часто выступает Менес. При этом даже в вузовских учебных пособиях не даётся разъяснений о том, почему такие фараоны как Менес, Хасехемуи или Нармер были истинными объединителями Верхнего и Нижнего Египта. По данному вопросу существует ряд источников, важнейшими из которых являются Палермский камень (V династия), надписи на подножиях двух статуй Хасехемуи, Палетка Нармера.

Цель работы состоит в том, чтобы ответить на вопрос, почему именно Менес является истинным объединителем Древнего Египта, а не Хор-Аха, Хасехемуи или фараон Скорпион.

Ключевые слова: Менес, Хасехемуи, объединение Верхнего и Нижнего Египта, V династия фараонов, Раннее Царство.

В египтологии на сегодняшний день существует пять основных гипотез, кто же был истинным основателем Древнего Египта : 1) Менес – наследник Нармера (идентичный Хор-Ахе), получивший от Нармера уже объединённую страну; 2) Нармер и Менес – одно и то же лицо, а Хор-Аха – его сын; 3) Объединение Египта – длительный процесс, начатый при Нармере и завершённый при Менесе; 4) Объединение Египта было завершено лишь при фараоне Хасехемуи; 5) Сам Нармер только подавил нижнеегипетское восстание, а подлинным объединителем Египта являлся Царь Скорпион [1, с. 23-32].

Для того, чтобы решить эту проблему, первое, что нужно рассмотреть – это палетка Нармера. Это алевролитовая пластина культового назначения, которая использовалась для ритуального растирания красок. В Палетке Нармера привлекают следующие детали: Палетка исполнена в виде победной стелы и повествует о триумфальной победе Верхнего Египта над

Нижним. Смысл композиции раскрывается иносказательным языком в сценах, расположенных фризообразными регистрами. В центре изображены переплетённые львы с длинными шеями (серпопарды), которых держат на поводках двое бородатых мужчин. Их шеи обрамляют круг Палетки Нармера, что может, по мнению учёных, символизировать насильственное объединение двух частей страны. Далее перед нами появляются ещё более интересные детали: на обратной стороне Палетки изображён царь Нармер, который замахивается булавой на пленного северянина. Фараон держит пленного за волосы. Фигура Нармера занимает центр композиции. На нём те же одежды, но голову венчает уже «белая корона» Верхнего Египта. Над царём бог Гор в виде сокола держит в лапе верёвку, продетую сквозь губы пленника. Голова пленника поднимается из иероглифического знака земли. Под изображением сокола помещены шесть стеблей папируса. Стебель папируса в египетской системе счёта означает тысячу. Сокол на пиктограмме символизирует царя, который захватил в завоёванной им стране 6 тыс. пленных. Благодаря этой Палетке Нармера исследователи считают Нармера основателем Египта. Но это ещё далеко не все факты и доказательства, которые могут указать на Нармера как объединителя Египта.

Также на булаве Нармера содержится очень важная информация. На ней изображено празднество, вероятно, по поводу царского юбилея (хебсед). Фараон сидит на высоком троне в короне Нижнего Египта под балдахином в одеянии и с атрибутами Осириса; над ним витает коршун – богиня Нехбет; за ним стоит министр, сандаленосец и царедворец; перед царём – «репут» (обозначение ритуальной фигуры в культовых действиях). Тут же сообщается о захвате 120 тыс. пленных и огромных стад (числа, видимо, сильно преувеличены, если только тут не идёт речь о переселении целых областей). Нармер совершал также походы в Ливию, на что указывает цилиндр из слоновой кости с именем Нармера и с изображением руки, которая бьёт ливийских пленников палкой [1, с. 45-59].

Вторая гипотеза о главном объединителе Египта – о Хор-Аха, вызывает большие сомнения, поскольку даты его восхождения на престол являются крайне спорными: большинство учёных сходятся на дате 3007 г. до н.э. Нармер же правил приблизительно с 3100 г. до н.э. до 3000 г. до н.э., и его преемник Менес взойшёл в 3000 г. до н.э. или в 2950 г. до н.э. Основываясь на данных Палермского камня можно предположить, что Хор-Аха был сыном Нармера и Нейтхотеп и правил примерно с 2950 г. до н.э. Как полагают на основании археологических данных, на правление Хор-Аха

приходится начало древнеегипетского летописания, поскольку начался счёт лет по годам (каждый год получал особое название по примечательным событиям), что нашло своё отражение в летописи Палермского камня.

Хор-Аха вёл войны в Нубии, наименование одного из его годов царствования звучит как «*Хор-Аха избил Сати (Нубию)*». Остальные названия годов свидетельствуют о мирном правлении Хор-Аха и сводятся к празднествам, выходам, изготовлению статуй богов, посещению храмов. Возможно, что этот фараон воевал также с ливийцами, на что может указывать табличка из слоновой кости с изображением пленных ливийцев. Однако чтение помещённых тут иероглифов как имени «Мина» остаётся спорным.

Если согласиться с тем, что Хор-Аха был сыном Нармера и Нейтхотеп, то его претензии на власть как над Верхним, так и над Нижним Египтом покоились на прочном основании права победителя и наследника, и хотя создаётся впечатление, что не все жители Севера были согласны смириться с его властью, большая часть страны была всё же подчинена ему, и как египтяне, так и ливийцы почитали его и платили дань [2, с. 112-123]. Период же с 3000 г. и до 2950 г. до н. э. был правлением Менеса уже однозначно объединённого Египта.

Что касается ещё одной гипотезы, то её можно сразу же опровергнуть, потому что фараон Хасехемуи правил в 2686 – 2648 гг. до н. э. и являлся фараоном 2-й династии, то есть времени завершения эпохи Раннего Царства. К тому же он всего лишь подавил восстание в Нижнем Египте, на что указывают многочисленные свидетельства и источники, а не объединял Египет, потому что к этому моменту страна была объединена уже свыше 400 лет.

Хасехемуи отличился в нескольких походах и оставил ряд памятников, которые свидетельствуют о победе над восставшим Севером – Нижним Египтом. Хасехемуи жестоко подавил восстание в Дельте: судя по надписям на подножиях двух его статуй, которые посвящены построенному храму, было убито 48205 человек, а ещё 47209 – уведено в плен. На двух каменных сосудах он представил богиню Верхнего Египта Нехебт, вручающую ему, украшенному верхнеегипетской короной, знак соединения обеих земель. Тут же помещена надпись: «В год поражения Нижнего Египта».

Хасехемуи сохранил единство Египта, и на этот раз Египет был по-настоящему консолидирован в единое государство. Само имя Хасехемуи означает «Воссиявший Двумя Жезлами (власти)» и, по-видимому,

свидетельствует о примирении Севера и Юга. Поэтому серех фараона Хасехемуи увенчан символами покровителей обеих земель, и Гора, и Сета, и он стал называть себя: «Тем, в ком умиротворились оба бога». Ни до, ни после такую формулу фараоны не употребляли. Сет был вычеркнут из царственного сереха сразу же после смерти фараона. Именно поэтому некоторые египтологи предлагают считать именно Хасехемуи, а не Менеса, Нармера или Скорпиона, истинным объединителем Древнего Египта [2, с. 35-48].

Пятая гипотеза кажется совсем уж фантастической: поскольку фараон Скорпион являлся представителем ещё додинастического Египта и никак не мог быть главным объединителем страны. Скорее всего, он происходил из дома Иераконполя, а не из дома Тиниса, древнего города тинисской династии, откуда происходил его последователь фараон Нармер. Его имя значится также на сосудах, найденных несколько южнее Мемфиса, значит, совсем близко от Нижнеегипетской земли (сбоку от имени имеется приписка и начинается она со знака, обозначающего Нижний Египет). Важнейшее изобразительное свидетельство существования этого царя – навершие булавы из Нехена. На нём царь изображён в белой короне. В Гебель Джаути также обнаружено граффито, изображающее Хора Скорпиона, побеждающего другого додинастического правителя.

Существует ряд теорий, по-разному трактующих положение Хора Скорпиона. Одни исследователи считают его местным правителем Иераконполя, другие полагают, что под его властью находился весь Египет. Вероятно, он был одним из предшественников Нармера, но существует также точка зрения, отождествляющая Хора Скорпиона и Нармера.

Рельефное изображение на каменном навершии жезла или булавы, найденной в Иераконполе (др. егип. Нехен, переводится «сокол») показывает царя Скорпиона руководителем земледельческих праздников «Взрыхления земли». Скорпион представлен в белой короне Верхнего Египта хеджет, в специальной ритуальной одежде, с привешенным сзади бычьим хвостом (характерный атрибут фараона во многих религиозных церемониях), стоящим на берегу канала, с мотыгой в руках. Возможно, он открывает ирригационные каналы для орошения полей или выкапывает первую лунку, чтобы положить туда камень для основания храма или города. Начало основания какой-либо важной постройки являлось прерогативой фараона в древнем Египте.

Для увековечивания победы фараона, очевидно, была предназначена булава, помещенная во главе союзных номов, представленных своими

штандартами. Это была победа не только над другими номами, но и над иностранными неприятелями. Два из этих штандартов изображают животных, посвящённых Сету. Это показывает, что в то довольно раннее время служители Сета поддерживали правителя. На шестах с гербами, как на виселицах, повешены птицы – ибисы (ибис означает слово «рехит» и переводится как «подданные», «народ», «люди»), символическое изображение египтян. В данном случае народ Египта был завоёван царём Скорпионом. Однако по другим источникам, этот символ стал изображать народ Египта гораздо позднее, а в то время обозначал иностранцев, не египтян. Таким образом, булава царя Скорпиона изображает этого правителя как победителя людей, живших где-то в Западной Дельте.

Вероятно, ему принадлежит шиферная палетка, на которой с одной стороны, показано, как олицетворяющие царя сокол, лев, скорпион и царские стяги-штандарты разоряют крепости, а с другой изображены деревья, быки, ослы, бараны, и всё это названо словом «Ливия», что, по-видимому, должно обозначать добычу животных, захваченных в Ливии, и саму эту страну. Сокол и лев обычно представляли фараона, а изображение скорпиона показывает, что таковым был Скорпион.

Из рассмотренных выше надписей и рельефов видно, что Скорпион был правителем обширной территории, простирающейся, по меньшей мере, от Нехена на юге до Тура на севере.

Таким образом, как представляется, факты касательно объединения Древнего Египта и приведенные доказательства свидетельствуют в пользу первой гипотезы и отчасти третьей. Все остальные, очевидно, не могут быть признаны состоятельными.

Список литературы

1. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть 2. Передняя Азия. Египет / Под редакцией Г. М. Бонгард-Левина. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – 623 с.

2. Авдиев, В.И. Военная история Древнего Египта / В.И. Авдиев. – Т. 1. Возникновение и развитие завоевательной политики до эпохи крупных войн XVI – XV вв. до х. э. – М.: Издательство «Советская наука», 1948. – 240 с.

Слобожанин М. М., студент 1 курса
**КЛИНОПИСНЫЕ ТЕКСТЫ ИЗ АЛЬ ЯХУДУ КАК
ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ВАВИЛОНСКОГО ПЛЕНА**

Научный руководитель:
О. В. Перзашкевич,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. Данная статья посвящена клинописным текстам из Аль Яхуду. Глиняные таблички, написанные на аккадском языке клинописью, являются основным источником информации об иудаизме в период изгнания. Они позволяют нам получить некоторое представление о том, что произошло с иудейскими изгнанниками и их потомками по прибытии в Вавилон в период 605 – 536 гг. до н.э. Рассмотрены происхождение и публикации источника. Исследованы формуляры указания имен, выявлены случаи исключений из формуляра отчеств и появление фамилий. Особое внимание уделено критериям идентификации евреев по именному и социальным маркерам. Сделан вывод о способе идентификации евреев с помощью именных формуляров клинописных текстов из Аль Яхуду.

Ключевые слова: Аль Яхуду, Вавилонский плен, евреи, Яхвистские имена, УНВН, Нововавилонский период.

По прибытии в Вавилон евреи-изгнанники были поставлены на царскую службу. Некоторые из них впоследствии сделали карьеру в качестве царских купцов, писцов алфавита и переводчиков, но большинство из них были посланы вавилонянами в сельскую местность, чтобы основать новые поселения в ранее необитаемых местах.

Одним из таких поселений было Āl-Yāhūdu (Деревня иудеи) или Āl-Yāhūdāya (Деревня иудеев). Названия этой деревни отражают исторический факт, что большинство ее жителей происходили из Иудеи и, вероятно, даже из самого Иерусалима, поскольку Yāhūd(u) (Яхуд(у)) использовался в древности и как обозначение провинции Иудеи, и как ее столицы, Иерусалима [1].

Древнеиудейская община Āl-Yāhūdu известна по коллекции, состоящей примерно из 200 глиняных табличек. Эти таблички были найдены в современном Ираке, вероятно, недалеко от Бирс-Нимруда (древняя Борсиппа), расположенного примерно в 100 километрах к юго-западу от

Багдада. Таблички датируются VI и V вв. до н. э. и охватывают период около 90 лет (572 – 484 до н.э.). Они изображают повседневную жизнь сельской общины иудейских изгнанников и их потомков в древней Вавилонии [1]. Впервые общественности эти документы были представлены в статье «Trois tablettes cunéiformes à l'onomastique ouest-sémitique» двух французских исследователей F. Joannès и A. Lemaire в 1999 г., в которой рассматривались три таблички с упоминанием евреев в Вавилоне, включая Аль-Яхуду. В 2014 г. они были опубликованы Карелией Вунш и Лори Пирсом в Корнуолльском университете.

Глиняные таблички из Āl-Yāhūdu представляют собой записи о сельскохозяйственной и коммерческой деятельности, в частности, аренде земли и домов, квитанциями об оплате финиками и ячменем, продаже скота, записями о ссудах серебром и сделках с рабами. Они написаны на аккадском языке клинописью, зачастую на полях встречаются короткие заметки арамейским алфавитом. Они рисуют картину повседневной деятельности иудейских изгнанников и их потомков, которая была сосредоточена преимущественно на сельском хозяйстве. Землю они получали от вавилонского царя в обмен на военную службу в качестве лучников или уплату налогов.

Написанные вавилонскими писцами от имени иудейских семей, живших в Āl-Yāhūdu и окрестностях этого поселения, и следуя стилю и правовым формам, которые были распространены в Вавилонии в то время, таблички показывают, что изгнанники и их потомки должны были, по крайней мере, в какой-то степени перенять местный язык, письменность и правовые традиции Вавилонии через сравнительно короткое время после их прибытия туда.

Община, жизнь которой отражена на глиняных табличках из Āl-Yāhūdu, была, конечно, еврейской общиной, но таблички не дают ответов на такие вопросы, как, например, в какой степени изгнанники и их потомки соблюдали еврейские традиции и обычаи. Примечательно, что ни один из документов не был написан во время еврейских праздников, хотя некоторые люди, жившие в Āl-Yāhūdu, носили типично еврейские имена, такие как Хаггей (на основе слова חַג (хаг) – праздник) [2]. Однако, это не более чем косвенное свидетельство сохранения своих традиций.

Свидетельства о браках, разводах и наследовании у иудеев в Вавилонии столь же скудны. Иногда встречаются факты смешанных браков между женщинами иудейского происхождения и вавилонянами, но, по-видимому, они были скорее исключением, чем правилом [1].

Вавилонские источники редко указывают на этническое или географическое происхождение людей. Тем не менее, есть некоторые исключения: иностранные специалисты в Дворцовом архиве Навуходоносора II и города-близнецы Naṭrus в регионе Ниппур, названные в честь родного города и родной земли [3]. Существует мало текстов, описывающих человека как иудея или египтянина, и, в большинстве случаев, личные имена являются нашим основным средством идентификации людей иностранного происхождения в вавилонских источниках.

В нововавилонских юридических текстах людей обычно называют по имени и отчеству. Стандартная формула в вавилонской клинописи - A1 a-šú šá B2 (A1, сын B2) [1]. Но есть и два заметных исключения: случаи, когда отчество не дается и случаи, когда фамилия дается в дополнение к имени и отчеству.

Первое исключение относится к рабам и царским чиновникам, которые обычно не имеют отчества. Вместо этого часто указывается имя их владельца или его официальный титул в королевской администрации. [3].

Второе исключение состоит в том, что использование фамилии было связано с определенными кланами или родословными в каждом конкретном городе. Многие семьи были связаны с храмами и унаследовали должности, в то время как некоторые занимались крупной предпринимательской деятельностью. Эти семьи поддерживали клинописную культуру, совершали обряды в вавилонских храмах и пользовались значительной властью в старых городах [3]. Эта группа была исключительной, и семьи депортированных не встречаются в ее рядах, хотя женщины иностранного происхождения иногда могли вступать в брак с представителями данных семей. Ассириологи выделяют эту группу как городскую элиту или городской высший класс. Нет никаких свидетельств того, что эмический термин использовался для описания такой группы. Но есть много свидетельств, дающих основание предположить, что такая социальная группа существовала в древности, и что это не просто современная конструкция [3]. Отличительной особенностью рассматриваемой группы является практика отслеживания генеалогии, что отражают формулы их имен: имя A1 сын B2 потомок B3.

Личные имена являются сложными маркерами происхождения человека, поскольку они не просто выражают этническую принадлежность, но и религиозные взгляды или культурное происхождение. Человек мог выбрать новое имя, когда переселялся в новую страну, чтобы

ассимилироваться быстрее. Кроме того, практика переименования рабов была также хорошо известна в Вавилонии. Следует также учитывать, что арамейский язык на этой территории был широко распространен, поэтому арамейские имена не являются надежным свидетельством невавилонского происхождения.

Примечателен случай с неким человеком по имени Bēl-šar-ušur, который работал мелким чиновником в Āl-Yāhūdu в середине VI в. Он дважды назван как Bēl-šar-ušur («Бел, защити царя!») и один раз как Yāhū-šar-ušur («YHWH, защити царя!») [1].

Местный пантеон также оказал влияние на присвоение имен, и между вавилонскими городами существуют значительные ономастические различия. Древние семитские имена часто были теофорными, то есть именными или словесными предложениями с именем божества в качестве субъекта: Nabû-šum-iddin (Nabû дал сына – аккадский язык) или Zekaryāh(û) (YHWH вспомнил – древнееврейский язык). Несмотря на региональные различия, поклонение божеству не ограничивалось определенным городом или регионом, и теофорические имена не являются надежным индикатором этнического или географического происхождения [2].

Привлекательность того или иного имени тесно связана с властными отношениями между различными группы населения. Имена политически или экономически более сильных сообществ зачастую оказывались привлекательны для более слабых, но не наоборот. Нет никаких свидетельств того, что какая-либо другая группа населения заимствовала иудейские имена, в то время как иностранные имена более высокого статуса, включая персидские, египетские и в более поздний период греческие, были привлекательны для других групп населения. Соответственно, одно только вавилонское или арамейское личное имя или отчество ничего не говорит об этническом происхождении его носителя в Вавилонии в середине I тыс. до н.э.

Яхвистские имена – то есть имена с божественным именем YHWH – являются главным критерием идентификации еврейского присутствия, поскольку их можно довольно легко отличить от других имен, используемых в Вавилонии, но при этом возникает проблема, поскольку произнесение YHWH в имени является нарушением традиции. На данный момент имеющиеся источники позволяют предположить, что человек, в имени которого содержалось иудейское божественное имя, был знаком с еврейской традицией, но отошел от нее.

«Израиль» и «Иудея» использовались в качестве критерия идентификации иудеев в вавилонских клинописных источниках. Израиль и Иудея стали центром культа ҮНҲН в районе к югу и востоку от Мертвого моря в I тыс. до н.э. Это отражено в яхвистских именах, которые не только встречаются в еврейской Библии, но и хорошо засвидетельствованы в эпиграфических находках из Израиля и Иудеи. Ассирийские и вавилонские депортации из Израиля и Иуды в VIII – VI вв. до н.э. привели к появлению яхвистских имен в юридических и административных текстах Месопотамии.

Список литературы

1. Pearce, L.E., Wunsch C. Documents of Judean Exiles and West Semites in Babylonia in the Collection of David Sofer / L.E. Pearce. – Bethesda, MD: CDL Press, 2014.

Beaulieu, P.A. Yahwistic Names in Light of Late Babylonian Onomastics / P.A. Beaulieu // Judah and the Judeans in the Achaemenid Period: Negotiating Identity in an International Context. – 2011. – С. 245–266.

Nielsen, J. P. Sons and Descendants A Social History of Kin Groups and Family Names in the Early Neo-Babylonian Period, 747–626 BC. / J.P. Nielsen. – Leiden, Boston: Brill, 2011.

Степанов Н. А., студент I курса

ЭМИГРАЦИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Научный руководитель:

А. В. Бурачонок,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье рассматривается эмиграция представителей городских сословий Беларуси за пределы Российской империи. Выявлены основные категории горожан по этноконфессиональному и профессиональному признакам, участвовавших в процессе внешней территориальной мобильности. Показаны направления эмиграции городского населения Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Беларусь, Российская империя, эмиграция, социальная мобильность, городское население.

В 1861–1914 гг. Беларусь вступила на путь индустриального развития, одним из проявлений чего стало наращивание темпов территориальной мобильности. Этот социальный процесс охватил широкие слои населения

белорусских городов, высвечивая региональные особенности и демонстрируя схожесть с общероссийскими тенденциями.

Говоря о процессах внешней миграции городского населения белорусских губерний в 1861 – 1914 гг., следует в самом начале определить общие демографические показатели городского населения на территории Беларуси, а также ряд важных особенностей социальной, этнической и конфессиональной его структуры. Кроме того, необходимо оценить направления и характер городской эмиграции белорусских губерний в сопоставлении с общероссийскими тенденциями.

В 1858 г. городские сословия насчитывали немногим более 12 % от общего количества населения, что является достаточно внушительным показателем по тогдашним российским меркам [3, с. 301–302]. К 1897 г. соотношение серьезно не изменилось. Структура населения городов была следующая: евреи составляли большинство (53,2%), а белорусы – меньшинство (13,2%); число других национальностей в городе было намного выше, чем в деревне (33,6%).

Как видно из статистики, городское население белорусских губерний было немногочисленным и в значительной мере представлено евреями и другими этническими группами. Следует отметить, что, как и во всей Российской империи, так и на территории Беларуси, основу эмигрантов составляли евреи, литовцы, поляки, немцы и прочие [5, с. 92].

Города и местечки по своей сословной принадлежности состояли преимущественно из мещан, которые по профессиональному признаку стратифицировались следующим образом: предприниматели, фабричные рабочие, интеллигенция. Именно эти группы стали основой трудовых эмигрантов. В процессе внешней территориальной мобильности участвовали сельскохозяйственные рабочие, малоземельные крестьяне, неквалифицированные рабочие, а также ремесленники, прислуга и мелкие торговцы. Процент квалифицированных рабочих и интеллигенции был весьма незначительным. Несколько иную картину представляла еврейская эмиграция, представленная мелкими торговцами, чернорабочими и ремесленниками.

Мещане, основа населения белорусских городов, в своих миграционных процессах опирались на аналогичную крестьянам законодательную базу. Вкратце ее можно охарактеризовать, как крайне неблагоприятную, непроработанную и архаичную в первые десятилетия после 1861 г. из-за политики властей, направленной на сдерживание эмиграционных процессов в любых направлениях. Переломным моментом

стали 1880-е гг., когда правительство, осознав, что более сдержать миграционные процессы не в силах, начало предоставлять людям возможности для более свободного переселения [2, с. 103]. Однако именно процесс эмиграции на запад, за пределы Российской империи, игнорировался наиболее долго. С течением времени процессы миграции становились все менее подконтрольны и все более ширились, что вынуждало власти изменить политику в пользу эмигрантов: до 1914 г. законодательство становилось лояльнее к эмигрантам, упрощая сам процесс переселения. Сработал принцип «Не можешь победить – возглавь».

Следует обратить внимание на то, что на городскую эмиграцию воздействовали иные социально-экономические и культурные условия, чем на крестьянскую. Большая часть горожан становилась эмигрантами, покидая Россию и уезжая на Запад, туда, где основные мещанские профессии и занятия могли принести большую прибыль.

Важнейшим вопросом при рассмотрении эмиграции городского населения Беларуси становится еврейский вопрос, ведь евреи составляли значительную часть городского населения и большинство эмигрантов. Как уже было сказано выше, местом жительства евреев, в силу фактического запрета на занятия сельским хозяйством, были города и местечки, где евреи составляли как экономическую элиту, так и низшие слои общества. Среди евреев большинство было бедняками, в основном, в лице мелкой буржуазии и рабочих мелких предприятий, а в общем в городах проживали как минимум 85% всех евреев [1, с.46–48].

Евреи, являясь национальным меньшинством на территории Беларуси и не составляя ни в одной из губерний Российской империи и 20 % населения, одновременно являлись наиболее экономически важной частью городского населения белорусских земель, ведь все белорусские губернии находились в границах так называемой черты еврейской оседлости, которая жестко определяла территории, доступные для проживания евреев в границах Российской империи. В 1865 г. Был принят закон, который позволил евреям по специальному документу (паспорту) селиться за границами черты «еврейской оседлости», но уже в 1882 г. этот закон был отменен [2, с. 102].

Учитывая, таким образом, невысокий уровень урбанизации белорусских земель и всей Российской империи, при учете довольно компактного проживания массы евреев в городах и местечках на территории с низкой общей долей городского населения, евреи зачастую составляли более 40 % жителей с общей долей в 40,5% [1, с. 47].

Говоря о причинах и предпосылках городской эмиграции, следует в первую очередь отметить тяжелое финансовое положение общей массы городского населения. На территории Российской империи и, в частности, на белорусской земле заработать на обеспеченную жизнь городским низам было крайне трудно, что провоцировало их уезжать в стремительно растущие города на Западе, где было больше возможностей получить работу с высоким заработком. Эмигранты-евреи же были в положении еще более сложном, что провоцировало в их среде массовую миграцию: фактор ограничения на миграцию внутри России принуждал уезжать в зарубежные индустриальные центры, также сказывалось временами негативное отношение населения к евреям, пусть на белорусских землях и наименее радикальное.

Доля эмигрантов-евреев на белорусских землях составляла с 1906 г. по 1913 г. от 29,4 % до 35,9 % и в среднем равнялась 32,1 % в год. Численность евреев-эмигрантов составила в то же время более 294 тыс. человек, из них на долю белорусских земель пришлось около 94400 человек [1, с. 55–56].

В целом, можно говорить о том, что горожане эмигрировали в основном за пределы Российской империи. Следует также сказать несколько слов и об основных направлениях эмиграции городского населения. Возможность реализации своих экономических интересов, то есть простой поиск наиболее выгодного места для проживания, манил белорусских горожан на запад. Наиболее популярным направлением иммиграции белорусских жителей были США [1, с. 56]. Далее следовали другие западные страны, в которых бурно развивалось индустриальное общество и буржуазные общественные отношения, которые были наиболее благоприятными для представителей городских слоев. Важно отметить, что эмиграция населения белорусских губерний в США и другие высокоразвитые индустриальные страны напоминала волну, простиравшуюся от западных губерний Беларуси к восточным, постепенно охватывая все большее число губерний и людей [1, с. 59].

Все вышеприведенные факты в целом указывают именно на экономическую первопричину эмиграции и экономику как основной определяющий фактор ее характера, будь то направления эмиграции, предпосылки, социальная структура эмигрантов, что видно из приведенной выше информации.

Список литературы

1. Осинский, В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР / В. В. Оболенский (Осинский) ; Центр. стат. упр. СССР. – М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. – 136, [2] с. : табл., к.
2. Каханоўскі, А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А.Г. Каханоўскі ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск : БДУ, 2013. – 335 с.
3. Статистические таблицы Российской империи / сост. и изд. по распоряжению Министра внутр. дел Стат. отд. Центр. стат. ком. – СПб. : Центр. стат. комитет Мин-ва внутр. дел, 1858–1863. – Вып. 2. Наличное население империи за 1858 год / ред. А. Бушена; предисл. А. Тройницкий. - 1863. - X, 330 с. : табл., 1 л. к.
4. Тудоряну, Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма: (в Германию, Скандинавские страны и США) / Н.Л. Тудоряну. – Кишинев : [б.и.], 1986. – 133 с.
5. Яновский С. Я. Русское законодательство и эмиграция / С. Я. Яновский // Журнал Министерства Юстиции. – 1909. – № 4. – С. 86–114.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Макоўская Я. У.</i>	
УНІКАЛЬНАЕ ПРАДПРЫЕМСТВА: 3 ГІСТОРЫІ УРЭЦКАЙ МАНУФАКТУРЫ	4
<i>Сямёнаў М. А.</i>	
ГЕНЕЗІС І РАЗВІЦЦЁ ОРДЭНА БАЗЫЛЬЯН НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў XVII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТСТ.	10
<i>Гугнюк А. А.</i>	
УСПАМІНЫ ЗАХОДНЕПАЛЕСКІХ ЖАНЧЫН АБ ТРАДЫЦЫЙНАЙ НАРОДНАЙ КАСМЕТЫЦЫ	19
<i>Лізуноў А. І.</i>	
УНУТРЫПАЛІТЫЧНЫЯ КАНФЛІКТЫ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 1917 – 1921 ГГ.	23
<i>Шапко А. С. (Туркевич А. С.)</i>	
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ДОКУМЕНТОВЕДОВ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БГУ	27
<i>Сямёнаў М. А.</i>	
ВЫВУЧЭННЕ ОРДЭНА БАЗЫЛЬЯН У ЗАМЕЖНАЙ І БЕЛАРУСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ	35
<i>Колосовская М. В.</i>	
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСАДЕБНЫХ КОМПЛЕКСОВ НОВОГРУДСКОГО УЕЗДА XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ИМЕНИЯ ОСТАШИН)	42
<i>Колосовская М. В.</i>	
РАЗВИТИЕ НАЧАЛЬНОГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МЕСТЕЧКЕ МИР ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.	49
<i>Пыж Д. С.</i>	
ПОЛЬСКИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ В БССР В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД	53
<i>Пыж Д. С.</i>	
РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В БССР В 1920-х ГГ.	57

<i>Старжинская О. Н.</i> ПАРАГВАЙ ИЛИ ПАРАКВАРИЯ? НАЗВАНИЕ И ДИСЛОКАЦИЯ ИЕЗУИТСКОЙ ПРОВИНЦИИ В XVII–XVIII ВВ.	61
<i>Andreev I. A.</i> THE ROLE OF CARTOGRAPHY IN FORMATION OF THE EASTERN EUROPEAN NATIONS: BELARUS CASE STUDY	65
<i>Грицук С. А.</i> КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ БОЕВОЙ СЛАВЫ ГУО «СРЕДНЯЯ ШКОЛА №30 Г. ГОМЕЛЯ»	72
<i>Зайко П. В., Кулагин С. В.</i> ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В СОВРЕМЕННОМ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	75
<i>Захарыч В. I.</i> ЭПІДЭМІЯ ЧУМЫ НА ПРЫКЛАДЗЕ ГОРАДА СЛОНІМА ў 1630 Г.	78
<i>Мальцев М. А.</i> СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ В ВЫСШИХ ПАРТИЙНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СССР (1956 – 1982 гг.)	83
<i>Платонов К. А.</i> ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В БЕЛОРУССКОМ ГОРОДЕ (1941 – 1944 ГГ.)	85
<i>Позняк Д. С.</i> ДОКУМЕНТЫ ИЗ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ ХУДОЖНИКОВ БССР, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ-МУЗЕЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ	95
<i>Рахоўская А. А.</i> СЯРЭДНЯВЕЧНЫЯ ФРАНЦЫСКАНЦЫ. ПОГЛЯД ЗВОНКУ	103
<i>Рубисов Д. О.</i> МУЗЕЙ ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СЕРГИЕВА ПОСАДА	109

<i>Севницкая О. И.</i>	113
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БИОГРАФИИ А. И. ДЕНИКИНА	
<i>Соломкина Н. С.</i>	
КАРТИНА ВОЛКОВА ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВИЧА «МИНСК 3-ГО ИЮЛЯ 1944 ГОДА»: ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕДЕВРА	116
<i>Тамковіч Ю. В.</i>	
ВЫВУЧЭННЕ ВАЙСКОВАЙ ГІСТОРЫІ ВКЛ НА КАФЕДРЫ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ СТАРАЖЫТНАГА ЧАСУ І СЯРЭДНІХ ВЯКОЎ ГІСТАРЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА БДУ	120
<i>Чеченев И. О.</i>	
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БИОГРАФИИ С. БОЛИВАРА	125
<i>Ячменеў С. І.</i>	
НАВУЧАЛЬНЫЯ ЎСТАНОВЫ РЫМСКА-КАТАЛІЦКАЙ ЦАРКВЫ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў XVI – XVIII СТСТ.	129
<i>Бохан Ф. Ю.</i>	
ПАЛІТЫЧНЫЯ ТЭХНАЛОГІІ Ў БАРАЦЬБЕ МАГНАЦКІХ ГРУПОВАК РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVIII СТ.	132
<i>Брилёва Т. И.</i>	
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1921– 1939 ГГ.	137
<i>Бубенец А. В.</i>	
НОРТХЕМПТОНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В СРЕДНИЕ ВЕКА	141
<i>Воропаев Е. Д.</i>	
СОВЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	144
<i>Кочанова А. Д.</i>	
ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ МУЖСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ В БЕЛАРУСИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	148
<i>Леончик А. В.</i>	
ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XV – XVI ВВ.	151
<i>Мядзведзева А. А.</i>	
КАЛЕКТЫВІЗАЦЫЯ Ў ЗАХОДНІХ АБЛАСЦЯХ БССР Ў	

1949 – 1953 ГГ.: ПА МАТЭРЫЯЛАХ РАДЫЁПРАГРАМ МАЛАДЗЕЧАНСКАЙ ВОБЛАСЦІ	155
<i>Полховская В. В.</i>	
АРХЕОЛОГИЯ АРХИТЕКТУРЫ: ПРЕДМЕТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	159
<i>Пясецкий Д. В., Сушко И. В.</i>	
ПАЛІТЫЧНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ РОДА САПЕГАЎ У XVII СТ.	162
<i>Рубисов Д. О.</i>	
ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВВ.	169
<i>Хобня Д. Г.</i>	
СЛОВЕНСКОЕ СЕЦЕССИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ: ОТ САМООПРЕДЕЛЕНЧЕНСКОГО ПОРЫВА «НОВОЙ РЕВИИ» ДО ПРОВАЛА XIV СЪЕЗДА СОЮЗА КОММУНИСТОВ ЮГОСЛАВИИ (ЯНВАРЬ 1987 – ЯНВАРЬ 1990 ГГ.)	177
<i>Хомич Д. А.</i>	
ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ С БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В 1939–1945 ГГ.	183
<i>Будо М. Ю.</i>	
АДРИАНОПОЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР И ЗАВЕРШЕНИЕ ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА 1820-Х ГГ.	189
<i>Валент А. Д.</i>	
ВОБРАЗ МІФІЧНАЙ ІСТОТЫ ВІЛЫ Ў БАЛКАНСКАЙ МІФАЛОГІІ	195
<i>Довматович К. Д.</i>	
САЙТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ «СОЛИГОРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	197
<i>Даўматовіч К. Д.</i>	
АФАРМЛЕННЕ ПАНОЎ-РАДЫ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў 1440–1492 ГГ.	200
<i>Есис В. А.</i>	
ЯЗЫЧЕСТВО НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	204

<i>Кононова Е. Е.</i>	
ЛИЧНОСТЬ БОРИСА ГОДУНОВА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОСТЕЙ И ИСТОРИКОВ	209
<i>Мядзведзева А. А.</i>	
РЭКАНСТРУКЦЫЯ НАВАРЫНСКАЙ БІТВЫ ПА СВЕДКАХ СУЧАСНІКАЎ	215
<i>Пясецкий Д. В.</i>	
К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ФЕДЕРАЦИИ ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ – ПОЛЬСКОЕ КОРОЛЕВСТВО В КОНТЕКСТЕ ДИНАСТИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ЯГЕЛЛОНСКОЙ УНИИ	218
<i>Черкас Е. Э.</i>	
АВТОПОРТРЕТЫ А. ДЮРЕРА: ЭВОЛЮЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА	224
<i>Сидорович Я. Д.</i>	
КТО БЫЛ ИСТИННЫМ ОБЪЕДИНИТЕЛЕМ ЕГИПТА В III ТЫС. ДО Н.Э.?	230
<i>Слобожанин М. М.</i>	
КЛИНОПИСНЫЕ ТЕКСТЫ ИЗ АЛЬ ЯХУДУ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВАВИЛОНСКОГО ПЛЕНА	235
<i>Степанов Н. А.</i>	
ЭМИГРАЦИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.	239